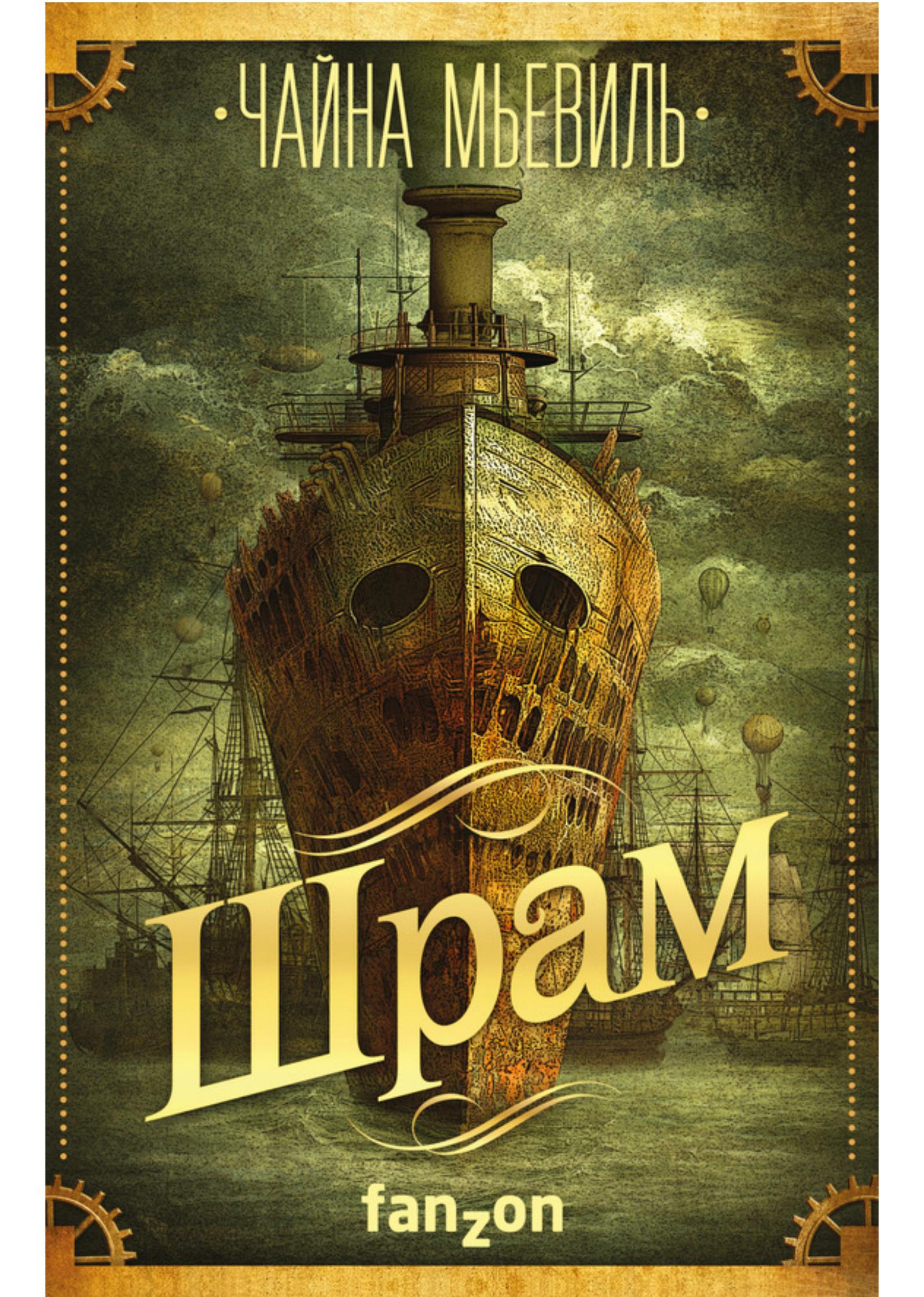

• ЧАЙНА МЪЕВИЛЪ •

Шрам

fanzon

Нью-Кробюзон

Чайна Мьевиль

Шрам

«ЭКСМО»

2002

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

Мьевиль Ч.

Шрам / Ч. Мьевиль — «Эксмо», 2002 — (Нью-Кробюзон)

ISBN 978-5-699-93904-6

Беллис Хладовин бежит из гигантского мегаполиса Нью-Кробюзон; опытный лингвист, она устраивается переводчиком на корабль, идущий в Нова-Эспериум. Но корабль захватывают пираты, и новая жизнь Беллис начинается не в далекой кробюзонской колонии, а на Армаде – составленном из тысяч и тысяч судов плавучем пиратском городе, не одно столетие бороздящем Вздувшийся океан и управляемом парой садомазохистов, известной как Любовники. Подобно Нью-Кробюзону, Армаду населяют люди и жукоголовые хепри, русалки и водяные, рукотворные мутанты-переделанные и люди-кактусы, а также струподелы и вампиры. Отказываясь примириться с тем, что никогда больше не увидит свой родной город, Беллис готова на все, лишь бы выяснить природу глубоко засекреченного проекта, над которым работают доктор биологии Иоганнес Тиарфлай, лучший охотник во всем. Бас-Лаге Тинтиннабулум, Любовники и их телохранитель Утер Доул...

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-93904-6

© Мьевиль Ч., 2002

© Эксмо, 2002

Содержание

Часть первая	9
Глава 1	9
Глава 2	17
Глава 3	22
Глава 4	31
Глава 5	39
Часть вторая	52
Глава 6	52
Глава 7	61
Глава 8	71
Глава 9	82
Глава 10	91
Глава 11	97
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Чайна Мьевиль

Шрам

China Mieville
THE SCAR

Copyright © 2002 by China Mieville

© Г. Крылов, перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском, языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Моей матери Клодии посвящается

С глубокой любовью и признательностью Эмме Берчам, снова и всегда.

Огромная благодарность всем в «Макмиллане» и «Дель Рее», в особенности моим редакторам, Питеру Лейвери и Крису Шлупу. И, как и всегда, моя признательность, которую невозможно выразить словами, Мик Читэм.

Я в долгу перед всеми, кто читал черновики и давал мне советы: моей матерью Клодией Лайтфут, моей сестрой Джемаймой Мьевиль, Максом Шейфером, Фарой Мендельсон, Марком Булдом, Оливером Читэмом, Эндрю Батлером, Мэри Сандис, Николасом Блейком, Дианой Хоук, Джонатаном Стрейаном, Коллин Линдсей, Катлин О'Ши и Саймоном Кавана. Без них эта книга была бы гораздо хуже.

Но память не заходит в заходящее солнце, в этот зеленый и замерзший взгляд в бескрайнее синее море, где разбитые сердца выкорчевываются из их ран. Слепое небо выбелило интеллект человеческой кости, обдирая кожу эмоций с трещины и обнажая боль под ней. А это зеркало обнажает меня, голый и уязвимый факт.

Дамбудзо Маречера, «Черный солнечный свет»

В миле под самыми низкими облаками скала испаривает воду, и начинается море.

Ему давали самые разные имена. Каждый залив, каждая бухта и поток обозначались так, будто они сами по себе. Но они – одно целое, и говорить о каких-то границах нелепо. Это целое заполняет пространства между камнями и песком, омывает береговую линию, заполняет впадины между континентами.

По краям мира соленая вода так холодна, что обжигает. Огромные плиты замерзшего моря притворяются сушией, они ломаются, рушатся, видоизменяются, когда их вдоль и поперек рассекают туннели, обиталища ледяных крабов, философов в панцире живого льда. В южных мелководьях есть леса трубчатых червей, бурых водорослей и хищных кораллов. С идиотской грацией проплывет медуза. Трилобиты гнездятся в костях и растворяющемся железе.

Море кишмя кишит.

На поверхности свободно парят существа, которые живут и умирают, так и не увидев под собой дна. Сложные экосистемы процветают в неритовых водах и на равнинах, соскальзывая по органическим осыпям к кромкам скалистых шельфов и дальше – туда, куда не достигает свет.

Есть тут и ущелья. То ли моллюски, то ли божества терпеливо выжидают под столбом воды высотой в восемь миль. В этом лишенном света холоде царствует эволюция с ее жестокостью. Примитивные существа испускают слизь и свечение и двигаются, мельтеша неясными конечностями. Логика их форм порождена ночными кошмарами.

Здесь существуют бездонные столбы воды. Здесь есть места, где гранитная и илистая основа моря распадается на вертикальные туннели: они уходят вниз на многие мили и разбегаются в другие планы под таким огромным давлением, что вода становится густой и вязкой. Она проникает сквозь поры реальности, просачивается назад, угрожая размывами, оставляет трещины, через которые могут выйти наружу смещенные силы.

В прохладных промежуточных глубинах сквозь породу прорываются гидротермические струи, образуя облака перегретой воды. Здесь нежатся всю свою недолгую жизнь замысловатые существа, которые не удаляются от теплой, богатой минералами воды дальше чем на несколько футов, потому что холод сразу же убивает их.

Ландшафт под поверхностью воды образован горами, каньонами, лесами, ползучими дюнами, ледяными кавернами и кладбищами. Вода насыщена материей. Острова невозможным образом плавают в глубинах, уловленные зачарованными приливами. Некоторые размером не больше гроба – малые, не желающие тонуть осколки кремня и гранита. Другие – это изъеденные куски породы в полмили длиной: они висят в нескольких тысячах футов под поверхностью и двигаются в медленных загадочных потоках. Существуют сообщества этих нетонувших островов; существуют тайные королевства.

На океанском дне есть свои герои, здесь происходят жестокие сражения, незаметные для обитателей суши. Здесь есть свои боги и свои катастрофы.

Между водой и воздухом проходят корабли, являясь без приглашения. Их тени скользят по дну, там, где оно достаточно высоко и свет достигает его. Над сгнившими остовами судов проплывают торговые корабли, рыбацкие лодки, китобои. Тела моряков удобряют воду. Рыбы-падальщики выедают глаза и губы. В коралловых сооружениях видны пустоты – когда-то тут были якоря и мачты. Затонувшие корабли оплаканы или забыты, и живое дно океана принимает их, укрывает ракушками, делает логовом мурен, крысорыб, креветишельников и других куда как более хищных тварей.

На самой глубине, где физические законы сокрушены непомерным давлением воды, мертвые тела продолжают медленно падать в темноте – много дней спустя после того, как затонули их суда.

На своем долгом пути вниз они разлагаются. Мирового дна достигнут лишь их кости, окутанные слизью водорослей.

На краях каменных террас, где легкая вода уступает место наползающей на нее темноте, притаился крей-самец. Он видит жертву, в горле у него раздаются щелчки и треск, он стягивает капюшон со своего охотничьего кальмара и отпускает его.

Кальмар устремляется прочь, ныряет в косяк мельтешащей жирной макрели, который, как облако, меняет свою форму в двадцати футах над ним. Футовые щупальца действуют как лассо. Кальмар возвращается к своему хозяину, таща умирающую рыбину, а косяк снова смыкается за ним.

Крей откусывает у макрели хвост и голову, а туловище засовывает в сетку, висящую у него на поясе. Окровавленную голову он отдает кальмару – пусть погрызет.

Верхняя часть тела крея, мягкая, не защищенная панцирем, чувствительна к течениям воды и перемене температуры. Когда сложные течения встречаются и взаимодействуют, ему кажется, будто кто-то щекочет его желтоватую шею. Макрелевое облако судорожно сжимается, а потом вдруг резко исчезает за покрытым коркой рифом.

Крей поднимает руку, подзывает кальмара поближе, легонько поглаживает его. Поглаживает пальцами свой гарпун.

Он стоит на гранитном выступе, где полощутся водоросли и папоротники, лаская его длинное подбрюшье. Справа над ним возвышается пористый холм. Слева склон резко уходит на глубину, куда не проникает свет. Крей чувствует, что снизу веет холодком. Он смотрит в эту крутую смену синевы. Далеко наверху, на поверхности, видна световая рябь. Внизу лучи света резко сходят на нет. Он стоит лишь чуть-чуть выше зоны вечной тьмы.

Он осторожно переступает ногами по кромке плато. Он частенько приходит поохотиться сюда, подальше от более светлых и теплых течений, где добыча не так осторожна. Иногда любопытство выгоняет из тьмы крупную дичь, незнакомую с его хитроумной тактикой и колючими пиками. Крей нервно топчется в водном потоке и смотрит в открытое море. Иногда из темноты появляется не жертва, а хищник.

На него набегают холодные волны. Галька вокруг его ног шевелится, скатывается с обрыва вниз и исчезает из виду. Крей цепляется за скользкие камни.

Где-то внизу под ним чувствуется легкое столкновение пород. Крея подирает мороз, и причиной тому – не холодные волны. Камни меняют взаимное расположение, и через вновь возникшие трещины устремляются потоки магических струй.

В холодной воде на границе тьмы возникает нечто злое.

Охотничий кальмар впадает в панику и, когда крей снова отпускает его, сразу же устремляется вверх по склону, к свету. Крей вглядывается назад, в мглу, в поисках источника звука.

Что-то сильно и злое дрожит. Крей пытается разглядеть, что там такое, сквозь воду, заполненную взвесью и планктоном, и замечает какое-то движение. Далеко внизу дрожит часть скалы размером с человека. Крей кусает губы, видя, как большой камень неправильной формы отрывается и летит вниз.

Грохот падения слышен еще долго после того, как камень пропадает из виду.

Теперь в склоне есть выщербина, которая наполняет море темнотой. Какое-то время все вокруг тихо, и крей в тревоге оцупывает свою пику. Он сжимает ее в руке, взвешивает и чувствует дрожь в своем теле.

И тут из дыры бесшумно выскальзывает что-то бесцветное и холодное.

Оно обманывает глаз, порхая с невероятной врожденной обманчивой живостью; кажется, будто струнья отпадают от раны. Крей-самец замирает. Его одолевает страх.

Появляется еще чей-то силуэт. И опять крей не может разобрать, что это такое, – очертания ускользают от него. Это новое существо похоже на воспоминание или впечатление, оно не поддается классификации. Оно быстрое, плотное и навеивает холодный ужас.

Потом появляется еще одно, потом еще и еще, и вот из темноты струится непрерывный поток. Существа смещаются, будучи отчасти видимыми, соединяются, распространяются вишь, их движения неясны.

Крей-самец неподвижен. Он слышит в шуме прилива странный шепоток, какие-то беседы.

Глаза его расширяются, когда он видит огромные, загнутые назад зубы и складчатые тела. Злоющие сильные твари мельтешат в ледяной воде.

Крей-самец приходит в движение, пятится, его ноги едва касаются наклонной поверхности. Он пытается успокоить себя, но поздно – у него вырываются тихие крики ужаса.

Одним ленивым хищным броском темные существа, сгрудившиеся под ним для совета, начинают движение. Крей-самец видит темные пятна – десятки глаз – и с тошнотворным страхом понимает, что они наблюдают за ним.

А потом с чудовищной грацией существа поднимаются и набрасываются на него.

Часть первая Каналы

Глава 1

Лишь в десяти милях за городом река теряет свою инерцию и неторопливо вливается в излучину устья, питающего Железный залив.

Суда, плывущие на восток из Нью-Кробюзона, попадают в низовье. На юге видны хижины и полусгнившие пристани, с которых, пытаясь разнообразить свою пищу, забрасывают удочки местные работяги. Их дети робко машут путешественникам. Изредка попадаются утес, скала или худосочная рощица – места, бросающие вызов фермерам; но по большей части земля свободна от камней.

С палуб матросы видят линии живых изгородей и деревьев, уходящие в поля. Это оконечность Зерновой спирали – длинной дуги фермерских хозяйств, которые кормят город. Местные жители в зависимости от времени года собирают урожай, пашут черную землю или сжигают жнивье. Между полей медленно движутся лодочки – по каналам, невидимым за насыпями и растительностью. Они совершают бесконечные рейсы между метрополией и фермами. Они привозят удобрения и топливо, камень, цемент и предметы роскоши за город. Они возвращаются в город мимо участков обихоженой земли, застроенной деревушками, большими домами и мельницами; они несут на себе горы мешков с зерном и мясом.

Этот поток никогда не иссякает. Нью-Кробюзон ненасытен.

Северный берег Большого Вара не столь обжит.

Это обширное пространство, на котором кустарники перемежаются с болотами. Оно протянулось на восемьдесят с лишним миль до самого подножия невысоких гор, которые наползают на него с запада и плотно закрывают с этой стороны. Ограниченное рекой, горами и морем, это лесистое пространство по большей части необитаемо. Если там и есть какая-то живность, кроме птиц, то она предпочитает не попадаться на глаза.

Беллис Хладовин села на судно, направляющееся на восток, в последней четверти года, в сезон непрерывных дождей. Поля, которые она видела вокруг, стали сплошной холодной топью. С полуголых деревьев капала вода. Казалось, что кто-то окунул их в облака.

Позже, мысленно возвращаясь в это несчастное время, Беллис поражалась четкости своих воспоминаний. Она помнила, как, гогоча, построилась клином гусиная стая, пролетевшая над их судном, помнила запах живицы и земли, сине-серый оттенок неба. Она помнила, как выискивала взглядом полезащитные полосы, но так и не нашла ни одной. Только нити дыма в промозглom воздухе и низкие домики с закрытыми из-за погоды ставнями.

Еле заметное шевеление растительности на ветру.

Беллис стояла на палубе, закутавшись в шаль, смотрела и слушала – не появятся ли играющие дети или рыболовы, не выйдет ли кто-нибудь поработать в свой жалкий огород. Но раздавались только крики диких птиц. Единственными человеческими фигурами были равнодушные пугала с едва намеченными чертами.

Путешествие Беллис пока что было недолгим, но воспоминания о нем уже стали назойливыми, как болезнь. Она словно была привязана к оставшемуся позади городу, отчего минуты по мере ее движения растягивались, как резина, и чем дальше она уходила, тем больше они замедлялись, удлиняя ее короткое путешествие.

А потом эти минуты сорвались, как тетива, и Беллис забросило сюда: она оказалась одна, вдали от дома.

Гораздо позже, когда от всего, что было знакомо Беллис, ее отделили многие и многие мили, она порой просыпалась в удивлении оттого, что снился ей вовсе не город, который сорок лет был ее домом. Ей снился этот короткий отрезок реки, эта исхлестанная дождем полоска земли, тянувшаяся по обеим сторонам от нее меньше половины дня.

На водной глади, в нескольких сотнях футов от скалистого берега Железного залива, стояли на рейде три потрепанных корабля. Их якоря глубоко ушли в донный ил, цепи за долгие годы поросли ракушками.

Корабли, уже не годившиеся для плавания, были все в черном битуме, на носу и на корме у них громоздились какие-то шаткие деревянные надстройки. От мачт остались одни обрубки. Трубы давно уже не дымили и покрылись слоем птичьего помета.

Корабли стояли близко друг к другу и были окружены буями, связанными между собой колючей цепью, которая местами уходила под воду. Три старых судна приросли к своему собственному клочку моря, и никакие течения не тревожили их.

Они притягивали глаз. Они были объектом наблюдения.

На своем корабле, чуть поодаль, Беллис подошла к иллюминатору и посмотрела на эту троицу – за прошедший час она делала это не раз и не два. Она обхватила себя руками ниже груди и наклонилась к стеклу.

Каюта ее казалась неподвижной. Волны под кораблем были медленными и невысокими – почти незаметными.

Свинцово-серое небо набухло от влаги. Береговая полоса и каменистые холмы, очерчивающие Железный залив, выглядели потертыми и очень неуютными. Местами они поросли сорняком и бледным, пропитанным солью папоротником.

Ничего темнее трех деревянных корпусов вокруг не было.

Беллис медленно опустилась на свою койку и взялась за письмо. Оно напоминало дневник: строки и абзацы разделялись датами. Перечитывая последние записи, Беллис открыла тонкую коробочку с сигариллами и спичками, зажгла одну, глубоко затянулась, потом, вытаскив авторучку из кармана, добавила несколько слов убористым почерком и только после этого выпустила дым.

Суккота, 26-го обдира 1779 года.

На борту «Терпсихории».

Прошла почти неделя с того дня, как мы оставили рейд Устья Вара, и я рада, что это случилось наконец. Это жуткий городишко, где процветает насилие.

Ночи, как мне и советовали, я проводила в своем жилище, но дни принадлежали мне. Я видела, что это за место: довольно узкая полоса земли, где суется люди. Она простирается приблизительно на милю к югу и к северу от устья и разделена надвое водой. Каждый день к нескольким тысячам здешних обитателей присоединяется огромное число тех, кто прибывает на рассвете из города, – они приезжают из Нью-Кробюзона на лодках или телегах, работать. Каждую ночь бары и бордели заполняются иностранными моряками, ненадолго отпущенными на берег.

Говорят, что корабли посolidнее проходят еще несколько миль до самого Нью-Кробюзона и разгружаются на причалах Келлтри. Устьеварские причалы вот уже два столетия заняты лишь наполовину. Там разгружаются только суда, которые фрахтуют на раз, да пираты. Их груз тоже окажется в городе, но у них нет ни времени, ни денег, чтобы пройти еще несколько миль и заплатить дополнительные пошлины, налагаемые властями.

Там всегда есть корабли. Железный залив набит кораблями, отдыхающими после долгих переходов, укрывающимися от превратностей открытого моря. Торговые суда из Гнурр-Кетта, Хадоха и Шанкелла, прибывающие в Нью-Кробюзон или отплывающие из

него, стоят на якоре около Устья Вара, чтобы экипаж мог отдохнуть. Иногда вдалеке, в центре залива, я видела морских змеев – они играли и охотились, спущенные с кораблей-колесниц, свободные от уздечек.

Устьеварская экономика основана не только на проституции и пиратстве. В городе полно всевозможных мастерских и железнодорожных тупичков. Он уже много столетий живет кораблестроительством. Там и сям виднеются верфи со стапелями – причудливыми лесами из вертикальных балок. Кое-где видны призрачные очертания недостроенных судов. Эта тяжелая, грязная и шумная работа продолжается непрерывно.

Улицы пересечены маленькими частными рельсовыми ветками, по которым из одного конца Устья Вара в другой доставляют лес, топливо, что угодно. Каждая компания соорудила собственную линию, связывающую разные предприятия, и каждая такая линия ревностно охраняется. Городок представляет собой идиотское переплетение дублирующих друг друга путей.

Не знаю, известно ли это тебе. Не знаю, бывал ли ты когда-нибудь в этом городишке.

У местных двойственное отношение к Нью-Кробюзону. Устье Вара и дня бы не прожило без покровительства столицы. Они это знают, и это вызывает их негодование. Их угрюмая независимость – всего лишь притворство.

Мне пришлось пробыть там почти три недели. Капитан «Терпсихории» был потрясен, когда я сказала ему, что найду его в самом Устье Вара, а не поплыву с ними из Нью-Кробюзона. Но я настояла, – ничего другого мне не оставалось. Мое положение на корабле обусловлено мнимым знакомством с языком креев Салкрикалтора. У меня было меньше месяца до отплытия, чтобы превратить ложь в правду.

Я подготовилась. Я проводила дни в Устье Вара в компании с неким Мариккатчем, пожилым креем-самцом, который согласился быть моим наставником. Каждый день я приходила на соленые каналы крейского квартала. Я сидела на низком балконе, опоясывающем его комнату, а он пристраивал свою закованную в панцирь нижнюю часть тела на какую-нибудь погруженную в воду мебель, почесывал и поглаживал свою тощую человеческую грудь, обращаясь ко мне из воды с речами.

Это было непросто. Он не умеет читать. Он не профессиональный учитель. Он живет здесь только потому, что из-за несчастного случая или нападения хищника остался калеккой – лишился с одной стороны почти всех ног, так что теперь не может охотиться даже на ленивую рыбу Железного залива. Красиво бы выглядело, напиши я, что привязалась к нему, что он весьма милый, придирчивый пожилой господин, но он настоящее дерьмо и зануда. Однако жаловаться не приходилось. Выбора у меня не было – нужно было сосредоточиться, вспомнить всякие штучки-дрючки, погрузить себя в языковой транс (ох, как же это было трудно! Я так давно этим не занималась, что мой ум разжирел и омерзел) и впитывать каждое его слово.

Все это делалось в спешке, без всякой системы (кошмар, жутчайший кошмар), но, когда «Терпсихория» пришвартовалась в гавани, я уже довольно сносно понимала этот щелкающий язык.

Я оставила ожесточенного старого ублюдка в его застойной воде, покинула мое жильё в городишке и переместилась в каюту – ту самую, из которой пишу.

Утром в пыледельник мы не спеша вышли из Устья Вара и взяли курс к пустынным южным берегам Железного залива – в двадцати милях от Устья. В стратегических точках по берегу залива, в потаенных местечках недалеко от всхолмлений и сосновых лесов я видела

корабли, построенные в боевом порядке. О них никто не говорил. Я знаю, это корабли, принадлежащие правительству Нью-Кробюзона. Приватирры и прочие.

Сегодня суккота.

В пяльницу я уговорила-таки капитана позволить мне сойти на берег, где и провела утро. Железный залив глаз не радует, но хуже этого треклятого корабля вообще ничего нет. Я начинаю даже сомневаться, что он лучше Устья Вара. Голова идет кругом от непрерывного тупого плеска волн о борт.

На берег меня доставили два неразговорчивых матроса, которые без всякого сочувствия смотрели, как я перешагнула через борт лодочки и прошла последние несколько футов по ледяной пенящейся воде. Ботинки у меня и сейчас жесткие и в солевых разводах.

Я сидела на камнях и кидала гальку в воду. Я читала дрянной толстенный роман, найденный мной на борту, и смотрела на корабль. Он стоит на якоре недалеко от тюрем, так что наш капитан легко может разговаривать с тюремщиками и приглашать их в гости. Я смотрела и на сами корабли-тюрьмы. Ни на палубах, ни за иллюминаторами никто не двигался. Там никогда никто не двигается.

Клянусь, я не знаю, по силам ли мне все это. Я скучаю по тебе и по Нью-Кробюзону.

Я помню свое путешествие.

Трудно поверить, что от города до забытого богами моря всего десять миль.

В дверь крохотной каюты кто-то постучал. Беллис сложила губы трубочкой и помахала листом бумаги, чтобы высохли чернила. Она неспешно сложила его и сунула в сундук со своими вещами, потом подняла колени чуть повыше и, глядя, как открывается дверь, принялась играть ручкой.

На пороге, упираясь вытянутыми в стороны руками о дверной косяк, стояла монахиня.

– Мисс Хладовин, – неуверенно сказала она. – Позвольте войти?

– Это ведь и ваша каюта, сестра, – тихо сказала Беллис, вращая ручку вокруг большого пальца. Этот жест, сродни нервному тикю, она довела до совершенства еще в университете.

Сестра Мериопа сделала несколько шажков внутрь и села на единственный стул, затем разгладила на себе темное монашеское одеяние из грубой ткани и поправила апостольник.

– Мы с вами вот уже несколько дней делим каюту, мисс Хладовин, – начала сестра Мериопа, – а у меня такое чувство, будто я вас совсем не знаю. А мне бы хотелось, чтобы все стало иначе. Поскольку наше путешествие продлится много недель и мы все это время будем жить вместе... общение, некоторая доверительность могли бы скрасить эти дни... – Голос ее умолк, она переплела пальцы.

Беллис, замерев, смотрела на нее. Против воли она испытывала к сестре Мериопе некоторую презрительную жалость. Она могла представить себе, как видит ее монахиня: неуживчивая, резкая, костлявая. Бледная. Фиолетовые синяки под глазами, оттененные волосами и губами. Высокая и неумолимая.

«У тебя такое чувство, будто ты меня не знаешь, потому что за неделю я не сказала тебе и двадцати слов и не смотрю на тебя, пока ты не заговоришь, а заговоришь – начинаю сверлить взглядом». Она вздохнула. Мериопу искалечило ее призвание. Беллис легко представляла, как та записывает в своем дневнике: «Мисс Хладовин неразговорчива, но я знаю, что со временем полюблю ее, как сестру». *«Нет уж, – подумала Беллис, – не буду с тобой связываться. Я не стану твоим попугаем. Я не собираюсь стать искуплением той безвкусной трагедии, что привела тебя сюда».*

Беллис вперилась в сестру Мериопу взглядом, но не произнесла ни слова.

Представившись Беллис несколькими днями ранее, Мериопа сказала ей, что направляется в колонии, надеясь основать там церковь и распространять веру во славу Дариоха и Джаббера. При этом она чуть шмыгнула носом и воровато стрельнула глазами, отчего ее слова прозвучали по-идиотски неубедительно. Беллис не знала, почему Мериопу отправили в Нова-Эспериум, – вероятно, причиной стали несчастье или позор, нарушение какого-нибудь дурацкого монашеского обета.

Она оценивающе взглянула на талию Мериопы – не скрывают ли мешковатые одеяния растущего животика. Это было бы самым правдоподобным объяснением. Дочерям Дариоха вменялся в обязанность отказ от чувственных наслаждений.

«Не стану я заменять тебе исповедника, – подумала Беллис. – У меня с этим треклятым изгнанием своих проблем по горло».

– Сестра, – сказала она, – боюсь, что вы оторвали меня от работы. К сожалению, у меня нет времени на обмен любезностями. Может быть, в другой раз.

Она была недовольна собой за эту маленькую уступку, которая, впрочем, осталась без последствий. Мериопа была обескуражена.

– Вас хочет видеть капитан, – сказала монахиня сдавленным и расстроенным голосом. – В своей каюте в шесть часов. – Она вышла, как побитая собака.

Беллис вздохнула и тихонько выругалась. Она достала еще одну сигариллу и выкурила ее в один присест, изо всех сил морща при этом лоб, а потом снова достала письмо.

«Я просто рехнусь, – быстро написала она, – если эта треклятая монахиня не прекратит подлизываться и не оставит меня в покое. Да помогут мне боги. Да сгноят боги этот треклятый корабль».

Когда Беллис отправилась к капитану, было уже темно.

Каюта служила ему и кабинетом – маленькая, изысканно отделанная темным деревом и медью. На стенах висели картины и гравюры, но Беллис, взглянув на них, поняла, что они раньше не принадлежали капитану и достались ему вместе с кораблем.

Капитан Мизович показал ей на стул.

– Мисс Хладовин, – сказал он, когда она села. – Надеюсь, ваша каюта вполне приемлема. Еда? Команда? Хорошо, прекрасно. – Он скользнул взглядом по бумагам на столе. – Я хотел обсудить с вами пару вопросов, – сказал он и откинулся к спинке стула.

Беллис ждала, глядя на него, – красивый мужчина лет пятидесяти с небольшим, суровое лицо. Мундир на нем был чистый, отутюженный, что отличало далеко не всех капитанов. Беллис не знала, как будет лучше – спокойно смотреть ему в глаза или застенчиво отвести взор.

– Мисс Хладовин, мы не обсуждали в подробностях ваши обязанности, – тихо сказал он. – Я, конечно же, буду обходиться с вами учтиво, как и подобает при обращении с дамой. Но должен вам сказать, что никогда не нанимал представительниц вашего пола, и если бы ваша биография и рекомендации не произвели впечатления на власти Эспериума, то, уверяю вас... – Он не закончил предложения. – Я не хочу, чтобы вы чувствовали себя ущемленной. Вы получили место в пассажирском отделении. Вы питаетесь в столовой для пассажиров. Но, как вам известно, вы пассажир безбилетный. Вы наемный работник. Вы приняты на службу агентами колонии Нова-Эспериум, а я на время плавания являюсь их представителем. И хотя для сестры Мериопы, доктора Тиарфлая и других это практически не имеет значения, но я... ваш наниматель. Вы, конечно же, не член экипажа, – продолжил он. – Я не буду отдавать вам приказаний, как отдаю им. Если вас так больше устроит, я буду только *просить* вас об услугах. Но я настаиваю на том, чтобы эти просьбы исполнялись как приказы.

Они изучали друг друга.

– Я не думаю, что мои требования обременительны, – сказал Мизович, смягчая тон. – Большая часть команды из Нью-Кробюзона или Зерновой спирали, а есть и такие, кто не очень хорошо владеет рагамолем. Понадобитесь вы мне только в Салкрикалторе, а до него еще неделя хода, так что времени отдохнуть и познакомиться с пассажирами у вас предостаточно. Мы отплываем завтра рано утром. Не сомневаюсь, вы будете еще спать.

– Завтра? – переспросила Беллис.

Это было первое слово, произнесенное ею после того, как она перешагнула порог каюты.

Капитан пристально посмотрел на нее.

– Да. Вас что-то не устраивает?

– Но вы сначала сказали мне, что мы отплываем в понедельник, капитан, – проговорила она ровным голосом.

– Это так, мисс Хладовин, но я изменил свое решение. Я закончил всю бумажную работу немного раньше, чем думал, а мои коллеги-офицеры готовы перевести своих подопечных сегодня ночью. Мы отходим завтра.

– Я рассчитывала вернуться в город и отправить письмо, – сказала Беллис, стараясь, чтобы голос ее звучал ровно. – Важное письмо другу в Нью-Кробюзоне.

– Об этом не может быть и речи, – отрезал капитан. – Это невозможно. Я не собираюсь больше задерживаться здесь ни на один день.

Беллис сидела неподвижно. Она не боялась этого человека, вот только повлиять на него никак не могла. Ни в малейшей мере. Она пыталась сообразить, что могло бы пробудить в нем сочувствие, смягчить его.

– Мисс Хладовин, – внезапно сказал он, и его голос, к ее удивлению, прозвучал чуть снисходительнее. – Боюсь, что изменить уже ничего нельзя. Если хотите, я могу передать ваше письмо лейтенанту тюремной службы Катаррсу, но не могу поручиться за абсолютную его надежность. У вас будет возможность отправить ваше послание в Салкрикалторе. Даже если там не окажется кораблей из Нью-Кробюзона, там есть хранилище для корреспонденции и грузов – ключи от него имеются у всех капитанов. Оставьте ваше письмо там. Его возьмет первый же корабль, идущий домой. Задержка выйдет не такая уж большая... Пусть это для вас будет уроком, мисс Хладовин, – добавил он. – В море нельзя терять время. Запомните: не ждать.

Беллис задержалась еще немного, но изменить уже ничего не могла, а потому поджала губы и удалилась.

Долгое время она стояла под холодным небом Железного залива. Звезд не было видно. Луна и две ее дочери, два ее малых спутника, проливали тусклый свет. Беллис, сжавшись от холода, поднялась по короткому трапу на приподнятый нос корабля, направляясь к бушприту.

Держась за металлические поручни, она встала на цыпочки. Она могла лишь бросить последний взгляд на берег над темным морем.

За ее спиной затихли крики и возня команды. Вдалеке Беллис различила две нечеткие точки красноватого света: фонарь на мостике корабля-тюрьмы и другой такой же среди черного прибоа.

Из «вороньего гнезда» или с какого-то невидимого поста на мачте, в сотне или больше футов над собой, Беллис услышала чье-то пение. Напев – медленный и сложный – был ничуть не похож на простенькие песни, которые она слышала в Устье Вара.

«Тебе придется подождать моего письма, – беззвучно произнесла Беллис над водным простором. – Придется тебе подождать весточки от меня. Придется тебе подождать немного, пока я не доберусь до страны креев».

Она вглядывалась в ночь, пока границы между берегом, морем и небом не стерлись совсем. И тогда, ласкаемая темнотой, она медленно пошла в сторону кормы, где низкие коридоры и узкие двери вели к ее каюте – ничтожной толике пространства, вроде изъяна в конструкции корабля.

(Позже, в самое холодное время, корабль беспокойно дернулся, и Беллис, зашевелившись на своей койке, натянула одеяло по самый подбородок, подспудно, за границей сна, отдавая себе отчет в том, что на палубу поднимается живой груз.)

Я устал быть здесь в темноте, я полон гноя.

Моя кожа натянулась из-за него, набухла, вздулась, и каждое прикосновение – мучительная боль. Я заражен. Куда бы я ни прикасался, всюду боль, а я прикасаюсь всюду, чтобы убедиться, что тело еще не онемело.

Но все же слава богам вены мои полны крови. Я трогаю мои струпья и они кровоточат я полон ею до краев. А это немного утешает если забыть боль.

Они приходят за нами, когда воздух так спокоен и черен, без единого птичьего крика. Они открывают наши двери и, слепя светом, находят нас. Мне почти стыдно видеть, как мы сдались, мы сдались с потрохами.

Я не вижу ничего за их огнями.

Мы лежим здесь, и они расталкивают нас и гонят прочь, и я обхватил себя руками и чувствую, как под ними агонизирует плоть, а они начинают выгонять нас.

Мы идем по просмоленным коридорам и машинным отделениям, и я коченею, зная, для чего все это. А ведь я еще живее, резвее некоторых, тех, кто постарше, согнувшись пополам от кашля, они блюют и боятся пошевелиться.

А потом – раз и меня заглохило, поедает холод, пожирает темнота, и о боги долбись оно все мы снаружи.

Снаружи.

Я оцепенел от этого. Я оцепенел от удивления.

Сколько времени прошло.

Мы жмемся друг к другу, один человек к другому как троглодиты как близорукая придонная тварь. Они запуганы ею, особенно старики, отсутствие стен и краев и движение холода в воде и воздухе.

Я мог бы воскликнуть: боги спасите и помилуйте. Мог бы.

Чернота на черноту, но все же я вижу горы и воду и вижу облака. Я вижу тюрьмы вокруг слегка покачиваются как рыбацкие лодки. Джаббер забери нас всех я вижу облака.

Чтоб мне пропасть я напеваю словно баюкаю ребенка. Этот непрерывный шум он по мне.

И потом они заталкивают нас как скот едва передвигая ноги позваниваем цепями сочимся пердим бормочем в удивлении по палубе под грузом тел и кандалов к раскачивающемуся перекидному трапу. И они торопят нас гонят по нему всех нас и каждый останавливается в середине провисшего перехода между судами, их мысли и видимы и яркие, как химическая вспышка.

Они думают не прыгнуть ли.

В воду залива.

Но канатные перила вокруг трапа высоки и колючая проволока не пускает нас, а наши бедные тела измучены и слабы и каждый помедлив идет дальше и переходит над водой на другой корабль.

Я в свой черед останавливаюсь как и другие. Как им мне слишком страшно.

А потом под ногами новая палуба, вылизанная гладкая как металл и чистая вибрирует от работы двигателей, и опять коридоры и бряцание ключей и в конце еще одно длинное неосвещенное помещение где мы валимся с ног изнеможенные и перепутавшиеся и медленно поднимаемся увидеть своих новых соседей. Потом мы шепотком начинаем спорить, ссориться, мы деремся соблазняем насилуем такова наша суть. Возникают новые союзы. Новые иерархии.

Я сижу какое-то время в отдалении в тени.

Я все еще переживаю то мгновение когда я вошел в ночь. Она как янтарь. Я личинка в янтаре. Она набрасывает на меня сеть и будь я проклят, но она же превращает делает меня красивым.

Теперь у меня новый дом. Я буду жить в этом мгновении столько сколько смогу пока воспоминания не сгниют, и тогда я выйду. Я приду в это новое место где мы сидим.

Где-то гремят трубы как огромные молотки.

Глава 2

За пределами Железного залива море было беспокойным. Беллис проснулась от ударов волн о борт. Она вышла из каюты, пробравшись мимо сестры Мериопы, которую рвало, – якобы от морской болезни, хотя Беллис в это и не верила.

Беллис вышла на ветер под оглушающие хлопки парусов, бившихся, как звери в силках. Из огромной дымовой трубы вылетала струйка сажи, и весь корабль гудел от мощи парового двигателя в его чреве.

Беллис уселась на контейнер. «Значит, отбыли, – нервно подумала она. – Уходим. Удаляемся».

Пока они стояли на якоре, жизнь на «Терпсихории» не умирала – кто-нибудь непременно надраивал что-то, или устанавливал какой-нибудь механизм, или бежал с одного конца корабля на другой. Но теперь активность многократно возросла.

Беллис, прищурившись, смотрела на главную палубу, еще не готовая взглянуть на море.

На мачтах кипела жизнь. Большинство моряков были людьми, но время от времени по канату в «воронье гнездо» проползал шипастый хотчи. Люди волокли по палубе контейнеры, наматывали тросы на огромные лебедки, выкрикивали команды на неразборчивом жаргоне, наматывали цепи на внушительные маховики. Здесь были высокие какты, слишком тяжелые и неповоротливые, чтобы лазать по канатам, но для них находилась работа внизу, благо силы им было не занимать – их волокнистые растительные бицепсы так и играли под кожей, когда какты тащили или вязали что-нибудь.

Среди них расхаживали офицеры в синей форме.

Ветер обдувал корабль, и перископические колпаки над дымовыми трубами пели, как печальные флейты.

Беллис докурила свою сигариллу, затем медленно, опустив глаза, пошла к борту. Дойдя до поручня, она подняла взгляд и посмотрела в море.

Земли нигде не было видно.

«О боги, вы только взгляните на все это», – подумала она, ошеломленная.

Впервые в жизни Беллис не видела перед собой ничего, кроме воды.

В одиночестве под бескрайним нависающим небом в ней, словно желчь, поднималась тревога. Ей так хотелось снова оказаться среди городских переулков.

Ключья пены неслись мимо бортов, то возникая, то исчезая. Вода покрывалась замысловатыми мраморными вздутиями. Она играла с кораблем, как играла бы с китом, каноэ или опавшим листом – безответное сооружение, которое она может перевернуть любой неожиданной волной.

Она была огромным слабоумным ребенком. Могучим, глупым и капризным.

Беллис нервно поглядывала вокруг в поисках хоть какого-нибудь островка, хоть одного берегового мыска. Ничего подобного сейчас не было.

Следом за ними, усеивая пометом палубу и пену, тучей летели птицы, надеясь поживиться отбросами в кильватерной струе.

Они шли без остановки два дня.

Негодую на то, что ее путешествие началось, Беллис почти что впала в протрацию. Она вышагивала по коридорам и палубам, запиралась в своей каюте, тупо смотрела на проплывающие вдалеке скалы и небольшие острова, смутно видневшиеся в сером дневном или лунном свете.

Моряки посматривали на горизонт и смазывали крупнокалиберные пушки. Канал Василиск с его сотнями островков, едва намеченных на карте, с его торговыми городами

и бесчисленным множеством кораблей, доставляющих грузы в ненасытную коммерческую дыру Нью-Кробюзона, кишел пиратами.

Беллис знала, что корабль такого размера, с бронированным корпусом и под флагом Нью-Кробюзона почти наверняка не подвергнется нападению. Но бдительность экипажа слегка обескураживала ее.

«Терпсихория» была торговым судном. Она не предназначалась для пассажиров. Здесь не было ни библиотеки, ни кают-компания, ни развлечений. На столовую для пассажиров тоже не очень потратились. Стены там были голые, если не считать нескольких дешевых литографий.

Беллис поглощала пищу, сидя одна за столиком и односложно отвечая на все любезности. Другие пассажиры в это время сидели под грязными окнами и играли в карты. Беллис исподтишка внимательно поглядывала на них.

Возвращаясь к себе в каюту, Беллис погружалась в бесконечные размышления о своих пожитках.

Город она оставила неожиданно и в спешке.

Одежды при ней было всего ничего, и всё в любимом ее аскетическом стиле – строгое, черное, серое. У нее было семь книг – два тома по лингвистике, начальный курс сал-крикалтора, антология рассказов на разных языках, толстая чистая записная книжка и две ее монографии – «Грамматология верхнекеттайского» и «Свитки пустоши Глаз Дракона». Еще было несколько ювелирных изделий из гагата, граната и платины, небольшая косметичка, чернила и ручки.

Она целыми часами добавляла все новые и новые подробности к своему письму: сообщала о том, как уродливо открытое море, писала об острых опасных скалах, торчавших из воды, оставляла длинные пародийные описания офицеров и пассажиров, наслаждаясь собственными карикатурами. Сестра Мериопа; купец Бартол Джимджери; похожий на труп доктор Моллификат; вдова и мисс Кардомиум – тихая мать и ее дочь, ставшие под пером Беллис парой коварных хищниц, охотниц за мужьями. Иоганнес Тиарфлай превратился в напыщенного шута, мюзик-холльное посмешище. Размышляя над тем, что заставило их предпринять это путешествие через полсвета, Беллис для каждого придумала легенду.

Шел второй день. Беллис стояла на корме корабля, пытаясь отыскать взглядом островки, но видела только волны, а вокруг по-прежнему стоял птичий гвалт – чайки и скопы спорили за корабельные отбросы.

Она чувствовала себя обманутой. Оглядывая в очередной раз горизонт, она услышала шум.

Неподалеку от нее стоял доктор Тиарфлай, натуралист, наблюдавший за птицами. На лице Беллис появилось строгое выражение. Она приготовилась уйти, как только доктор заговорит с ней.

Увидев, что Беллис неприветливо наблюдает за ним, Тиарфлай отсутствующе улыбнулся, вытащил записную книжку и тут же словно забыл о ней. Беллис увидела, как доктор делает зарисовки чаек в своем блокноте. На нее он не обращал ни малейшего внимания.

По ее оценке, ему было далеко за пятьдесят. Редкие волосы он зачесывал назад, носил маленькие очки с прямоугольными стеклами и твидовый камзол. Но несмотря на эти профессорские причиндалы, выглядел он отнюдь не слабосильным и на книжного червя похож не был. Он был высокого роста, держался как надо.

Быстрыми точными штрихами он наметил сложенные птичьи когти и тупые жадные глаза. На душе у Беллис немного потеплело.

Немного спустя она заговорила с ним.

Она потом призналась себе, что это скрасило для нее путешествие. Иоганнес Тиарфлай был очарователен. Беллис подозревала, что так же по-дружески он вел бы себя с любым человеком на борту.

Они вместе позавтракали, и ей без труда удалось увести его от других пассажиров, внимательно за ними наблюдавших. Тиарфлай оказался на удивление чужд всякого интриганства. Возможно, ему и пришло в голову, что, проводя время в компании с грубоватой и нелюдистой Беллис Хладовин, он дает повод для слухов, но ему это было совершенно безразлично.

Тиарфлай с радостью говорил о своей работе. Мысль о неизученной фауне Нова-Эспериума приводила его в восторг. Он поделился с Беллис своим планом опубликовать монографию по возвращении в Нью-Кробюзон. Он сообщил, что сейчас занят сверкой рисунков, гелиотипов и наблюдений.

Беллис описала ему темный гористый остров, который видела на севере ранним утром предыдущего дня.

– Это был Северный Морин, – сказал Тиарфлай. – А сейчас где-то к северо-востоку от нас должен быть Кансир. Когда стемнеет, мы пришвартуемся к причалу острова Танцующей птицы.

Местонахождение и продвижение корабля было предметом постоянных разговоров между другими пассажирами, и Тиарфлай с любопытством посмотрел на Беллис, изумленный ее невежеством. Ее это мало трогало. Для нее было важно то, откуда она бежала, а не то, где она находилась или куда направлялась.

Остров Танцующей птицы появился на горизонте с заходом солнца. Его вулканические породы отливали кирпично-красным цветом и поднимались невысокими утесами, по форме напоминающими лопаточные кости. Захудалый рыбацкий порт Ке-Бансса приютился на склонах вокруг бухты. Беллис брала смертная тоска при мысли о сходе на берег – еще один отвратительный городишко, ставший заложником морской экономики.

Моряки, не получившие увольнительную, мрачно посматривали на пассажиров, спускающихся по трапу. Других кораблей из Нью-Кробюзона на пристани не было – Беллис некому было передать свое письмо. «И зачем мы зашли в эту дыру?» – спрашивала она себя.

Если не считать давней изнурительной экспедиции на пустошь Глаз Дракона, то дальше, чем сегодня, Беллис от Нью-Кробюзона никогда не удалялась. Она смотрела на маленькую толпу на пристани. Люди выглядели немолодыми и взволнованными. Ветер доносил слова на разных наречиях. В основном это были выкрики на соли, морском жаргоне – искусственном языке, составленном из тысяч диалектов канала Василиск, рагамоля и перрикиша.

Беллис увидела капитана Мизовича – он направлялся по крутым улочкам к зубчатому зданию нью-кробюзонского посольства.

– Вы не хотите в город? – спросил Иоганнес.

– Не испытываю никакой потребности в жирной пище и дешевых сувенирах, – ответила она. – Эти острова нагоняют на меня тоску.

По лицу Иоганнеса расплзлась улыбка, словно он остался доволен ее словами. Он пожал плечами и поднял взгляд к небу.

– Дождик собирается, – сказал он, словно она задала ему его же вопрос, – а у меня много дел на борту.

– А зачем мы вообще зашли сюда? – спросила Беллис.

– Думаю, это какое-то правительственное поручение, – осторожно сказал Иоганнес. – Это наш последний крупный форпост. Дальше влияние Нью-Кробюзона становится... гораздо менее заметным. Вероятно, здесь приходится выполнять массу всевозможных формальностей. – Помолчав немного, он добавил: – К счастью, нас это не касается.

Они смотрели на неподвижный, темный океан.

– Вы видели кого-нибудь из заключенных? – внезапно спросил Иоганнес.

Беллис удивленно посмотрела на него.

– Нет. А вы?

Она насторожилась. Напоминание о мыслящем грузе на корабле выбило ее из колеи.

Когда время пришло и Беллис поняла, что ей придется оставить Нью-Кробюзон, ее охватили отчаяние и испуг. Она составляла планы, пребывая в тихой панике. Ей необходимо было уехать как можно дальше, и поскорее. Толстое море и Миршок располагались слишком близко. Она лихорадочно стала перебирать другие места – Шенкелл, Иоракетч, Неовандан, Теш. Но все они были либо слишком опасными, либо слишком далекими, либо слишком чужими, труднодостижимыми, пугающими. Ничто в них не заставило бы почувствовать Беллис, что она дома. И Беллис в ужасе поняла, что для нее слишком тяжело начать все заново, что она цепляется за Нью-Кробюзон, за то, что сделало ее такой, какова она есть.

Потом в голову пришла мысль о Нова-Эспериуме. Острая нехватка жителей. Вопросов никто задавать не будет. На полпути к краю света, маленький нарост цивилизации на неизвестной земле. Дом вдали от дома, колония Нью-Кробюзона. Куда более грубый, жесткий и отнюдь не изнеженный дом (колония была еще слишком молода и избытком добродушия не страдала), – но все же поселение, скопированное с ее родного города.

Беллис поняла, что если выберет этот пункт назначения, то Нью-Кробюзон, хотя она и спасается из него бегством, оплатит ее путешествие. К тому же для нее останется открыт канал связи – постоянные, пусть и нечастые, контакты с кораблями из дома. И тогда, вполне вероятно, в один прекрасный день она узнает, что риска больше нет и можно вернуться.

Но суда, отправлявшиеся в долгое и опасное путешествие из Железного залива по Вздувшемуся океану, непременно везли в Нова-Эспериум рабочую силу. А это означало, что в трюмы набивали заключенных – батраков, закабаленных, переделанных.

Беллис становилось нехорошо при одной мысли об этих мужчинах и женщинах, запертых внизу без света, а потому она о них не думала. Будь у нее возможность выбора, она бы держалась как можно дальше и от таких путешествий, и от таких грузов.

Беллис посмотрела на Иоганнеса, пытаясь прочесть его мысли.

– Должен признаться, – неуверенно сказал он, – меня удивляет, что мы их не слышим и не видим. Я полагал, что их будут выводить гораздо чаще.

Беллис ничего не сказала. Она ждала, когда Иоганнес сменит предмет разговора, чтобы она по-прежнему могла пытаться не думать о грузе внизу.

До нее доносился назойливый гвалт из портовых таверн Ке-Бансса.

Под смолой и металлом в сырых трюмах. Жрать и драться из-за еды. Запах дерьма, малафьи и крови. Визги и мордобой. И цепи, как камень, и повсюду шепоток.

– Вот беда, парень. – Голос был чуть хриплым от недосыпа, но сочувствие – искренним. – Как бы тебя за это не выпороли.

Перед решетками трюмной тюрьмы стоял юнга, скорбно глядя на черепки посуды и разлитую похлебку. Он накладывал поварешкой еду для заключенных, и его пальцы не удержали миску.

– Эти глиняные штуки вроде как железо, пока их не уронишь.

Человек за решеткой был таким же грязным и усталым, как и все остальные заключенные. На груди под его разорванной рубашкой виднелось вздутие – огромная опухоль, из которой торчали два длинных зловонных щупальца. Они безжизненно покачивались – два бесполезных жирных отростка. Как и большинство сосланных, он был переделанным, которому в наказание за что-то с помощью науки и магии придали новую форму.

– Это напоминает мне историю о том, как Раконог отправился на войну, – сказал человек. – Ты ее знаешь?

Юнга подобрал с пола грязные куски мяса и морковки и бросил их в бадью, потом посмотрел на говорившего.

Заключенный отошел назад, прислонился к стене.

– Как-то раз в начале времен Дариох выглядывает из своего шалаша и видит, что к лесу приближается армия. И чтоб мне сдохнуть, если это не рать Нетопырья пришла за своими метелками. Ты ведь знаешь, как Раконог отобрал у них метелки, а?

Юнге было лет пятнадцать – многовато для такой работы. Одежда на нем была не чище, чем на заключенных. Он смерил рассказчика с ног до головы взглядом и улыбнулся – да, он знает эту историю. Эта неожиданная перемена в нем была такой заметной и необычной, что создалось впечатление, будто он на несколько мгновений обрел новое тело. Теперь он казался сильным и самоуверенным, и, когда улыбка сошла с его лица и он вернулся к своей похлебке и мискам, что-то от этой развязности осталось.

– Ну так вот, – продолжал заключенный, – Дариох тогда вызывает к себе Раконога и показывает, что вот, мол, Нетопырье наступает, и говорит ему: «Это ты, Раконог, накосячил. Ты прихватил их вещички. Солтер сейчас на краю света, так что сражаться с ними придется тебе». Ну, тут Раконог с проклятиями и стонами, со всякими словечками... – Человек сложил пальцы в подобие двигающихся челюстей.

Он хотел было продолжить, но юнга оборвал его.

– Я знаю эту историю, – сказал он. – Уже слышал.

Наступило молчание.

– Жаль-жаль, – сказал человек, удивляясь собственному разочарованию. – Но знаешь, сынок, я сам ее давненько не слышал, так что я, пожалуй, расскажу до конца.

Мальчишка недоуменно посмотрел на него, словно пытаясь понять, шутит тот или нет.

– Рассказывай. Мне-то что. Мне все равно.

И заключенный рассказал до конца, останавливаясь, когда его начинал душить кашель или нужно было набрать в грудь побольше воздуха. Юнга двигался в темноте за решеткой, убирая грязь, накладывая добавки. Он вернулся к концу истории, когда керамо-фарфоровый панцирь Раконога треснул, поранив его, и рана оказалась глубже, чем если бы панциря вообще не было.

Мальчишка посмотрел на уставшего рассказчика, закончившего историю, и снова улыбнулся.

– И что, ты мне не скажешь, какой тут урок? – спросил он.

Человек улыбнулся едва заметной улыбкой.

– Думаю, ты его уже знаешь.

Мальчишка кивнул и задумался на мгновение, сосредоточиваясь.

– «Если сталкиваешься с чем-то, что не очень хорошо, то лучше уж вообще ничего, чем это», – процитировал он. – Мне всегда больше нравились истории без морали, – добавил он и присел на корточки у решетки.

– Хер меня забери, но я с тобой согласен, парень, – сказал человек. Он помедлил, потом протянул руку сквозь решетку. – Меня зовут Флорин Сак.

Юнга колебался. Он не боялся, просто взвешивал все «за» и «против». И наконец пожал Флорину руку.

– Спасибо за историю. Меня зовут Шекель.

Они продолжили разговор.

Глава 3

Беллис проснулась, когда корабль снова тронулся. Залив все еще был погружен в темноту. «Терпсихория» содрогалась и сотрясалась как замерзшее животное, и Беллис, подойдя к иллюминатору, увидела, как мимо движутся редкие огни Ке-Бансса.

В это утро ей не разрешили пройти на основную палубу.

– Извините, мадам, – сказал матрос. Он был молод и отчаянно смущался, стоя на ее пути. – Приказ капитана: пассажиров на главную палубу до десяти не пускать.

– Почему?

Он вздрогнул, словно женщина ударила его.

– Заключенные на прогулке, – сказал он; глаза Беллис немного расширились. – Капитан дает им возможность немного подышать воздухом. А после них нужно будет отдраить палубу – они ужасно грязные. Почему бы вам пока не позавтракать, мадам? Мы тут вмиг закончим.

Беллис отошла в сторону, остановилась и задумалась. Ей это совпадение ой как не понравилось – сразу же после ее разговора с Иоганнесом.

Она хотела увидеть мужчин и женщин, перевозимых в трюме, и не знала, что ею движет – любопытство или какое-то более благородное чувство.

Вместо того чтобы отправиться в столовую на корме, она спустилась в мрачные боковые коридоры с узенькими дверями. Сквозь стены прорывались низкие звуки – человеческие голоса звучали как собачий лай. Беллис открыла последнюю дверь, за которой находился стенной шкаф с полками, оглянулась – кроме нее, здесь никого не было. Она докурила и вошла внутрь.

Отодвинув в сторону опорожненные бутылки, Беллис увидела, что древнее окошко заблокировано полками. Она очистила их от мусора и потерла стекло – без особого результата.

Она уставилась на кого-то, проходившего мимо, – не дальше чем в трех футах от нее. Затем нагнулась и прищурилась, желая получше разглядеть, что происходит на палубе. Перед ней была огромная бизань-мачта, за которой угадывались очертания грот- и фок-мачт. Внизу была главная палуба.

Матросы двигались, забирались на мачты, чистили палубы, ставили паруса – занимались своей работой.

Была здесь и масса других людей – они сбились в группки и если двигались, то медленно. Рот у Беллис скривился. Здесь были в основном люди и в основном мужчины, но все разные. Она видела мужчину с гибкой трехфутовой шеей, женщину с клубком подрагивающих рук, кого-то с гусеницами вместо нижней половины тела, и другого – у него из костей торчали провода. Единственное, что у них было общего, – это грязная одежда.

Беллис никогда еще не доводилось видеть столько переделанных одновременно, столько людей, подвергшихся изменениям на пенитенциарных фабриках. Некоторые, по замыслу их создателей, должны были работать в промышленности, другие, казалось, воплощали чьи-то абсурдные фантазии, и ничего больше. У них были изуродованы рты, глаза – что угодно.

Несколько заключенных были ксениями: перекоsobоченные какты, хотчи с переломанными шипами, горстка хепри, чьи скарабеевидные головотела подергивались, отражая лучи блеклого солнца. Ни одного водяного Беллис, конечно, не видела – им для жизни требовалось много пресной воды, слишком ценной в таких дальних плаваниях.

Она услышала крики тюремщиков. Между переделанных, размахивая бичами, вышлагивали люди и какты. По двое, по трое, по десятеро заключенные поплелись, описывая неровные круги по палубе.

Некоторые лежали без движения, за что подвергались наказанию.

Беллис отвернулась.

Вот, значит, какие у нее невидимые попутчики. Возможность подышать свежим воздухом, кажется, не очень-то их воодушевляет, спокойно подумала она. Похоже, эта прогулка не очень их радовала.

Флорин Сак двигался ровно столько, сколько было нужно, чтобы не получать ударов бича. Он ритмично двигал глазами. Три широких шага – глаза опущены, чтобы не привлекать внимания, потом один шаг – глаза подняты, чтобы видеть небо и воду.

Корабль слабо подрагивал – внизу работал паровой двигатель, паруса были подняты. Мимо них проплыли скалы острова Танцующей птицы. Флорин неторопливо двигался к левому борту.

Вокруг него были люди, делившие с ним трюм. Заключенные-женщины, сбившись в группку размером поменьше, стояли чуть в стороне. У всех них, как и у самого Флорина, лица были грязными, а их выражение – безразличным. Он не приближался к ним.

Вдруг Флорин услышал свисток – его резкий двухтоновый звук отличался от криков чаек. Он поднял глаза и увидел Шекеля: тот смотрел на него, драя какой-то массивный металлический выступ. Их взгляды встретились, на лице мальчишки мелькнула улыбка, и он подмигнул Флорину. Флорин улыбнулся в ответ, но тот уже смотрел в другую сторону.

Офицер и матрос – их можно было различить по эполетам – совещались на носу корабля, стоя у какого-то медного механизма. Флорин прищурился, пытаясь разглядеть, что они делают, и тут же ощутил удар по спине – не сильный, но ясно давший понять, что следующий будет больнее. Охранник-какт крикнул, чтобы Флорин пошевеливался, и он побрел дальше. Чужеродная ткань, привитая к груди, досаждала ему. Щупальца вызывали зуд и раздражение кожи, словно солнечные ожоги. Он поплевал на них и втер в кожу слюну, словно мазь.

Ровно в десять Беллис выпила чай и вышла из столовой. Палуба была отдраена. Ничто не говорило об ушедших заключенных.

– Странно, – сказала Беллис немного спустя, когда они с Иоганнесом вместе смотрели на воду, – в Нова-Эспериуме нам, возможно, придется командовать мужчинами и женщинами, которые находятся с нами на этом самом корабле, но мы их никогда не узнаем.

– С вами такого никогда не случится, – сказал он. – Зачем лингвисту меченые помощники?

– А натуралисту?

– Не совсем так, – тихо ответил Иоганнес. – Нужно будет носить грузы через джунгли, ставить силки, перетаскивать животных – мертвых и обездвиженных, укрощать опасных зверей... Это, знаете ли, не акварельки рисовать. Когда-нибудь я покажу вам свои шрамы.

– Вы серьезно?

– Да, – задумчиво ответил он. – Как-то раз сардул взбесился и оставил на мне отметину длиной в целый фут... укусы новорожденного чалкидри...

– Правда? Сардул? Можно посмотреть?

Иоганнес покачал головой.

– Он меня... задел довольно близко к интимному месту, – сказал он.

Он не смотрел на Беллис, но, похоже, чрезмерной стыдливости не проявлял.

Иоганнес делил каюту с Джимджером – обанкротившимся купцом, которого одолевали мысли о собственной никчемности; он поглядывал на Беллис с жалким вожделением. Иоганнес ничего такого себе не позволял. Казалось, он просто не успевал заметить прелестей Беллис, потому что его все время занимали новые проблемы.

Дело не в том, что Беллис хотелось стать объектом его внимания: напротив, она быстро отбрила бы его, попытайся он делать авансы. Но она привыкла к тому, что мужчины пытаются флиртовать с ней, пусть и недолго, пока не начинают понимать, что этот лед им не растопить. Тиарфлай вел себя с ней откровенно и без всякого намека на секс, и ее это беспокоило. Ей даже пришла было в голову мысль: может быть, он извращенец, как выражался ее отец? Впрочем, похоже, Иоганнес интересовался мужчинами не больше, чем ею. И тогда Беллис решила, что размышлять на эту тему бесполезно.

Ей показалось, что, когда между ними возникло недоразумение, в его глазах мелькнуло что-то вроде страха. «Может, – подумала она, – его такие вещи не интересуют. А может, он просто трус».

Шекель и Флорин обменивались историями.

Шекель знал многие из Хроник Раконога, но Флорин знал их все. К тому же Флорин знал разные варианты историй, незнакомые Шекелю, и умел их прекрасно рассказывать. Шекель, в свою очередь, рассказывал Флорину об офицерах и пассажирах. Он презирал Джимджером, – сквозь дверь туалета было слышно, как тот с остервенением мастурбирует. Он считал рассеянного, пожилого Тиарфлая невыносимо скучным и побаивался капитана Мизовича, но был не прочь приврать на его счет и рассказывал, как капитан, напившись, бродит по палубам.

Он испытывал вожделение к мисс Кардомиум. Ему нравилась Беллис Хладовин.

– Какого хера, эта черно-голубая штучка совсем не холодная.

Флорин выслушивал эти характеристики и измышления, посмеиваясь или выражая неодобрение там, где надо. Шекель передавал ему слухи и басни, ходившие между матросами, – о пиасах, женщинах-корсарах, марихонианцах и пиратах-струподелах, о существах, обитающих под водой.

За спиной Флорина терялось во мраке длинное чрево трюма.

Там шла постоянная омерзительная схватка за еду и топливо. Заключенным нужны были не только остатки мяса и хлеба – многие из них были переделанными с металлическими членами и паровыми двигателями. Если котлы остывали, то они теряли способность двигаться, а потому припрятывалось все, что могло гореть. В дальнем углу помещения стоял старик; оловянный треножник, служивший ему ногами, вот уже несколько дней был неподвижен. Котел его давно погас. Ел он, только если кто-нибудь ему давал, и всем было понятно, что долго он не протянет.

Шекель был загипнотизирован жестокостью этого маленького мирка. Он смотрел на старика жадными глазами. Он видел раны заключенных. Он хватывал взглядом человеческие фигуры, совершавшие характерные движения, не понимая, что это – насилие или соревнование.

В Нью-Кробюзоне он возглавлял банду квартала Вороновых ворот и теперь беспокоился за своих дружков. Первая кража, совершенная в шесть лет, принесла ему монетку достоинством в один шекель, и с тех пор эта кличка прилипла к нему. Он клялся, что не помнит другого своего имени. Он нанялся на корабль, когда милиция стала проявлять интерес к деятельности его банды, не брезговавшей и разбоем.

– Еще месяц, и я бы плыл там вместе с тобой, Флорин, – сказал он. – Вполне возможно.

Расположенный вблизи бушприта метеомантийный исчислитель, над которым колдовали корабельные маги и чудоморы, вытеснял воздух перед носом корабля. Корабельные паруса прогибались, стремясь заполнить образовавшуюся пустоту, и давление толкало их вперед, что позволяло кораблю развивать хорошую скорость.

Эта машина напомнила Беллис кробюзонские облачные башни. Она подумала о загадочных и сломанных исполинских двигателях, нависающих над крышами Варской поймы. Ей так не доставало улиц и каналов, просторов города.

Что касается машин, то в Нью-Кробюзоне Беллис была окружена ими. Здесь же был только метеомантийный моторчик и конструкт в помещении столовой. Благодаря паровому двигателю в трюме «Терпсихория» была одной большой машиной, но двигатель этот оставался невидимым. Беллис бродила по кораблю как потерянная. Ей не хватало того городского хаоса, который она вынуждена была оставить.

Эта часть моря отнюдь не пустовала – по пути встречались другие суда. За два дня после отплытия из Ке-Бансса Беллис видела целых три. Два первых остались небольшими вытянутыми контурами на горизонте, третий – низко сидящая каравелла – прошел поблизости. Судя по воздушным змеям, привязанным к парусам, судно принадлежало Одралину. На море штормило, и каравеллу сильно болтало.

Беллис видела матросов на борту – они раскачивались вместе со сложным такелажем, поправляли треугольные паруса.

«Терпсихория» миновала острова, казавшиеся безлюдными, – Каданн, Рин, Лор, Эйдо-лон. О каждом существовали легенды, и Иоганнес знал их все.

Беллис часами наблюдала за морем. Вода здесь, на востоке, была значительно чище, чем вблизи Железного залива, – Беллис видела пятна, которые на самом деле были огромными косяками рыб. Моряки, отстоявшие свою вахту, сидели, свесив ноги за борт, с самодельными удочками или вырезали ножом безделушки из костей и клыков нарвала, а потом покрывали их черной краской.

Вдалеке из воды порой выпрыгивали огромные хищники вроде касаток. Как-то раз после захода солнца «Терпсихория» прошла рядом с небольшим лесистым островком длиной в одну-две мили – деревья, выступавшие над океаном. Неподалеку от берега из воды торчали несколько ровных скал, и сердце у Беллис екнуло, когда за одним из этих камней из воды возникла массивная, похожая на лебединую шею. Беллис увидела, как плезиавр тряхнул плосковатой головой, медленно поплыл прочь от мелководья и скоро исчез из виду.

Подводные хищники на короткое время очаровали Беллис. Иоганнес пригласил ее в свою каюту, и они принялись вдвоем перебирать его книги. Беллис обнаружила несколько с его фамилией на корешке: «Анатомия сардула», «Хищники Железного залива», «Теории мегафауны». Когда нашлась монография, которую он искал, он показал ей поразительные изображения – тупоголовые рыбы длиной тридцать футов, акулы-гоблины с неровными рядами зубов и высокими лбами и другие.

Вечером второго дня после выхода из Ке-Бансса она увидела землю, опоясывавшую Салкрикалтор, – неровную серую береговую линию. Шел десятый час, но небо на сей раз было совершенно ясным, и луна со своими дочерьми светила очень ярко.

Этот горный ландшафт, насквозь продуваемый ветрами, привел ее в трепет. Вдалеке от берега, насколько она смогла разглядеть, чернел овраг, поросший лесом. На берегу стояли отравленные солью деревья – голые, мертвые стволы.

Иоганнес возбужденно выругался.

– Это же Бартолл, – сказал он. – В ста милях к северу отсюда расположен Сирхуссинский мост длиной в двадцать пять миль, холера его раздери. Я надеялся его увидеть, но, пожалуй, не стоит напрашиваться на неприятности.

Корабль удалялся от острова. Было холодно, и Беллис нетерпеливо запахнула на себе пальто.

– Пойду внутрь, – сказала она, но Иоганнес не услышал ее.

Он смотрел назад – туда, откуда они плыли, на исчезающие берега Бартолла.

– Что происходит? – пробормотал он. Беллис резко повернулась. В его голосе явно слышалось недовольство. – Куда это мы плывем? – Иоганнес взмахнул руками. – Смотрите, мы уходим от Бартолла. – Остров теперь представлял собой всего лишь неясные очертания на краю моря. – Салкрикалтор расположен *там* – на востоке. Мы могли бы через пару часов плыть над кряями, но направляемся на юг... Мы уходим в сторону от содружества...

– Может, им не нравится, когда над ними проходят суда, – сказала Беллис, но Иоганнес покачал головой.

– Это обычный маршрут, – сказал он. – Если идти на восток от Бартолла, попадешь в Салкрикалтор-сити. Так туда и добираются. Но мы направляемся в какое-то другое место. – Он нарисовал в воздухе карту. – Вот Бартол, а вот Гномон-Тор, а между ними, в море... Салкрикалтор. А там, куда мы направляемся теперь, ничего нет. Гряда маленьких скалистых островков. Мы огибаем Салкрикалтор-сити по очень большой дуге. Хотел бы я знать почему.

Следующим утром еще несколько пассажиров обратили внимание на необычный маршрут. Прошло еще несколько часов, и новость расползлась по узким, тесным коридорам. В столовой к пассажирам обратился капитан Мизович. Всего на судне их было около сорока, и все присутствовали. Даже бледная, жалкая сестра Мериопа и другие, подверженные таким же недугам.

– Для беспокойства нет причин, – заверил их капитан, явно раздраженный тем, что пришлось говорить.

Беллис не смотрела на него – поглядывала в иллюминаторы. «Зачем я здесь торчу? – думала она. – Мне все равно. Мне все равно, куда мы плывем и как мы туда, к чертям свиным, доберемся». Но ей не удалось убедить себя, и она осталась сидеть на своем месте.

– Но *почему* мы отклонились от обычного курса, капитан? – раздался чей-то голос.

Капитан рассерженно выдохнул:

– Ладно. Слушайте. Я обхожу Плавники – острова на южной оконечности Салкрикалтора. Я не обязан объяснять вам это. Но тем не менее... – Он выдержал паузу, чтобы пассажиры в полной мере оценили, какое им делается снисхождение. – При сложившихся обстоятельствах я попросил бы всех вас соблюдать определенную конфиденциальность в отношении этой информации. Перед заходом в Салкрикалтор-сити мы обойдем Плавники, чтобы заглянуть в кое-какие владения Нью-Кробюзона. Моредобывающие предприятия. Широкой публике о них не известно. Я мог бы попросить вас не выходить из кают, но вы так или иначе сумеете кое-что разглядеть через иллюминаторы, а мне бы не хотелось, чтобы потом по кораблю пошли всякие слухи. Так что можете подниматься наверх, но только на полуют. Но! Но я обращаюсь к вам как к патриотам и законопослушным гражданам: относитесь к тому, что вы увидите сегодня вечером, со всем возможным благоразумием. Ясно?

Наступила почтительная тишина, вызвавшая у Беллис приступ отвращения. «Он морочит им голову этим своим словоблудием», – подумала она и презрительно отвернулась.

Время от времени показывалась торчащая из воды скала, о которую разбивались волны, – но ничего более тревожного. Большинство пассажиров собрались на корме корабля, откуда они внимательно смотрели вдаль.

Беллис не отрывала глаз от горизонта, раздраженная тем, что она не в одиночестве.

– Как вы думаете, мы поймем, что это оно и есть, когда его увидим? – спросила сопевшая рядом с ней женщина.

Беллис ее не знала и сделала вид, что не слышит вопроса.

Стемнело и сильно похолодало. Гористые Плавники то появлялись, то исчезали на горизонте. Беллис, чтобы согреться, пригубила подогретого вина. Ей стало скучно, и она теперь смотрела не на море, а на моряков.

И вдруг часа в два ночи, когда на палубе осталась едва половина пассажиров, что-то показалось на востоке.

– О боги, – прошептал Иоганнес.

Довольно долгое время то были непонятные, угрожающие очертания. По мере приближения к ним Беллис увидела, что это огромная черная башня, торчащая из моря. Наверху горел слабый огонек – блеклые разводы пламени.

Они направлялись прямо на башню, до которой оставалось чуть больше мили. Беллис открыла рот от изумления.

Она видела платформу, подвешенную над морем. Бетонная громада длиной более двухсот футов с каждой стороны держалась на трех массивных металлических опорах. Беллис слышала глухие удары, исходившие от платформы.

Волны разбивались об опоры. Верхняя часть башни своими прихотливыми очертаниями напоминала абрис городских крыш. Над тремя ногами-опорами виднелись на первый взгляд хаотически расположенные шпили. Наподобие клешней двигались краны. А над всем этим парил, извергая пламя, огромный купол, составленный из балок. Магическая рябь искривляла пространство над пламенем. В тени под платформой виднелся массивный металлический ствол, уходящий глубоко в воду. Разные его уровни светились огнями.

– Это что еще такое, Джаббер нас сохрани? – выдохнула Беллис.

Они видели перед собой нечто необычное и внушающее страх. Пассажиры стояли, поидиотски разинув рты.

Горы самого южного из Плавников смутно темнели вдалеке. У основания платформы несли вахту бронированные корабли. На палубе одного из них замелькали сигнальные огни. «Терпсихория» ответила вспышкой с капитанского мостика.

С громадной платформы раздался звук клаксона.

Теперь они удалялись от нее. Беллис смотрела, как извергающая пламя платформа уменьшается в размерах.

Иоганнес застыл от удивления.

– Понятия не имею, – медленно произнес он.

Беллис не сразу поняла, что он отвечает на ее вопрос. Они не сводили глаз с огромного сооружения, пока оно не исчезло из виду, и тогда молча пошли к себе. Но не успели они дойти до дверей коридора, как сзади раздался крик:

– Еще одна!

И точно: вдали показалась вторая гигантская платформа.

Она была еще больше первой и стояла на четырех обшарпанных бетонных опорах. Здесь было больше пустого пространства. На каждом углу стояло по приземистой, широкой башне, а в дальнем конце возвышалась колоссальная вышка. Сооружение ворчал, словно живое.

И опять один из кораблей охраны разразился световой вспышкой, и «Терпсихория» ответила ему.

Дул ветер, небо выглядело холодно-металлическим. «Терпсихория» скользнула в темноту. За ней, на мрачном мелководье, рычала огромная конструкция.

Беллис и Иоганнес прождали еще час, руки у них онемели от холода, дыхание клубилось, но больше они ничего не увидели. Вокруг была только вода да время от времени появлялись Плавники – зубчатые и темные.

Пяльница, 5-го анора 1779 года.

На борту «Терсихории».

Не успела я тем утром войти в каюту капитана, как поняла, что он чем-то разозлен. Он скрежетал зубами, на лице застыло кровожадное выражение.

– Мисс Хладовин, – сказал он, – через несколько часов мы прибываем в Салкрикалтор-сити. Остальным пассажирам и команде будет предоставлена возможность сойти на берег, но боюсь, эта роскошь не для вас.

Говорил он ровно, но в голосе слышалось раздражение. Стол его был чист как доска, и это обеспокоило меня, хотя и не могу сказать почему. Обычно нас разделяла стена всякого мусора, но сейчас ничего такого не было.

– Я встречаюсь с представителями содружества Салкрикатор, а вы будете переводить. Вы работали с торговыми делегациями, так что порядок вам известен. Вы будете переводить на салкрикатор для их представителей, а их переводчик будет переводить для меня на рагамоль. Вы должны внимательно слушать, чтобы он ничего не наврал, а он будет слушать вас. Это гарантия честности с обеих сторон. Но вы – не участник переговоров. На этот счет у вас не должно быть никаких заблуждений. Вам все ясно? – Он, как учитель, заострил на этом мое внимание. – Вы не услышите ни слова из сказанного. Вы – только инструмент и ничего более. Вы ничего не должны слышать.

Я выдержала взгляд этого сукина сына.

– Будут обсуждаться вопросы чрезвычайной важности. На борту корабля очень мало секретов, мисс Хладовин, помяните мои слова. – Он подался ко мне. – Если вы обмолвитесь о предмете переговоров кому-нибудь – моим офицерам, этой заблеванной монахине или вашему близкому приятелю доктору Тиарфлаю, – то я непременно узнаю.

Нет нужды говорить, как меня потрясли его слова.

До того дня мне удавалось избегать ссор с капитаном, но как это сделать теперь, когда он, разозлившись, стал капризен? Слабости он во мне не увидит. Лучшие уж месяцами ходить с дурным настроением, чем каждый раз при его приближении съезживаться от страха.

И потом, я была в бешенстве.

Я заговорила ледяным тоном:

– Капитан, мы обсуждали эти вопросы, когда вы предложили мне работу. Моя репутация и мои рекомендации безупречны. Сомневаться во мне теперь было бы ниже вашего достоинства. – Я говорила королевским тоном. – Я вам не какая-нибудь семнадцатилетняя девчонка, которой силой навязали эту работу, так что не пытайтесь меня запугать, сэр. Я буду исполнять свои обязанности согласно контракту, и у вас нет никаких оснований сомневаться в моих профессиональных качествах.

Я понятия не имею, почему он в тот день был такой злой, и мне до этого нет дела. Пусть боги живьем сдерут с него шкуру.

И вот я сижу здесь с «заблеванной монахиней» (хотя, по правде говоря, ей, кажется, стало немного лучше, она даже что-то тут проблеяла насчет службы в вошкресенье) и заканчиваю это письмо. Мы приближаемся к Салкрикалтору, где я смогу запечатать его и оставить для передачи на ближайший корабль, следующий в Нью-Кробюзон. Оно, это затянувшееся «прости», доберется до тебя всего через несколько недель. А это не так уж плохо. Надеюсь, оно найдет тебя в добром здравии.

Я надеюсь, ты скучаешь без меня, как я скучаю без тебя. Не знаю, что я буду делать без этого письма, связующего меня с тобой. Следующее ты получишь от меня не раньше чем через год, когда какой-нибудь корабль войдет в гавань Нова-Эспериума. Вспомни тогда обо мне! Волосы у меня отрастут и станут соляными от грязи, одежду я носить пере-

стану, а тело будет покрыто татуировками, как у дикарского шамана. Если не разучусь писать, то напишу тебе о том, как провожу время, и спрошу, как дела в моем городе. А может, ты напишешь мне, сообщишь, что все в порядке, опасности нет, и я могу вернуться домой.

Пассажиры возбужденно обсуждали увиденное ночью. Беллис их презирала. «Терпсихория» миновала пролив Кэндлмоу и вошла в более спокойные воды Салкрикалтора. Первым на горизонте показался остров Гномон Тор, поросший буйной растительностью, а в пятом часу дня пассажиры увидели Салкрикалтор-сити.

Солнце уже заходило, и над морем стоял туман. В нескольких милях к северу от них проплывал массивный, покрытый зеленью Гномон Тор. Горизонтальный лес удлиняющихся теней, отбрасываемых башнями и крышами Салкрикалтор-сити, вспарывал волны.

Эти сооружения были изготовлены из бетона, камня и стекла, а также из прочных кораллов, обитающих в холодных водах. Колонны, опоясанные ступеньками лестниц, связанных тонкими мостиками. Замысловатые конические шпили высотой в сотню футов, темные квадратные башни. Невероятное смешение стилей.

Очертания города напоминали рисунок рифа, порожденный необузданным детским воображением. Органические башни возносились к небесам как экскременты трубчатого червя. Были тут и подобию кружевных кораллов (высокие сооружения с ветками, в которых располагались десятки тесных комнаток), и приземистые многооконные цитадели, похожие на огромные цилиндрические губки. Гофрированные отростки сооружений, похожие на огненные кораллы.

Башни погруженного в воду города поднимались на сотню футов над волнами, не изменяя своей формы. На уровне моря зияли громадные открытые двери. По зеленым грязноватым полосам можно было определить максимальную высоту приливов.

Были и здания поновее. Яйцевидные особняки, вырезанные из камня и укрепленные металлом, высились над водой на опорах, вделанных в подводные крыши. На платформах, которые, вопреки всем законам физики, плавали по морю, возвышались террасы домов из квадратного кирпича – совсем как в Нью-Кробюзоне.

Тут были тысячи креев и немало людей – на переходах и мостках в уровень с водой и выше. Между башен дефилировали плоскодонные баржи и лодки.

Корабли дальнего плавания были причалены к торчащим из воды столбам на окраинах города – рыбацкие лодки, джонки, клиперы, изредка пароходы. «Терпсихория» подходила все ближе и ближе.

– Посмотрите-ка, – сказал кто-то Беллис, указывая вниз – вода там была совершенно прозрачной.

Даже в сумерках Беллис разглядела широкие улицы окраин Салкрикалтора глубоко под водой. Фонари заливали улицы холодным светом. Здания заканчивались, не доходя до поверхности футов пятьдесят, чтобы суда могли свободно проходить.

На мостках, связывающих подводные шпили, Беллис видела других граждан, других креев. Они быстро плавали и бегали, двигаясь гораздо резвее своих родичей на поверхности.

Место было совершенно необычным. «Терпсихория» причалила, и Беллис с завистью проводила глазами спускаемые на воду лодки. Большая часть команды и пассажиры нетерпеливо ждали перед трапами. Они ухмылялись и возбужденно спорили о чем-то, бросая взгляды на город.

Стемнело. От башен Салкрикалтора остались одни силуэты; освещенные окна отражались в черной воде. До Беллис доносились слабые звуки – музыка, крики, дробилки, волны.

– Всем вернуться на борт до двух ночи, – выкрикнул младший лейтенант. – Держитесь кварталов, где обитают люди, и всего, что над водой. Найдете себе массу развлечений, не рискуя своими легкими.

– Мисс Хладовин?

Беллис повернулась к лейтенанту Камбершаму.

– Прошу вас, мисс, ступайте за мной. Подлодка готова.

Глава 4

В тесной подлодке среди циферблатов и переплетений медных трубок Беллис вытягивала голову, чтобы Камбершам, капитан Мизович и мичман у руля не загораживали ей обзор.

Волны ударяли по толстому иллюминатору впереди, но судно внезапно нырнуло вниз, небо исчезло из виду, и луковица стекла погрузилась в воду. Звуки плещущих волн и далекие крики чаек тут же исчезли. Осталось только урчание начавшего вращаться винта.

Беллис сгорала от любопытства.

Подлодка наклонилась и грациозно двинулась к невидимому дну. Под ее обрубленным носом вспыхнул мощный свет дуговой лампы, выхватывая из темноты водяной конус.

Приблизившись ко дну, лодка чуть задрала нос. Вечерний свет едва доходил сюда – ему мешали массивные черные тени кораблей.

Беллис бросила взгляд через плечо капитана на темную воду. На ее лице застыло безразличное выражение, но руки взволнованно двигались независимо от нее. Рыбы накатывались волнами на массивного металлического пришельца. Беллис слышала собственное дыхание – быстрое и неестественно громкое.

Подлодка осторожно лавировала между цепей, которые, словно лианы, тянулись к кораблям наверху. Рулевой с профессиональным изяществом передвинул рычаги управления, лодка перевалила через невысокий порожек обветренной породы, и перед ними предстала столица Салкрикалтора.

У Беллис отвисла челюсть.

Повсюду висели фонари. Эти шары, от которых исходил холодный свет, напоминали замерзшие луны и не имели того светло-коричневого оттенка, что был присущ газовым лампам Нью-Кробюзона. Город мерцал в темноватой воде, словно сеть, наполненная призрачными огнями.

На границах города располагались низкие здания из пористого камня и кораллов. Между башнями и над крышами ровно двигались другие подлодки. Дорожки в глубине под ними поднимались к бастионам и соборам в центре города, до которых оставалось около мили; сквозь водную толщу видны были только их смутные очертания. Там, в самом сердце столицы Салкрикалтора, стояли удивительные здания, высоко поднимавшиеся над водной поверхностью; под водой они выглядели не менее причудливо. Все в городе было переплетено и взаимосвязано.

Крей были повсюду. Они лениво поглядывали на подлодку, проплывавшую над ними. Они торговались перед лавчонками, украшенными колеблющимися цветными тканями, они спорили на маленьких площадях, усаженных фигурно подстриженными водорослями, они бродили по извилистым улочкам. Они управляли повозками, в которые были впряжены необычные тягловые животные – морские улитки высотой в шесть футов. Тут же играли их дети – погоняли посаженных в клетки окуней и морских собачек.

Увидела Беллис и трущобы. Водные потоки подбирали органические отходы, накапливающиеся в коралловых двориках, и уносили их подальше от главных улиц.

Казалось, что вода удлиняет любое движение. Крей плыли над крышами, некрасиво маша хвостами. Они спрыгивали с высоких карнизов и медленно погружались, перед приземлением подгибая ноги.

Из подлодки казалось, что город погружен в тишину.

Они медленно приближались к застроенному монументальными зданиями центру, распугивая рыбу, приводя в движение плавучий мусор. Беллис с удивлением отмечала про себя, что перед ней настоящий город. В нем кипела жизнь. Все как в Нью-Кробюзоне, только город выглядел более расслабленным и был наполовину скрыт водой.

– Это жилые дома для официальных лиц, – сообщил ей Камбершам. – А это банк. Здесь размещается фабрика. Поэтому-то креи и развивают отношения с Нью-Кробюзоном – мы поставляем им паровые технологии. Сделать двигатели, работающие под водой, очень непросто. А это центральный совет Крейского содружества Салкрикалтора.

Беллис увидела замысловатое здание. Закругленное и луковичеобразное, похожее на невероятно большой мозговой коралл, покрытый резными складками. Башни вздымались вверх, торча над водой. В большей части их крыльев, украшенных резьбой в виде свернувшихся змей и иероглифическими надписями, имелись открытые окна и двери в традиционном салкрикалторском стиле, так что мелкие рыбешки могли свободно попадать внутрь или наружу. Но одна секция была герметизирована – небольшие иллюминаторы, плотные металлические двери. Из вентиляционных отверстий на ней шли струи пузырьков.

– Вот тут они и принимают надводников, – сказал лейтенант. – Сюда-то нам и нужно.

– В верхней части Салкрикалтора обитает человеческое меньшинство, – медленно произнесла Беллис. – Над водой хватает комнат, а крей может несколько часов находиться на воздухе без всякого вреда для себя. Почему же они принимают нас здесь?

– По той же причине, по которой мы принимаем посла Салкрикалтора в приемной парламента, мисс Хладовин, – сказал капитан, – не считаясь с тем, что это для него подчас затруднительно и неудобно. Это их город, а мы – только гости. Я говорю *мы*, – он повернулся к ней и сделал движение рукой, указывая на себя и лейтенанта Камбершама, – имея в виду только нас. Это *мы* – гости. – Он неторопливо отвернулся.

«Сукин ты сын», – с ненавистью подумала Беллис. На лице ее застыло презрительное выражение.

Рулевой сбросил скорость почти до нуля и через большое темное отверстие завел лодку внутрь крыла здания. Они проплывали над креями, которые движениями рук показывали нужное направление, и наконец оказались в конце бетонного коридора. За ними с глухим ударом захлопнулась огромная дверь.

Толстые, вделанные в стены патрубки взорвались непрерывным потоком пузырей. Море выдавливалось через клапаны и затворы. Уровень воды стал падать, и подлодка постепенно опустилась на бетонный пол, где завалилась на один бок. Вода опустилась ниже иллюминатора, омыв его своими потоками, и теперь уже за стеклом был воздух. Когда вода ушла из помещения, оно показалось Беллис довольно убогим.

Рулевой отпустил болты, и крышка люка открылась. Внутри хлынула благодатная прохлада. На бетонном полу пенилась морская вода, здесь пахло рыбой и водорослями. Беллис вышла из подлодки. Офицеры, уже стоявшие на полу, поправляли на себе форму.

За ними стояла самка крея. Она держала пику, которая показалась Беллис слишком вычурной и хрупкой, – очевидно, церемониальное оружие. На стражнице был нагрудник, явно не металлический – слишком уж яркозеленого оттенка. Она приветственно кивнула.

– Поблагодарите ее за приветствие, – обратился капитан к Беллис. – Пусть сообщит руководителю совета, что мы прибыли.

Беллис выдохнула и попыталась успокоиться. Она собралась, припоминая словарь, грамматику, синтаксис, произношение и душу языка креев Салкрикалтора – все, чему она научилась за несколько недель упорной работы с Мариккатчем. Она произнесла про себя коротенькую циничную молитву.

Потом она представила себе вибрато, клацающий лай креев, слышимый как в воде, так и в воздухе, и заговорила.

К ее глубокому облегчению, крей кивнула и ответила.

– *О вашем прибытии будет доложено*, – сказала она, поправляя Беллис, неверно употребившую временную форму. – *Ваш рулевой останется здесь. А вы ступайте за мной.*

Большие герметичные иллюминаторы выходили в сад с яркими морскими растениями. На стенах висели гобелены, запечатлевшие важнейшие события истории Салкрикалтора. Пол был устлан каменными плитами (совершенно сухими) и подогревался невидимым огнем. Стены были украшены темными накладками из гагата, черного коралла и черного жемчуга.

Три крея-самца, кивая, приветствовали людей. Один, гораздо моложе двух других, стоял, как и Беллис, чуть в стороне.

Они были бледны. В отличие от креев Устья Вара, эти куда больше времени проводили под водой, и солнце не оставляло на них следа. Верхнюю часть тела крея от человеческого отличали только маленькие жаберные складки на шее, но в их подводной бледности было что-то враждебное.

Ниже пояса креи представляли собой гигантских скальных омаров – шишковатый сегментированный панцирь. Человеческое брюшко выступало из-под панциря в том месте, где у омара были бы глаза и усики. Даже на воздухе – в чуждой для них среде – их многочисленные ноги двигались с замысловатым изяществом. Движения сопровождались негромкими звуками – легкие удары хитина о хитин.

Свои рачьи задницы креи украшали чем-то вроде татуировок – вырезали на поверхности панциря рисунки и заливали их различными экстрактами. У двух креев постарше набор символов был впечатляющим.

Один из них вышел вперед и очень быстро заговорил на салкрикалторе. Затем последовала короткая пауза, и наконец молодой крей, который стоял за говорившим, произнес:

– Добро пожаловать. – Он говорил на рагамоле с сильным акцентом. – Мы рады вы приехать и говорить с нами.

Разговор начинался неторопливо. Руководитель совета, король Скаракатчи, и член совета, король Друд'аджи, дипломатически вежливо выразили свое удовлетворение, которое могло сравниться разве что с таковым Мизовича и Камбершама. Все сошлись на том, что встреча необыкновенно важна и замечательно, что два таких великих города пребывают в добром согласии, что торговля – великолепный способ доказательства доброй воли и все в таком роде.

Потом тема разговора быстро переменялась. Беллис, сама тому удивляясь, довольно бегло переводила всякие специальные вещи. Разговор зашел о том, сколько яблок и слив оставит «Терпсихория» в Салкрикалторе и сколько бутылей мазей и жидкостей получит в обмен.

Вскоре после этого они перешли к обсуждению государственных вопросов, информации из кулуаров нью-кробюзонского парламента: когда будут (если будут) заменены послы, каковы возможности для торговых соглашений с другими державами, как они отразятся на отношениях с Салкрикалтором.

Беллис без всякого труда научилась не обращать внимания на то, что говорит, – просто пропускала через себя информацию. Делала она это не из патриотизма или преданности правительству Нью-Кробюзона (ничего подобного она не испытывала), а только из скуки. Предмет тайных переговоров был ей непонятен, те обрывки информации, что выходили из ее уст, наводили на нее тоску. Она думала о тоннах воды над ними и удивлялась тому, что не чувствует страха.

Некоторое время она работала автоматически, почти немедленно забывая, что говорит. Но вдруг она почувствовала, как голос капитана изменился, и обнаружила, что прислушивается.

– У меня есть еще один вопрос, ваше превосходительство, – сказал капитан Мизович, пригубив поданное ему питье. – В Ке-Бансса мне велели проверить странный слух, передан-

ный представителем Нью-Кробюзона. Сведения эти были такими нелепыми, что мне показалось, я ослышался. Тем не менее я обогнул Плавники. Вот почему мы опоздали с прибытием. Делая этот круг, я, к своему разочарованию и тревоге, обнаружил, что слухи эти верны. Я поднимаю этот вопрос, потому что это касается нашей дружбы с Салкрикалтором. – Голос капитана стал жестче. – Речь идет о наших предприятиях в водах Салкрикалтора. На южной границе Плавников, как известно советникам, расположены жизненно важные для нас сооружения, за размещение которых с нас берут немалую арендную плату. Я, конечно же, веду речь о наших платформах. О наших буровых установках.

Беллис до этого никогда не слышала сочетания «буровая установка» и потому произнесла его на рагамоле. Креи, похоже, поняли. Беллис переводила автоматически и гладко, но при этом с тревогой прислушивалась к каждому слову капитана.

– Мы проходили мимо них после полуночи. Сначала мимо одной, потом – мимо другой. На «Маникине» и на «Траштаре» все было в полном порядке. Но, господа советники... – Он выпрямился на своем стуле, поставил стакан и злобно уставился на них. – *Куда девалась третья платформа?*

Официальные представители креев смотрели на капитана. Они переглянулись с нетерпеливой, комической синхронностью, потом снова обратили взгляды к капитану.

– Мы просить прощения... не понимать, капитан, – медленно проговорил за свое начальство переводчик.

Говорил он все тем же ровным тоном, но Беллис на долю секунды поймала его взгляд. Между ними пробежала какая-то искра, какое-то общее недоумение, чувство товарищества.

«И во что мы с тобой вляпались, брат?» – подумала Беллис. Она была напряжена и ужасно хотела курить.

– Мы не знаем, о чем вы говорите, – продолжал ее коллега. – Нас не интересовать платформы, пока мы получаем арендную плату. Что случилось, капитан?

– Случилось то, что «Сорго», – сказал капитан Мазович, повысив голос, – наша плавающая платформа исчезла. – Он дождался, когда Беллис переведет его слова, а потом подождал еще немного, удлинняя молчание. – Добавлю, что исчезла она с командами пяти броненосцев, своими офицерами, обслуживающим персоналом, учеными и геоэмпатами. Первое известие о том, что «Сорго» исчезло со своей стоянки, дошло до острова Танцующей птицы три недели назад. Команды других платформ стали интересоваться, почему им не сообщили о приказе «Сорго» передислоцироваться. Но такого приказа не отдавалось. – Капитан поставил стакан и посмотрел на двух креев. – «Сорго» должно было оставаться на своем месте еще как минимум шесть месяцев. Платформа должна была находиться там, где мы ее оставили. Господин первый советник, господин советник... *что случилось с нашей буровой установкой?*

Заговорил Скаракатчи, и переводчик попытался воспроизвести его увещательный тон:

– Нам ничего не известно.

Капитан Мазович хрустнул пальцами.

– Это произошло всего в сотне миль отсюда, в водах Салкрикалтора, в районе, патрулируемом вашим флотом и охотниками. А вам, значит, ничего не известно? – Говорил он сдержанным, но угрожающим тоном. – Господа советники, это выходит за все рамки. Вы понятия не имеете о том, что случилось? То ли платформу опрокинул шквальный ветер, то ли на нее напали и уничтожили? Вы что, хотите мне сказать, что ни о чем таком *не слышали*? Что кто-то может так поступить с нами в ваших водах, а вы будете оставаться в неведении?

Последовало долгое молчание. Два крея наклонились друг к другу и прошептали друг другу несколько фраз.

– До нас доходит много всяких слухов, – сказал через переводчика король Скаракатчи; Друд'аджи внимательно смотрел на них обоих. – Но об этом мы ничего не слышали. Мы можем предложить наши соболезнования и помощь нашим друзьям из Нью-Кробюзона, но, к сожалению, никакой информации.

– Должен сообщить вам, – сказал капитан Мизович, шепотом посоветовавшись с Камбершамом, – что я в высшей степени огорчен. Нью-Кробюзон больше не сможет платить арендную плату за пользование установкой, которой нет. Наша арендная плата, таким образом, сокращается на одну треть. И я пошлю назад в город сообщение о том, что вы не смогли предоставить нам никакой помощи. И у наших властей, не исключено, возникнут сомнения насчет того, может ли Салкрикалтор охранять наши интересы. Мое правительство пожелает продолжить эту дискуссию. Возможно, придется заключить новые соглашения. Благодарю вас за гостеприимство, – сказал он, допив свой стакан. – Мы пробудем в гавани Салкрикалтора одну ночь. С якоря снимемся завтра утром.

– Одну минуту, капитан. – совета поднял руку и что-то быстро пробормотал Друд'аджи, который кивнул и торопливо и грациозно засеменил из комнаты. – Нам нужно обсудить еще один вопрос.

Когда Друд'аджи вернулся, глаза у Беллис расширились. За ним шел человек с открытым, улыбчивым лицом. Он был немного моложе ее. В руках он нес большой пакет, а одет был в чистую, хотя и поношенную одежду. Он обезоруживающе улыбнулся Беллис. Она чуть нахмурилась и отвела глаза.

– Капитан Мизович? – Человек говорил на рагамоле с нью-кробюзонским акцентом. – Лейтенант Камбершам? – Он пожал им руки. – Боюсь, с вами, мадам, я не знаком, – сказал он, протягивая руку.

– Мисс Хладовин – наш переводчик, сэр, – сказал капитан, прежде чем Беллис успела раскрыть рот. – Вы должны иметь дело со мной. Кто вы?

Человек вытащил из кармана какую-то бумагу с печатями.

– Прочтите, и вам все станет ясно, капитан, – сказал он.

Капитан внимательно просмотрел бумагу. Полминуты спустя он поднял пронзительный взгляд на человека, помахивая листом бумаги.

– Это что еще за идиотизм? – неожиданно прошипел он.

Беллис, услышав его голос, вздрогнула. Он сунул бумагу Камбершаму.

– Я думаю, там все ясно написано, капитан, – сказал человек. – У меня есть другие экземпляры на тот случай, если вы не сможете сдержать гнев и уничтожите этот. Боюсь, мне придется, э-э, реквизирировать ваш корабль.

Капитан рассмеялся резким, похожим на лай смехом.

– Неужели? – В его голосе послышались угрожающие интонации. – Разве так делаются дела, мистер... – он наклонился и пробежал глазами по бумаге в руке лейтенанта, – мистер Фенек. Разве так?

Бросив взгляд на Камбершама, Беллис поняла, что тот с удивлением и тревогой смотрит на незнакомца. Он прервал капитана.

– Сэр, – сказал он взволнованным голосом, – может быть, мы поблагодарим наших хозяев – у них наверняка много важных дел, требующих их участия.

Он многозначительно посмотрел на креев. Переводчик внимательно слушал.

Капитан, поколебавшись, коротко кивнул.

– Прошу вас, передайте нашим хозяевам, что их гостеприимство выше всех похвал, – грубым тоном приказал он Беллис. – Поблагодарите их за то, что они уделили нам внимание. Дорогу назад мы найдем сами.

Беллис перевела, креи величественно откланялись. Два советника подошли к гостям и, к плохо скрываемой ярости капитана, снова обменялись с ними рукопожатиями, а потом удалились через ту дверь, из которой появился Фенек.

– Мисс Хладовин. – Капитан указал на дверь, ведущую к подлодке. – Прошу вас, подождите нас там. Это государственное дело.

Беллис, остановившись в коридоре, безмолвно чертыхалась. Она услышала озлобленный голос капитана за дверью, но, как ни напрягалась, разобрать, о чем идет речь, не смогла.

«Проклятье!» – пробормотала она себе под нос и вернулась в безликое помещение, где, словно свинья в грязи, лежала подлодка. Служитель-крей бездельничал в ожидании, слегка посапывая.

Рулевой подлодки ковырял в зубах. Из рта у него пахло рыбой.

Беллис прислонилась спиной к стене и стала ждать.

Минут через двадцать дверь распахнулась и появился капитан. За ним шел Камбершам, отчаянно пытаясь успокоить его.

– Да заткните вы пасть, Камбершам, – сказал капитан; Беллис удивленно уставилась на него. – Лучше позаботьтесь о том, чтобы этот *мистер сраный Фенек* не попадался мне на глаза, или я за себя не отвечаю, предъяви он мне хоть сто этих говенных писем.

За Камбершамом из дверей выглядывал Фенек.

Камбершам показал знаками Беллис и Фенеку, чтобы они побыстрее сели в лодку. Вид у него был испуганный. Когда он сел перед Беллис рядом с капитаном, она увидела, что помощник старается держаться подальше от Мизовича.

Море снова стало заполнять помещение через трубки в бетонной стене. Раздался звук невидимых двигателей, лодка завибрировала. Человек в потертом кожаном пальто повернулся к Беллис и улыбнулся.

– Сайлас Фенек, – прошептал он и протянул руку. Беллис не сразу, но протянула свою.

– Беллис, – пробормотала она. – Хладовин.

По пути на поверхность никто не произнес ни слова. Когда они снова оказались на палубе «Терпсихории», капитан опрометью помчался в свою каюту, бросив на ходу:

– Мистер Камбершам, приведите ко мне мистера Фенека.

Сайлас Фенек увидел, что Беллис наблюдает за ним. Он повел головой в направлении исчезнувшего капитана и на кратчайшее мгновение закатил глаза, потом кивнул на прощание и рысью припустил следом за Мизовичем.

Иоганнеса на борту не было – гулял где-то в Салкрикалторе. Беллис бросила негодующий взгляд на огни, высвечивавшие башни. У борта «Терпсихории» не было ни одной лодки, и никто не мог доставить Беллис в город. Она кипела от негодования. Даже эта нюня – сестра Мериопа – и та сподобилась оставить «Терпсихорию».

Беллис нашла Камбершама – он смотрел, как его люди латают поврежденный парус.

– Мисс Хладовин? – Он равнодушно посмотрел на нее.

– Лейтенант, – сказала она, – я хотела узнать, как мне оставить письмо для отправки в Нью-Кробюзон – мне капитан говорил, тут есть какая-то специальная кладовая. У меня срочное сообщение...

Ее голос смолк. Он в ответ только покачал головой.

– Это невозможно, мисс Хладовин. Не могу никого отправить с вами туда, ключей у меня нет, а просить об этом капитана сейчас я и не подумаю... Мне продолжить?

Беллис редко чувствовала себя такой несчастной, но не подала и виду.

– Лейтенант, – медленно проговорила она, стараясь говорить ровным голосом, – лейтенант, капитан сам мне сказал, что я смогу оставить здесь письмо. Это чрезвычайно важно.

– Мисс Хладовин, – сказал он, – если бы я мог, то лично проводил бы вас, но я *не могу*, и боюсь, на этом вопрос исчерпан. К тому же... – Он воровато оглянулся, потом прошептал: – К тому же – прошу вас, никому об этом ни слова, – но... вам не понадобится эта кладовая. Больше я сказать ничего не могу. Через несколько часов сами все поймете. Капитан завтра утром устраивает собрание. Он объяснит. Поверьте мне, мисс Хладовин. Вам нет нужды оставлять здесь ваше письмо. Даю вам слово.

«Что он имеет в виду? – подумала Беллис, охваченная паникой. – Что, черт его побери, он имеет в виду?»

Как и большинство заключенных, Флорин Сак никогда не отходил далеко от места, которое занял. Оно располагалось вблизи от не часто проникавшего сверху света и места раздачи пищи, так что охотников на него было немало. Дважды кто-то пытался занять его – укладывался на Флоринов клочок пола, пока он ходил пописать или посрать. В обоих случаях Флорин без драки убедил пришельцев уйти подобру-поздорову.

Он часами сидел в углу клетки, прижавшись спиной к стене. Шекелю никогда не приходилось его искать.

– Эй, Сак!

Флорин вздремнул, и туман в его голове рассеялся далеко не сразу.

Шекель ухмылялся ему из-за решетки.

– Проснись, Флорин. Хочу сказать тебе кое-что про Салкрикалтор.

– Заткнись, парень, – проворчал человек рядом с Флорином. – Мы пытаемся поспать.

– А ну, закрой хлебало, звездюк, – отрезал Шекель. – А то не получишь жратвы, когда я опять приду.

Флорин умиротворяюще шевельнул рукой.

– Успокойся, парень, успокойся, – сказал он, пытаясь прогнать остатки сна. – Давай, рассказывай, что там у тебя, только потише.

Шекель усмехнулся. Он был пьян и взволнован.

– Флорин, ты когда-нибудь видел Салкрикалтор-сити? – Нет, приятель, я никогда не выезжал из Нью-Кробюзона, – тихо ответил Флорин. Говорил он вполголоса, надеясь, что Шекель поступит так же.

Мальчишка закатил глаза и сел.

– Садись в лодку и гребешь мимо таких здоровенных домов, которые торчат прямо из моря. Кое-где они стоят так близко друг к другу, как деревья в лесу. А наверху между ними мосты, а иногда... иногда видишь, как оттуда прыгает кто-нибудь – человек или крей. Если человек – он ныряет, а если крей, то поджимает все свои ноги и ударяется об воду, потом плывет или исчезает внизу. Я, понимаешь, был в одном баре Наземного квартала. Там был... – Он жестикулировал, создавая руками иллюстрации к своему рассказу. – Вот ты выходишь из лодки, там такая здоровенная дверь, а за ней – здоровенная комната с танцовщицами... – Он по-мальчишески ухмыльнулся. – А потом – бар, пола ни хера нет... один только пандус такой уходит в море далеко-далеко. И все подсвечено снизу. И креи мельтешат туда-сюда, уходят и приходят по этому мосту, то в бар, то снова к себе домой, то в воду, то из воды.

Шекель все время ухмылялся и качал головой.

– Один из наших так напился, что обоссался. – Шекель рассмеялся. – Пришлось тащить его оттуда мокрого. Никогда в жизни ничего подобного не видел, Флорин. Они тут повсюду, они и сейчас тут под нами копошатся. Вот прямо сейчас. Это как сон. Вот этот город торчит тут в море – и снизу его больше, чем сверху. Слово отражается в воде... Но они-то ходят по этому отражению. Флорин, я хочу это увидеть, – взволнованно сказал он. – На корабле есть костюмы, шлемы и всякая такая фигня. Знаешь, я бы туда хотел. Увидеть все это так, как видят они...

Флорин пытался придумать, что бы такого сказать, но усталость все еще одолевала его. Он потряс головой, пытаясь вспомнить какую-нибудь из хроник Раконога о жизни в море. Но он не успел заговорить – Шекель вскочил на ноги.

– Пожалуй, я пойду, Флорин, – сказал он. – Капитан повсюду развешал объявления – утром собрание, важные сообщения, всякая хрень. Пойду морду помну.

Когда Флорин вспомнил историю про Раконога и раковин-убийц, Шекель уже исчез.

Глава 5

Когда на следующее утро Беллис встала с койки, «Терпсихория» была уже в открытом море.

По мере продвижения на восток становилось теплее, и пассажиры, собравшиеся по призыву капитана, оделись полегче. Команда стояла под бизань-мачтой, офицеры столпились у трапа, ведущего на капитанский мостик.

Новенький, Сайлас Фенек, стоял в одиночестве. Увидев, что Беллис смотрит на него, он улыбнулся ей.

– Вы с ним знакомы? – спросил Иоганнес Тиарфлай, стоявший у нее за спиной. Он потирал подбородок и с любопытством поглядывал на Фенека. – Вы ведь вместе с капитаном были там, внизу, когда появился мистер Фенек?

Беллис пожала плечами и отвернулась.

– Мы с ним не разговаривали, – сказала она.

– Вы не знаете, почему мы отклонились от курса? – спросил Иоганнес.

Беллис нахмурилась в знак непонимания. Тиарфлай раздраженно посмотрел на нее.

– Солнце, – медленно сказал он, – оно у нас слева. Мы идем на юг. Не в ту сторону.

Когда капитан появился над ними на трапе, шепоток на палубе смолк. Капитан поднес ко рту медный рупор.

– Спасибо, что так быстро собрались! – Ветер разнес над собравшимися его высокий голос с металлической ноткой. – У меня неприятная новость. – Он на мгновение опустил рупор, словно бы размышляя, что сказать дальше. Когда он снова заговорил, голос его звучал непримиримо. – Хочу вам сообщить, что я не потерплю никаких споров или возражений. То, что я говорю, – не предмет для обсуждения. Я реагирую на непредвиденные обстоятельства и не позволю оспаривать мои решения. Мы не идем в Нова-Эспериум. Мы возвращаемся в Железный залив.

Над палубой разнесся взрыв возмущения пассажиров, команда же недоуменно вздохнула. «Он не имеет права это делать!» – подумала Беллис, чувствуя, как ее захлестывает паника – но не удивление. Она поняла, что именно такого сообщения и ожидала после полупамеков Камбершама. Поняла она и то, что где-то в глубине души мысль о возвращении вызвала у нее ликование. Она изо всех сил попыталась подавить в себе это чувство. «Для меня это вовсе не возвращение домой, – горько подумала она. – Мне нужно бежать. Что теперь делать?»

– Хватит! – прокричал капитан. – Я уже сказал, мне это решение далось нелегко. – Он повысил голос, чтобы перекрыть вопли протеста. – Через неделю мы будем в Железном заливе, откуда пассажиры, купившие билет, смогут добраться до места назначения другим способом. Вам будет предоставлена возможность сесть на другой корабль. Я понимаю, вы доберетесь до места на месяц позже, и могу только принести вам свои извинения.

Его мрачное багровое лицо не говорило ни о каких извинениях.

– Придется Нова-Эспериуму прожить без вас еще несколько недель. Пассажирам не выходить за пределы полуюта до трех часов дня. Команда получит новые приказы. – Он опустил рупор и сбежал по трапу на палубу.

Несколько мгновений он один двигался среди оцепеневших людей. Потом толпа зашевелилась, несколько пассажиров, нарушив распоряжение капитана, шагнули ему навстречу, требуя, чтобы он переменял решение. Когда эти люди подошли к Мизовичу, раздались его разгневанные крики.

Беллис не сводила взгляда с Сайласа Фенека, пытаясь собрать воедино всю полученную информацию.

Он смотрел на волнующихся людей, но лицо его оставалось бесстрастным. Заметив, что Беллис наблюдает за ним, он задержал на ней взгляд, а потом медленно пошел прочь.

Иоганнес Тиарфлай, сраженный новостью, стоял, разинув рот от недоумения, с довольно комическим видом.

– Что это он делает? – заволновался натуралист. – О чем это он говорит? Я не могу ждать еще две недели под дождями Железного залива! Боги милостивые! И почему мы направляемся на юг? Он что, опять обходит Плавники кружным путем?.. Что вообще происходит?

– Он что-то ищет, – сказала Беллис так, чтобы ее слышал только Иоганнес. Она взяла его под руку и повела из толпы. – И я бы не стала понапрасну тратить слова на капитана. Он, конечно, в этом не признается, но я думаю, у него просто нет ни малейшего выбора.

Капитан шагал по палубе от борта к борту, наводя на горизонт подзорную трубу. Офицеры выкрикивали команды матросам в «вороньих гнездах». Беллис посматривала на недоумевающих пассажиров – те обменивались предположениями.

– Этот тип просто черт знает что, – донеслось до нее. – Какое он имеет право так кричать на пассажиров, заплативших деньги?!

– Я стояла у двери капитанской каюты и слышала, как кто-то обвинял его в том, что он попусту теряет время, не подчиняясь приказу, – в недоумении сообщила мисс Кардомиум. – Как такое может быть?

«Это Фенек, – подумала Беллис. – Он сердится, потому что мы возвращаемся кружным, а не прямым путем. Мизович... а что Мизович? Ищет следы «Сорго»».

Море за Плавниками было темнее, беспокойнее и холоднее – скалы из него не торчали. Небо побледнело. Они находились за каналом Василиск, на краю Вздувшегося океана. Беллис с отвращением смотрела на зеленые волны. У нее кружилась голова. Она представила себе три, четыре, пять тысяч миль соленых вод, протянувшихся отсюда на восток, и закрыла глаза. Сильный ветер трепал на ней одежду.

Беллис поняла, что снова думает о реке, о том медленном протоке, что, словно пуповина, соединяет Нью-Кробюзон с морем.

Когда Фенек появился снова – он быстро шел по полукуту, – Беллис остановила его:

– Мистер Фенек?

При виде Беллис на его лице появилось дружелюбное выражение.

– Беллис Хладовин, – сказал он. – Надеюсь, этот обходной маневр не очень вас расстроил.

Она жестом попросила его отойти в сторонку, чтобы их не слышали остальные пассажиры и команда, и остановилась в тени огромной трубы.

– Боюсь, что очень, мистер Фенек, – сказала она. – У меня есть совершенно определенные планы, которые теперь рушатся. Я понятия не имею, когда мне удастся найти другое судно, на котором понадобятся мои услуги.

Сайлас Фенек сочувственно склонил голову и выглядел явно расстроенным. Беллис продолжила:

– Не могли бы вы пролить свет на это вынужденное изменение маршрута, так рассердившее нашего капитана? – Она помедлила. – Пожалуйста, скажите мне, что происходит.

Фенек поднял брови.

– Не могу, мисс Хладовин, – тихо произнес он.

– Мистер Фенек, – холодно сказала она, – вы видели, как отнеслись к этому пассажиры, вы знаете, как их огорчил такой поворот событий. Неужели вы считаете, что я – все мы, но я в первую очередь, – не заслуживаю объяснения всему этому? Представьте, что могло бы произойти, сообщи я пассажирам о моих подозрениях... что причиной всему – появление таинственного незнакомца...

Беллис говорила быстро, пытаясь спровоцировать или пристыдить Сайласа, чтобы он сказал ей правду, но голос ее замер, когда она увидела выражение его лица. Оно мгновенно и резко изменилось. Из дружеского, кроткого оно сделалось жестким. Фенек поднял палец, призывая Беллис замолчать, потом, оглянувшись, заговорил – быстро, искренне и очень взволнованно.

– Мисс Хладовин, я понимаю ваши чувства, но вы должны выслушать меня.

Она распрямилась, встретив его взгляд.

– Вы не должны прибегать к такой угрозе. Я не взываю к вашей профессиональной этике или вашей чести, черт бы ее драл, – прошептал он. – Возможно, вы относитесь к подобным вещам с не меньшим цинизмом, чем я. Но я взываю к *вам*. Я понятия не имею, что вы себе навоображали или о чем догадались, но я вам говорю, мне жизненно необходимо – вы понимаете: жизненно? – быстро, без промедления и лишнего шума вернуться в Нью-Кробюзон. – Последовала длительная пауза. – На карту поставлено слишком многое, мисс Хладовин. Вы не должны никому вредить. Прошу вас держать ваши соображения при себе. Я полагаюсь на ваше благоразумие.

Фенек не угрожал ей. Его лицо и тон были строгими, но не агрессивными. Он действительно обращался к ней с просьбой, не пытаясь запугать, заткнуть рот. Он разговаривал с ней как с партнером, с человеком, которому доверяют.

Потрясенная и обескураженная его волнением, Беллис поняла, что *будет* держать язык за зубами.

Фенек понял по ее лицу, какое решение она приняла, и, благодарно кивнув, пошел прочь.

Вернувшись в свою каюту, Беллис попыталась составить план дальнейших действий. Задерживаться в Устье Вара надолго для нее было небезопасно. Нужно было как можно скорее сесть на какой-нибудь корабль. Она всей душой надеялась, что ей удастся добраться до Нова-Эспериума, но теперь ее одолевало тяжелое предчувствие, что в ее положении выбора больше нет.

Она не испытала потрясения – просто медленно, логическим путем пришла к выводу, что ей придется бежать куда получится. Задержка недопустима.

Одна в своей каюте, в стороне от злости и смутения, охвативших всех, Беллис почувствовала, как все ее надежды тают. Она ощущала себя высохшим листом бумаги: сейчас ее подхватит и унесет ветер, гуляющий по палубе.

Ее ничуть не утешала причастность к тайнам капитана. Она никогда еще не чувствовала себя такой неприкаянной.

Беллис сломала печать на своем письме, вздохнула и принялась дописывать последнюю страницу.

«Суккота, 6-го арора 1779 года. Вечер, – написала она. – Кто же мог такое предвидеть, мой дорогой? Вот и появилась возможность добавить еще немного».

Это утешило ее. Хотя взятый в письме игривый тон и был напускным, Беллис нашла в нем успокоение и не прекратила писать, когда вернулась сестра Мериопа и улеглась в постель. Она продолжила сочинять письмо при тусклом свете масляной лампы, рассуждая о заговоре и тайнах, а в металлический борт «Терпсихории» монотонно бились волны Вздувшегося океана.

В семь утра Беллис разбудили удивленные крики. Она выскочила из каюты в незашнурованных ботинках и столкнулась с другими сонными пассажирами, устремившимися наверх, как и она. Беллис зажмурилась от яркого света.

Матросы, обмениваясь жестами и крича, стояли у фальшборта. Беллис окинула взглядом пространство до самого горизонта, но в конце концов поняла, что они смотрят *вверх*.

В небесах, в двух сотнях футов над морем, неподвижно висел человек.

У Беллис, как у слабоумной, отвисла челюсть.

Человек сучил ногами, как ребенок, и смотрел на корабль внизу. Он словно стоял в воздухе и весь был опутан ремнями, прикрепленными к тугому воздушному шару над ним.

Он отстегнул что-то от своего ремня, и оно – видимо, балласт, – крутясь, неторопливо полетело в воду. Человек дернулся и поднялся футов на сорок. Раздался слабый шум вращающегося винта, и человек поплыл в воздухе, описывая неторопливую кривую. Медленно, зигзагами, он начал облетать «Терпсихорию».

– Все по местам, черт вас дерит!

Команда поспешно разбежалась при звуках капитанского голоса. Мизович вышел на главную палубу и принялся разглядывать неторопливодвигающуюся фигуру в подзорную трубу. Человек парил недалеко от верхушек мачт, слегка напоминая хищника, высматривающего добычу.

Капитан закричал в мегафон, обращаясь к летуну:

– Эй, вы... – Голос его разносился далеко; даже море, услышав его, казалось, угомонилось. – Говорит капитан «Терпсихории» Мизович, мой пароход принадлежит к торговому флоту Нью-Кробюзона. Прошу вас сесть на палубу и представиться. Если вы не подчинитесь, ваши действия будут рассматриваться как враждебные. Вам дается одна минута на спуск, если вы не подчинитесь, мы начнем защищаться.

– О Джаббер! – прошептала Беллис. – Я не видела ничего подобного. Он не мог прилететь с земли – берег слишком далеко. Он, наверное, разведчик с другого корабля. Тот притаился где-то за горизонтом.

Человек продолжал свой облет корабля. Несколько секунд был слышен только звук его работающего двигателя.

Наконец Беллис спросила шепотом:

– Пираты?

– Возможно, – пожал плечами Иоганнес. – Но морским разбойникам не захватить корабль такого размера, к тому же вооруженный. Они охотятся за купцами помельче – на деревянных судах. А если это приватиры... – Он сложил губы трубочкой. – Если у них патент от Фай-Вадисо или кого другого, то у них, возможно, достаточно огневой мощи для схватки с нами, но рисковать войной с Нью-Кробюзонам будет для них чистым безумием. Пиратские войны давно закончились, Джаббер их побери.

– Последнее предупреждение! – прокричал капитан.

У борта расположились четыре матроса с мушкетами и прицелились в летуна.

Звук мотора мгновенно переменялся. Человек дернулся и зигзагообразными движениями стал удаляться от корабля.

– Огонь, будь он проклят! – закричал капитан.

Раздались звуки выстрелов, но человек уже был вне пределов досягаемости. Еще долго было видно, как он медленно удаляется от корабля. В том направлении, куда он улетел, не заметно было ничего.

– Его корабль милях в двадцати отсюда, а то и больше, – сказал Иоганнес. – Будет добираться не меньше часа.

Капитан выкрикивал команды. Он разделил экипаж на боевые единицы, вооружил их, расставил по постам. Моряки нервно теребили выданное им оружие, глядя в медленно плещущее море.

К пассажирам, сбившимся в группу, подбежал Камбершам и приказал – резко и грубо – отправляться по каютам или в столовую.

– «Терпсихория» может дать отпор любому пирату, и разведчик наверняка убедился в этом, – сказал он. – Но пока мы не минуем Плавники, капитан требует, чтобы вы не мешали действиям команды. Прошу вас.

Беллис долго сидела в полупустой столовой с письмом в кармане, курила, пила воду и чай. Поначалу в воздухе висела напряженность, но прошел час, и страх рассеялся. Беллис начала читать.

Послышались приглушенные крики и стук бегущих ног. Беллис расплескала остатки чая и вместе с другими пассажирами бросилась к иллюминатору.

К «Терпсихории» мчались какие-то темные предметы.

Небольшие, кургузые бронированные разведкатера.

– Они с ума сошли, – прошептал доктор Моллифи-кат. – Сколько их там – пятеро? Что они могут против нас?

На палубе «Терпсихории» раздался громкий звук выстрела, и море взорвалось столбом воды и брызг в нескольких ярдах от носа передового разведкатера.

– Предупредительный выстрел, – заметил кто-то. – Но они не сворачивают.

Суденышко, пролетев через поднятый выстрелом столб воды, самоубийственным ходом приближалось к большому металлическому кораблю. Наверху снова послышался топот бегущих ног, снова прозвучали команды.

– Ну, сейчас начнется, – скривился Моллификат, и в это мгновение «Терпсихория» резко дернулась. Раздался скрежет металла о металл.

В трюме Флорина Сака швырнуло на соседа. Раздался всеобщий вопль ужаса. Переделы ударялись друг о дружку, покрытая струпьями кожа разрывалась, обнажая зараженную плоть. Слышались крики боли.

Заточенным в темноте пленникам показалось, что корабль внезапно выбросило из воды.

– Что случилось? – кричали они, обращаясь к задраенным люкам. – Что там такое? Помогите!

Падая, пинаясь, отталкивая и царапая соседей до крови, они бросились к решетке, придавливая друг друга к прутьям. Крики звучали все громче, паника нарастала.

Флорин Сак кричал вместе со своими товарищами.

Никто не пришел к ним.

Корабль крутануло, словно от удара. Беллис прижало к иллюминатору. Пассажиров разметало по столовой, и теперь они с воплями и криками поднимались на ноги, отшвыривая в сторону разбросанные на их пути стулья. В их глазах застыл ужас.

– Что это было, Джаббер нас защити? – прокричал Иоганнес.

Кто-то рядом с ним молился.

Беллис, спотыкаясь, выбралась на палубу вместе с другими. Маленькие бронированные суда продолжали мчаться к «Терпсихории» с левого борта, но с правого, где никто ее не видел, словно из ниоткуда, вынырнула и подошла вплотную к кораблю массивная черная подлодка.

Длиной больше сотни футов, она вся была покрыта трубками и короткими металлическими стабилизаторами. С нее еще стекала вода – из швов под заклепками и складок под иллюминаторами.

Беллис в изумлении уставилась на зловещий корпус подлодки. Матросы и офицеры с криками бестолково бегали от борта к борту, пытаясь перегруппироваться.

На верху подлодки начали открываться два люка.

– Эй, вы! – крикнул Камбершам с палубы пассажирам. – Все внутрь!

Беллис отступила в коридор.

«Джаббер помоги мне о боги милостивые блевотина и говно», – беспорядочно пронеслось в ее голове. Она тупо смотрела перед собой, слыша, как пассажиры бессмысленно бегают туда-сюда.

Потом она вдруг вспомнила о стенном шкафчике, из которого была видна палуба.

Снаружи за тонкой стенкой раздавались крики и выстрелы. Беллис лихорадочно очистила полку перед собой и прижалась к грязному стеклу.

Воздух побелел от клубов дыма. Люди в панике носились перед окном. Внизу чуть поодаль маленькие группки сошлись в уродливой и беспорядочной схватке.

Нападавшие в основном были людьми и кактами, среди них мелькали несколько женщин крепкого вида и переделанных. Одеты они были кричаще и необычно: длинные цветастые плащи и панталоны, высокие сапоги, ремни, утыканные заклепками. Но ничего общего с пиратами из пантомим или из дешевых книжонок: одежда поношенная и грязная, на лице – отчаянная решимость, действия умелые и эффективные.

Беллис видела все в немислимых подробностях. Она воспринимала происходящее как ряд картинок, гелиотипов, вспыхивающих одна за другой в темноте. Звуки словно не были связаны с тем, что она видела, – просто металлическое гудение под черепной коробкой.

Она видела капитана и Камбершама – те выкрикивали слова команды с полубака, стреляли из пистолетов, спешно перезаряжали их. Моряки в синей форме дрались с неумелым отчаянием. Мичман-какт бросил свой сломанный клинок и свалил одного из пиратов сокрушительным ударом кулака, но сам закричал от боли, когда товарищ упавшего вонзил клинок ему в руку и из раны хлынула живица. Группа перепуганных матросов, вооруженных мушкетерами со штыками, атаковала пиратов, но замешкалась, и этим воспользовались два передела с короткоствольными ружьями. Два молодых матроса с воплями повалились на палубу, рядом падали окровавленные куски мяса и шрапнель.

Беллис увидела между мачтами издававшие мерное жужжание три или четыре фигуры, подвязанные к воздушным шарам, как и первый разведчик. Мерно жужжа, они пролетали низко над толпой и стреляли в нее из кремневых пистолетов.

Лужи крови растекались по палубе.

Все чаще и чаще раздавались крики. Беллис дрожала, кусая губы. В этой сцене было что-то нереальное. Насилие было ужасным и отвратительным, но в широко раскрытых глазах матросов читалось недоумение – они не могли поверить, что все это происходит на самом деле.

Пираты размахивали тяжелыми ятаганами, стреляли из коротких пистолетов. В своей цветастой одежде они походили на уличный сброд, но действовали споро и дисциплинированно, дрались как настоящие солдаты.

– Проклятие! – прокричал капитан Мизович, затем поднял голову и выстрелил.

Один из летунов дернулся, голова его откинулась назад, фонтаном хлынула кровь. Он судорожно вцепился в ремень, освобождая балласт, который полетел вниз, словно большие куски помета. Тело стало подниматься и, вращаясь, легко понеслось в облака.

Капитан отчаянно жестикулировал.

– Перегруппироваться к херам! – кричал он. – Убейте этого ублюдка на полуяте!

Беллис повернула голову, но не увидела названную капитаном цель. Однако слышала, как он рядом с ней отдает короткие команды. В ответ налетчики прекратили отдельные схватки и образовали плотный строй. Они целились в офицеров, пытаясь прорваться сквозь ряды матросов, блокирующих подходы к мостику.

– Сдавайтесь! – раздался голос совсем рядом с ее окном. – Сдавайтесь, и все это закончится.

– Прикончите этого сукина сына! – крикнул капитан команде.

Пять или шесть матросов пробежали мимо окна Беллис с саблями и пистолетами наготове. На несколько мгновений наступила тишина, потом раздался глухой звук и слабое потрескивание.

– О Джаббер!.. – послышался истерический крик, внезапно прервавшийся рвотными спазмами. Раздались новые вопли.

Двое из матросов, бросившихся исполнять приказ капитана, снова оказались в поле зрения Беллис, и при виде их она вскрикнула. Сделав несколько нетвердых шагов, они свалились на палубу, истекая кровью, и через несколько мгновений умерли. На одежде и телах было немыслимое количество ран, словно противник превосходил их числом в сто раз. На них не осталось живого места – нельзя было отыскать и пяти-шести дюймов неповрежденной кожи. Головы превратились в сплошное кровавое месиво.

Беллис в ужасе дрожала, прикрывая пальцами рот. В этих ранах было что-то совершенно неестественное. Они словно переходили из одного состояния в другое – глубокие порезы внезапно становились мелкими, незначительными. Но кровь, лившаяся из них, была самая настоящая, и люди были мертвее мертвого.

Капитан потрясенно смотрел на них. Беллис слышала в воздухе какой-то шелест. Потом раздались два жалобных вскрика и удары тел о палубу.

Последний из матросов метнулся мимо Беллис – он мчался назад, вопя от ужаса. По его затылку с тупым звуком ударил приклад кремневого ружья. Матрос упал на колени.

– Ах ты недорезанная свинья! – вскрикнул капитан Мизович. Голос его был полон ненависти и страха. – Ах ты колдун проклятый!

И тут в поле зрения Беллис появился человек в сером, который медленно шел, не обращая внимания на капитана. Он был невысок и двигался с заученной легкостью, неся свое мускулистое тело так, словно он был значительно стройнее, чем на самом деле. На нем были кожаные доспехи и темная одежда со множеством карманов, ремешков и кобур; она насквозь пропиталась красным. Лица его Беллис не видела.

Он подошел к упавшему, держа в руке прямой меч, с которого капала кровь.

– Сдавайся, – тихо сказал он человеку перед ним. Тот поднял на него полный ужаса взгляд и, не отдавая отчета в том, что делает, потянулся к своему ножу.

Человек в сером мгновенно подпрыгнул с разворотом, согнув при этом ноги и руки. Вращаясь, словно в танце, он стремительно выкинул вперед ногу и пяткой ударил в лицо упавшего матроса, отчего тот опрокинулся на спину. Матрос распростерся на палубе, истекая кровью, – то ли мертвый, то ли без сознания. Приземлившись на палубу, человек в сером замер, словно и не двигался.

– Сдавайтесь, – громко закричал он, и экипаж «Терпсихории» дрогнул.

Они проигрывали сражение.

Тела лежали на палубе, как мусор, умирающие взывали о помощи. На большинстве мертвецов была синяя форма торгового флота Нью-Кробюзона. Ежесекундно с подюбки и разведкатеров прибывали все новые и новые пираты. Они окружили матросов «Терпсихории» на главной палубе.

– Сдавайтесь! – снова крикнул серый. Говорил он с акцентом, незнакомым Беллис. – Бросайте оружие, и останетесь живы. А попытаете поднять на нас руку, будем уничтожать вас, пока не поумнеете.

– Боги тебе в печень... – закричал было капитан Мизович, но командир пиратов прервал его.

– Сколько еще своих людей вы хотите погубить, капитан? – театральным голосом произнес он. – Прикажете им бросить оружие, и они не будут чувствовать себя предателями. В противном случае вы приказываете им умереть. – Он вытащил из кармана кусок фетра и начал протирать свой клинок. – Решайте, капитан.

На палубе воцарилась тишина, нарушаемая только звуком двигателей аэронавтов.

Мизович и Камбершам обменялись несколькими фразами, потом капитан окинул взглядом ошеломленную, испуганную команду и выбросил вверх руки.

– Бросайте оружие, – прокричал он.

Последовала короткая пауза, потом люди подчинились приказу. Мушкетеры, пистолеты, короткие сабли падали на палубу с глухим стуком.

– У вас преимущество, сэр, – выкрикнул он.

– Оставайтесь на месте, капитан, – сказал человек в сером. – Я подойду к вам.

Он обратился на соли к пиратам, стоящим рядом с ним, перед окном Беллис. До нее донеслось что-то вроде «пассажиры», и голова закружилась от притока адреналина.

Беллис вся сжалась и замерла – из коридоров слышались крики пассажиров, которых пираты выводили наверх.

Она услышала голос Иоганнеса Тиарфлая, жалобные рыдания Мериопы, испуг в словах обычно высокопарного доктора Моллификата. Раздался выстрел, а за ним – надрывный вопль.

Беллис слышала протестующие, с нотками ужаса голоса пассажиров, которых выгоняли на главную палубу.

Пираты действовали методично. Беллис замерла в своем шкафу, но ей было слышно, как хлопают двери – пираты обыскивали помещения. Она в отчаянии попыталась забаррикадировать дверь шкафа, но человек в коридоре легко распахнул ее. Беллис увидела его лицо – мрачное, забрызганное кровью, – увидела мачете в его руке, и всякое желание сопротивляться оставило ее. Она уронила бутылку, которой было вооружилась, и человек выволок Беллис наружу.

Команда «Терпсихории» числом около сотни выстроилась в конце палубы; вид у моряков был несчастный и побитый. Убитых сбросили за борт. Пассажиры сбились в тесную группу чуть в стороне от команды. Кое у кого виднелись ссадины или были разбиты носы – например, у Иоганнеса.

В толпе пассажиров, неприметный в своем коричневом одеянии, униженный и жалкий, наравне с остальными, с опущенной головой стоял Сайлас Фенек. Он отвел взгляд, когда Беллис украдкой посмотрела на него.

В центре «Терпсихории» стоял ее дурно пахнувший груз – десятки переделанных, выгнанных из трюмов. Они были абсолютно сбиты с толку происходящим и жмурились на ярком свете, недоуменно поглядывая на пиратов.

Пираты в цветастых одеждах забрались на мачты; некоторые сбрасывали мусор с палубы за борт. Они окружили палубу и навели ружья и луки на пленников.

Чтобы вывести наверх всех перепуганных и недоумевающих переделанных, потребовалось немало времени. Когда проверили зловонные трюмы, обнаружилось несколько трюпов. Их сбросили в море, где металлические конечности и вставки быстро утащили тела на дно.

Огромная подлодка, причаленная к «Терпсихории», вальяжно покачивалась на волнах. Оба судна синхронно подрагивали.

Одетый в серое вожак пиратов медленно повернулся к пленникам. И тут Беллис впервые увидела его лицо.

Ему было, как ей показалось, под сорок. Коротко стриженные седеющие волосы, волевое лицо, грустные, глубоко посаженные глаза, печальные очертания плотно сжатых губ.

Беллис стояла рядом с Иоганнесом, поблизости от безмолвных офицеров. Человек в кожаных доспехах подошел к капитану. Проходя мимо пассажиров, он задержал свой взгляд на Иоганнесе, потом неторопливо отвернулся.

– Ну что ж, – сказал капитан Мизович голосом достаточно громким, чтобы его услышали многие, – «Терпсихория» в ваших руках. Я так понимаю, вы хотите получить выкуп? Но должен предупредить, что, какая бы держава ни стояла за вами, вы совершили непоправимую ошибку. Нью-Кробюзон вам это не спустит с рук.

Вожак пиратов, выдержав паузу, сказал:

– Нет, капитан. – Теперь, когда ему не нужно было перекрикивать шум схватки, голос его звучал мягко, почти по-женски. – Нам не нужен выкуп. Державу, которую я представляю, ничуть не интересует Нью-Кробюзон. – Он встретился взглядом с Мизовичем и медленно, торжественно покачал головой. – Совершенно не интересует.

Он, не глядя, протянул руку за спину, и один из его людей вложил в нее кремневый пистолет. Человек со знанием дела осмотрел оружие, проверил полку.

– Ваши люди храбры, но не умеют сражаться, – сказал он, взвешивая пистолет в руке. – Вы отвернетесь, капитан?

На несколько мгновений над палубой повисла тишина. Когда Беллис поняла, что имел в виду вожак, у нее словно что-то оборвалось внутри, а ноги чуть не подогнулись.

Капитан и остальные одновременно поняли смысл сказанного. Послышались тихие вскрики. Глаза Мизовича расширились, лицо исказилось ужасом и ненавистью. Эмоции на нем в уродливой борьбе вытесняли друг друга. Рот его скривился, открылся, затем закрылся.

– Нет, сэр, я *не буду* отворачиваться, – закричал он наконец, и у Беллис перехватило дыхание при звуках его голоса, истерически надтреснутого, сломленного ужасом. – *Не буду*, чтоб вам сдохнуть, сэр, сучий вы трус, сэр, говно собачье...

Человек в сером кивнул.

– Как угодно, – сказал он, поднял пистолет и выстрелил капитану Мизовичу в глаз.

Череп капитана взорвался осколками кости и кровью, а сам Мизович рухнул на палубу со злобным и глуповатым выражением на изуродованном лице.

Раздался хор вскриков и недоуменных возгласов. Стоявшего рядом с Беллис Иоганнеса шатнуло, он издал какой-то утробный звук. Тошнота подступила к горлу Беллис, но она подавила рвоту. Дыхание ее участилось, она глядела во все глаза, как на палубе в луже крови дергается мертвец. Беллис наклонилась, опасаясь, что ее все же вырвет.

Где-то у себя за спиной она услышала голос сестры Мериопы, которая начала читать молитву «Плач Дариоха».

Убийца взял другой пистолет – заряженный и взведенный – и повернулся к офицерам.

– О Джаббер, – вырвалось у Камбершама. Голос его дрожал, он оторвал взгляд от мертвого тела Мизовича и посмотрел на пирата. – О Джаббер милостивый, – прошептал он и закрыл глаза.

Человек в сером выстрелил ему в висок.

– О боги! – раздался чей-то истерический вопль.

Офицеры закричали; отчаянно вертя головами, они пытались отодвинуться подальше. Грохот двух выстрелов продолжал отдаваться над палубой, словно призрачное эхо.

Люди орали. Некоторые офицеры попадали на колени, умоляя о пощаде. Кровь стучала у Беллис в висках.

Человек в сером быстро взобрался по трапу на полубак и оттуда окинул взглядом палубу.

– Убийств больше не будет! – прокричал он, сложив руки рупором.

Он дождался, когда стихнут вопли ужаса.

– Убийств больше не будет, – повторил он. – Нам были нужны только двое. Вы меня слышите? С этим покончено.

Он поднял руки, когда шум на палубе снова стал усиливаться – на сей раз шум недоумения и неуверенного облегчения.

– Слушайте меня, – прокричал человек. – Я хочу вам кое-что сообщить. Вы, те, кто в синем, моряки торгового флота Нью-Кробюзона! Ваша морская служба закончилась. Вы, младшие лейтенанты и мичманы, должны пересмотреть свое положение. Там, куда мы направляемся, нет места для тех, кто верен Нью-Кробюзону.

Беллис, перепуганная и отчаявшаяся, бросила испытующий взгляд на Фенека – тот свирепо разглядывал свои узловатые руки.

– Вы... – продолжал человек, обращаясь к мужчинам и женщинам из трюма. – Вы больше не переделанные и не рабы. Вы... – Он посмотрел на пассажиров. – Вы должны пересмотреть свои планы насчет новой жизни.

Он обвел взглядом недоумевающих пленников. К ним неторопливо текли струйки крови от трупов капитана и старшего офицера.

– Вы должны отправиться со мной, – сказал человек, повышая голос, чтобы услышали все, – в новый город.

Интерлюдия I

В другом месте

Непонятные существа скользят и цепляются за скалы, прокладывая себе путь сквозь толщу воды.

Они двигаются ночью по морю, мутному от темноты, по ухоженным полям водорослей к огням крейских поселений, виднеющимся на мелководье. Они безмолвно заползают в краали.

Тюлени в загонах бросают на них мимолетный взгляд и пробуют на вкус вихрящуюся воду, что существа оставляют после себя, а потом в страхе бьются о стены и крыши клеток. Пришельцы, как любопытные гоблины, заглядывают в хижины сквозь выдолбленные окна, пугая обитателей, которые бросаются прочь на своих членистых ногах, размахивая вилами и пиками, опасливо тыча ими в налетчиков.

Победа над фермерами-креями дается легко и быстро.

Их хватают, берут в плен, начинают допрашивать. Усыпленные с помощью магии, убежденные путем насилия, креи лепечут что-то в ответ на шипение вопрошающих.

По этим обрывкам информации злобные охотники узнают то, что им нужно.

Они узнают о подлодках-раквинах из Салкрикалтора, курсирующих вдоль поселений на канале Василиск. Эти суда несут свою сторожевую вахту, охраняя тысячи миль водной территории, те нечеткие границы, внутри которых распространяется влияние крейского содружества. Они следят – не появился ли незваный гость.

Охотники пререкаются, размышляют, совещаются.

Мы знаем, откуда он явился.

Но, возможно, он не возвращается.

Тут есть некоторая неопределенность. К себе домой или на восток?

След раздваивается, и остается только одно. Охотники разделяются на две группы. Одна направляется на мелководье юго-запада, к Железному заливу, к Устью Вара и слабо-соленым водам в устье Большого Вара. Они будут наблюдать, слушать, ждать информации, следить, и скрываться, и искать.

Взбаламутив воду, они исчезают.

Вторая группа, перед которой стоит менее определенная задача, направляется в другую сторону и вниз.

Они плывут медленно, держа курс на всепокрушающие глубины.

Интерлюдия II

Беллис Хладовин

И куда же мы движемся?

Нас заперли по каютам, а потом пришли и опрашивали с непроницаемыми лицами, словно эти убийцы, эти пираты какие-нибудь переписчики, чиновники или... «Имя?» – спрашивают они, и: «Профессия?» Потом, видите ли, вот что им нужно знать: «Причина переезда в Нова-Эспериум?» – а я боюсь, как бы не рассмеяться им в лицо.

Куда мы, на хрен, движемся?

Они долго что-то записывали с моих слов, заносили сведения в свои бланки, потом перешли к сестре Мериопе и задали ей те же вопросы. Они не делают различий между лингвистом и монахиней, кивают, уточняют.

Почему они не отобрали у нас наши вещи? Почему они не сорвали с меня драгоценности, не изнасиловали, не зарезали? Они говорят, что нам запрещено иметь при себе оружие, книги и деньги, – все остальное можно оставить при себе, – они обыскивают наши сундуки (не очень тщательно), достают оттуда кинжалы, банкноты, книги, пачкают мою одежду, но больше ничего не забирают. Они оставляют письма, сапоги, картинки и всякое барахло.

Я прошу оставить мне книги. Я не могу отдать их вам, не забирайте их у меня, они мои, некоторые из них я сама и написала, и они оставляют мне блокнот, но все печатное – рассказы, учебники, роман – забирают. Без всяких разговоров. На них не производит никакого впечатления, когда я говорю, что Б. Хладовин – это я. Они забирают мои сочинения.

И я понятия не имею зачем. Никак не могу понять, какова их цель.

Сестра Мериопа сидит и молится, бормочет свои священные суры, а я удивляюсь и радуюсь тому, что она не плачет.

Они держат нас взаперти, приходят время от времени с чаем и едой. Ни грубые, ни любезные – безразличные, как служители в зоопарке. Мне приспичило, сообщаю я им. Я сильно стучу в дверь, докладываю, что мне нужно в туалет, и выглядываю из дверей, но охранник в моем коридоре кричит, чтобы я убиралась назад в каюту, и приносит мне ведро, на которое с ужасом смотрит сестра Мериопа. Но мне все равно, я ему соврала, я хотела найти Иоганнеса или Фенека. Я хочу знать, что происходит в других местах.

Повсюду слышны шаги и ленивые разговоры на языке, который я почти понимаю. «Северо-северо-восток», «Другая сторона палубы», «Правда? Я не знал», «Куда девался Его Заступничество?», а потом еще какие-то совсем малопонятные слова.

В иллюминаторе над моей головой не видно ничего, кроме срываемых ветром брызг, мрака над нами и под нами. Я курю одну сигариллу за другой.

Когда у меня кончаются сигариллы, я ложусь на спину и понимаю, что вовсе не жду смерти, что я не верю в свою скорую смерть, я жду чего-то другого.

Прибыть на место. Понять. Оказаться в пункте моего назначения.

Глядя на ярко раскрашенный закат, я с удивлением понимаю, что закрываю глаза, что я невероятно устала и, боги милосердные, неужели? Неужели это правда. Неужели я и в самом деле сейчас усну, я

сплю

неспокойный, но долгий, спящие глаза моргают под религиозные причитания Мериопы, иногда открываются, но все же

я сплю

пока вдруг, охваченная паникой, я не вскакиваю и не выглядываю в иллюминатор и не вижу начинающее светлеть море.

Приближается утро. Я пропустила ночь, прячась в своей спящей голове.

Я тщательно одеваюсь, чищу свои высокие ботинки, как всегда, крашусь и подвязываю сзади волосы.

В половину седьмого в нашу дверь стучит какт – принес какую-то кашу. Мы начинаем есть, а он говорит нам, что будет. «Мы почти прибыли на место, – говорит он. – Когда мы причалим, следуйте за другими пассажирами, ждите, когда назовут ваше имя, и ступайте, куда скажут, и тогда вы...» Но тут я теряю нить, я теряю нить. Что – мы? Тогда мы пойдем? Тогда мы узнаем, что происходит?

Куда мы движемся?

Я собираю свои вещи и готовлюсь сойти неизвестно где, неизвестно где. Я думаю о Фенеке. Что он делает и где он? Как он был спокоен, когда убили капитана и брызнула кровь. Он не хотел, чтобы те узнали о его важной миссии, о том, что он может отдавать команды кораблям, менять график движения океанских судов.

(Он у меня в руках.)

Наружу. На резвый яркий ветер. Он настойчиво впивается в меня.

Глаза у меня как пещеры. Я научилась видеть в тусклом коричневатом свете моей каюты, и утренний свет пугает меня. Глаза слезятся, и я моргаю, моргаю, а морские облака набегают сверху. Отовсюду раздаются мягкие хлопки волн. В воздухе я чувствую вкус соли.

Вокруг меня другие – Моллификат и Кардомиумы, первая и вторая. Мурриган, Эттерни, Кол, Джимджерри, Йорлин, Тиарфлай, мой Иоганнес скользнул по мне взглядом, неожиданно улыбнувшись, и исчез в толпе. И где-то Фенек со все еще опущенной головой. У всех у нас на этом свету вид как у оберточной бумаги. Мы сделаны из материи куда как более грубой, чем остальной день. И этот день не замечает нас с высокомерием ребенка, чтоб ему.

Я хочу окликнуть Иоганнеса, но его уносит поток тел, а я смотрю и смотрю вновь прояснившимися глазами.

Я с трудом тащу свой сундук, спотыкаюсь, ковыляю по палубе, от начала до конца. Свет и воздух для меня как удар мешком по голове, и я поднимаю голову и вижу парящих птиц. Я тащусь вперед, не выпуская их из виду, а они кружат над нами, перемещаются к правому борту, а потом беспорядочной стаей направляются к горизонту, и я вижу там,

куда они летят, мачты. Я избегала этого. Я до сих пор так и не взглянула, что делается за бортом, я не видела, где мы находимся. Я даже мельком не видела еще пункта моего назначения, но теперь, когда я смотрю на чаек, он попадает в поле моего зрения.

Он повсюду. Как я могла не заметить его?

Мы плетемся понемногу, и кто-то выкрикивает имена, разбивает нас на группы, дает инструкции, сложные указания, но я не слушаю, потому что смотрю за борт.

Джаббер милостивый

выкрикивают мое имя, и я рядом с Иоганнесом, но не смотрю на него, потому что наблюдаю

мачта на мачте паруса и вышки и еще и больше

Мы здесь

рядом с этим лесом

дерьмо небесное о Джаббер матьматьмать

обман обман зрения

город который постоянно движется и рябит и плещется из конца в конец

«Мисс Хладовин» сухим голосом говорит кто-то но я не могу не теперь пока я смотрю и я поставила свой сундук и смотрю

и кто-то трясет руку Иоганнеса и он смотрит на них ошеломленно а они говорят «Доктор Тиарфлай мы вам очень рады это большая честь» но я не слушаю потому что мы здесь мы прибыли и я смотрю на все это смотрю на все это

Ах я буду буду я могла бы рассмеяться или блевануть мой желудок шевелится смотрите мы здесь мы здесь

Мы здесь.

Часть вторая Соль

Глава 6

Под водой были лампы. Зеленые, серые, холодно-белые и янтарные шары крейского образца очерчивали город снизу.

Свет отражался от взвешенных частиц. Его источником были не только группы светильников, но и коридоры утреннего солнечного света, преломляющиеся, высвечивающие переходы от волн к глубинным водам. Рыбы и кри кружились в них, безмолвно двигались по ним.

Снизу город казался архипелагом теней.

Он имел неправильную форму, был беспорядочно застроен и необыкновенно сложен. Он отклонял морские течения. Острия килей торчали в разных направлениях. Якорные цепи ниспадали, как волосы, порванные и забытые. Из отверстий струились отходы – фекалии, твердые частицы и масла образовывали беспокойные вихри и поднимались тонкой пленкой. Непрерывный поток мусора загрязнял воду и поглощался ею.

Под городом было всего несколько сотен ярдов быстро затухающего света, а потом – мили темной воды.

Под Армадой кишела жизнь.

Вокруг ее сооружений носились рыбы. Между отверстиями в корпусах осмысленно и целеустремленно двигались тритонообразные фигуры. Проволочные клетки, втиснутые в пустоты и подвешенные на цепях, были набиты жирной треской и тунцом. Обиталища креев напоминали коралловые опухоли.

За пределами города и под ним, в местах, куда еще доходил свет, лежали, свернувшись кольцами, и кормились морские змеи, гигантские и полуручные. Гудели подлодки, отбрасывая четкие тени. Плавая кругами, нес свою вахту дельфин. Пространство под днищем города, поросшим ракушечником, жило своей жизнью.

Море вокруг города резонировало, издавая доступные уху шумы, – отрывистое клацание и вибрации металлических ударов, приглушенный звук трения водных потоков, лай, стихающий над морем, на открытом воздухе.

Среди всего того, что держалось и висело под городом, были десятки мужчин и женщин. Время для них тянулось бесконечно долго; они неловко двигались рядом с изящными водорослями и губками.

Вода была холодной, и надводники, опускаясь вниз, надевали одежду из прорезиненной кожи и шлемы из меди и закаленного стекла, от которых к поверхности отходили воздухопроводные трубки. Люди висели на лестницах и канатах, рискованно раскачиваясь над немислимой бездной.

Втиснутые в шлемы, они не слышали никаких звуков, и каждый из них сам по себе неуклюже двигался рядом с такими же, как он. Словно вши, ползали они по арматуре, воткнутой в сумеречное море, как перевернутая печная труба. Мозаика водорослей и раковин на ней поражала необычностью оттенков. Сорняки и жалящие сети плющом опутывали ее, раскачиваясь туда-сюда и касаясь планктона.

У одного из пловцов была голая грудь, и из нее торчали два длинных щупальца, подергиваясь от тока воды и от внутренних слабых импульсов.

Это был Флорин Сак.

Размахивая хвостом, вдоль границ города проплыл дельфин, то выныривая из темноты, то погружаясь в нее. Он прорвался сквозь верхнюю часть водной толщи и, распрямившись, выпрыгнул на поверхность. Замерев среди брызг, он обвел город хитрым взглядом.

Снова погрузившись в воду, он ударил хвостом, устремляясь по невидимым водным тропинкам. В стороне виднелись очертания каких-то огромных предметов, плохо видные в мутной воде и испускающие магическое свечение. Они охранялись цепными акулами, а потому осмотреть их вблизи было невозможно. Глаз не мог сфокусироваться на них.

Ныряльщиков рядом с ними не было видно.

Беллис проснулась и услышала звуки голосов.

Она уже несколько недель находилась в Армаде.

Одно утро ничем не отличалось от другого. Она просыпалась, садилась, ждала, оглядывала свою маленькую комнату, не веря своим глазам, содрогаясь и пребывая в непреходящем недоумении. И это чувство было даже сильнее, чем ее ностальгия по Нью-Кробюзону.

«Как я здесь оказалась?» Этот вопрос не переставал ее мучить.

Беллис отдернула занавески, ухватилась за подоконник и замерла, разглядывая город.

В день прибытия они стояли со своими пожитками, сгрудившись на палубе «Терпсихории». Их окружали охранники, а также люди со списками и другими бумагами в руках. Лица пиратов были суровыми и обветренными. Охваченная страхом Беллис внимательно смотрела и никак не могла их понять. Это были сорвиголовы, смесь культур и племен, разных по цвету кожи. На одних – причудливые татуировки, на других – расписанные вручную одеяния. Казалось, кроме мрачного вида, между ними нет ничего общего.

Когда они замерли в некоем подобии стойки «смирно», Беллис поняла, что прибыло начальство. У фальшборта стояли двое мужчин и женщина. Убийца – облаченный в серое вожак – присоединился к ним. Его меч и одежда теперь были чистыми.

Мужчина – помоложе того, что в сером, – и женщина сделали несколько шагов навстречу воину. Беллис не могла оторвать от них взгляда.

Мужчина, одетый в темно-серый костюм, и женщина – в простое синее платье, были высокими и держали себя с непререкаемой властью. У мужчины были ухоженные усики и непринужденно-высокомерный взгляд. Черты женщины были тяжелыми и неправильными, но очертания губ говорили о чувственности; жестокий взгляд приковывал.

Но Беллис притягивало нечто другое, что завораживало и отталкивало ее. Это были шрамы.

Один шел по лицу женщины, от левого глаза до угла рта, – тонкий и плавный. Другой, толще, короче и более ломаный, шел от правой ноздри по щеке, а потом загибался, обводя глаз снизу. Шрамы рассекали ее бледножелтую кожу с такой точностью, что становились произведениями искусства.

Переведя взгляд с женщины на мужчину, Беллис почувствовала, как к горлу подступает тошнота. «Что это за мерзость такая?» – с беспокойством подумала она.

Мужчина был украшен такими же отметинами, но расположенными зеркально: длинный кривой рубец на правой стороне лица и надрез покороче под левым глазом. Так, словно он был искаженным отражением женщины.

Беллис в ужасе разглядывала искаленную пару, и тут женщина начала говорить.

– Теперь вы уже поняли, – сказала она на хорошем рагамоле, произнося слова так, чтобы было слышно всем, – что Армада не похожа на другие города.

«Это что – приветствие?» – подумала Беллис. Неужели у них не нашлось больше ничего для переживших потрясение и недоумевающих пассажиров «Терпсихории»?

Женщина продолжила.

Она стала рассказывать о городе.

Иногда она замолкала, и тут же вступал мужчина. Они были словно близнецы, заканчивающие друг за друга предложения.

Слушать то, что они говорили, было трудно, и Беллис с лихорадочным возбуждением отмечала то, что пробегало между двоими в шрамах каждый раз, когда они смотрели друг на друга. Прежде всего – вождление. Беллис в это время была сама не своя, словно прибытие снилось ей.

Позднее она поняла, что восприняла многое из сказанного, что оно проникло в нее и было осмыслено на подсознательном уровне. Это выяснилось, когда она против своей воли начала жить в Армаде.

Но в то время она осознавала только накал, исходивший от этой пары, и недоуменное возбуждение, с каким были встречены последние слова женщины.

Смысл их дошел до Беллис лишь несколько секунд спустя, словно ее череп был некоей плотной средой, замедлявшей звук.

Все разом выдохнули, раздался всеобщий вскрик, а за ним вспышка недоверчивых одобрительных восклицаний, огромная всеокрушающая волна радости, шедшая от сотен изможденных переделанных, зловонных и дрожащих. Эта волна поднималась и поднималась, поначалу нерешительно, а потом резко перешла в безумное, исступленное ликование.

– Люди, какты, хочти, креи... *переделанные*, – сказала женщина. – В Армаде вы все моряки и граждане. В Армаде нет привилегированных. Здесь вы все свободны. И равны.

Вот оно наконец, приветствие. И переделанные ответили на него слезами и громкими благодарностями.

Беллис вместе с ее случайными попутчиками повели в город, где их ждали представители ремесленных корпораций с контрактами в руках и внимательными, нетерпеливыми взглядами. Беллис, выходя из комнаты, оглянулась на двоих вождей и изумленно заметила, что к ним кое-кто присоединился.

Иоганнес Тиарфлай в полном недоумении смотрел на руку, протянутую ему мужчиной со шрамами, смотрел не пренебрежительно, а так, словно не понимал, что ему с ней делать. Пожилой человек, стоявший рядом с убийцей и украшенной шрамами парой, сделал шаг вперед, поглаживая свою яркую седую бороду, и громко приветствовал Иоганнеса, назвав его по имени.

Больше Беллис ничего не успела увидеть – ее увели. Увели с корабля в Армаду, в ее новый город.

Скопище плавучих жилищ. Город, построенный на костях старых судов.

Повсюду на непрестанном ветру полоскалась и сохла потрепанная одежда. Она шелестела в переулках Армады, на высоких кирпичных сооружениях, на колокольнях, на мачтах, печных трубах и древнем рангоуте. Беллис, глядя из своего окна, видела множество переделанных мачт и бушпритов, корабельных носов и полубаков, из которых слагался городской ландшафт. Многие сотни связанных вместе кораблей, занимавших почти квадратную милю морской поверхности, и построенный на них город.

Морская архитектура была представлена во всем своем многообразии: раздетые лонг-шипы, галеры, люггеры и бригантины, массивные пароходы длиной в сотни футов и каноэ не больше человеческого роста. Были здесь и редкостные суда: ур-кетчи, барк из окостеневшей китовой туши. Соединенные канатами и подвижными деревянными трапами, сотни судов, смотрящих во все стороны, покачивались на волнах.

Город был шумен. Лай цепных псов, крики уличных торговцев, жужжание двигателей, стук молотков и станков, треск раскалываемых камней. Гудки, доносящиеся из мастерских. Смех и крики на соли, языке моряков всех племен, на котором говорили в Армаде. Ниже всех этих городских звуков было хрипловатое урчание катеров. Стоны дерева, хлопки кожи и канатов, удары корабля о корабль.

Армада постоянно двигалась, ее мостки раскачивались из стороны в сторону, ее башни кренились.

Корабли переделывались изнутри. То, что было каютами и переборками, превращалось в квартиры. На прежних батарейных палубах оборудовались мастерские. Но город не ограничивал себя изначальными очертаниями судов. Он изменял их. Корпуса надстраивались, на них появлялись новые сооружения; здесь можно было видеть стили и материалы сотен народов и культур, соединившихся в эклектическую архитектуру.

Многовековые пагоды балансировали на палубах древних гребных судов; цементные монолиты высились, как дополнительные дымовые трубы, на колесных паратоходах, угнанных из южных морей. Между зданиями пролегалли узкие улицы. Они тянулись через переделанные суда по мосткам, проходили между лабиринтами и площадями и какими-то зданиями – возможно, особняками. На засыпанных землей палубах клиперов, над оружейными погребами, раскинулись скверы. Дома на верхних палубах были покрыты трещинами из-за непрерывного движения судов.

Беллис были видны навесы Сенного рынка: сотни яликов и речных плоскодонок длиной не более двадцати футов заполняли пространства между крупными судами. Маленькие лодки, связанные цепями и покрытыми слизью канатами, постоянно стучались друг о друга. Владельцы лавчонок-лодок открывали свои заведения, украшенные лентами и вывесками, увешанные товарами. Ранние покупатели спускались на рынок с окружающих кораблей по крутым канатным мосткам, ловко перепрыгивая с лодки на лодку.

Рядом с рынком располагалась корбита, заросшая плющом и ползучими цветами. На ней размещались украшенные красивой резьбой низкие жилища. Мачты ее не были убраны: увитые зелеными растениями, они напоминали собой старые деревья. Стояла тут и подлодка, не погружавшаяся уже несколько десятилетий. От ее перископа, словно спинной плавник, тянулась гряда узких домов. Два этих судна были соединены шаткими деревянными мостками, проходившими над рынком.

Один пароход был превращен в многоквартирный дом: в корпусе прорезали новые окна, на палубе устроили детскую площадку. На невысоком колесном судне разместилась грибная ферма. На корабле-колеснице с отполированным до блеска хомутом расположились кирпичные домики, вписавшиеся в изгибы своего плавучего фундамента. Из их труб поднимались клубы дыма.

Здания, отделанные костью, раскрашенные в самые разные цвета – от серого и ржавого до ярких геральдических; город эзотерических форм. Его разнородность была кричащей и отталкивающей, и повсюду – граффити, повсюду – печать упадка. Сооружения то опускались, то поднимались, то снова поднимались вместе с водой, и в этом было что-то смутно угрожающее.

На корпусах вольных купеческих судов возвышались развалюхи и особняки, шлюпы превратились в трущобы. Тут были церкви, санатории и заброшенные дома, все непременно покрытые влагой, пропитанные солью, окутанные плеском волн и запахом морской гнили.

Корабли были соединены переплетающимися цепями и балками на петлях. Каждое судно представляло собой понтон в сети канатных мостиков. Лодки жались друг к дружке за волноломами вросших в море судов, окружающих свободно плавающую громаду из кораблей. Гавань Базилио, где могли пришвартовываться военные суда Армады и гости – для ремонта или разгрузки, – была защищена от штормов.

Самые крупные корабли дефилировали вокруг границ города, очерченных буксирами и пароходами, причаленными к внешним городским обводам. В открытом море плавало множество рыбацких лодок, военных судов, кораблей-колесниц, буксируемых траулеров и тому подобное. То был пиратский флот Армады, бороздивший океанские просторы и приходивший к причалам с грузом, похищенным у врагов или у моря.

А за всем этим, за городскими небесами, кишачими птицами и другой летучей живностью, за всеми этими судами простиралось море.

Открытое море. Волны – как насекомые, в непрерывном движении.

Ошеломляющее и пустое.

Беллис дали понять, что она находится под защитой тех, кто взял ее в плен. Она стала жителем квартала Саргановы воды, где правили мужчина и женщина со шрамами. Они обещали работу и жилье всем, кого взяли с собой, и пассажиры «Терпсихории» быстро получили и то и другое. Охваченных ужасом и ничего не понимающих новичков встретили агенты, которые выкликали по спискам людей, проверяли, правильно ли указаны профессия и другие данные, в общих чертах объяснили на пиджинсоли, какую работу они предлагают.

Беллис потребовалось несколько минут, чтобы сообразить, и еще больше, чтобы поверить, – ей предлагают работу в библиотеке.

Она подписала бумаги. Моряков и офицеров с «Терпсихории» увели на «проверку» и «переквалификацию», и Беллис не испытывала ни малейшего желания упорствовать. Кипя от негодования, она поставила свою подпись. Ей хотелось закричать: *«Это что, называется у вас контрактом, чтоб вам сгнуть?!»* Но она только вздохнула: *«Выбора никакого нет, и все это прекрасно понимают».*

Ее сбила с толку вся эта организация, видимость законности.

Это были пираты. Это был пиратский город, где правила жестокая целесообразность, на которой и держится мир, город, пополнявший свое население пленниками с захваченных кораблей, плавучая ярмарка для купли-продажи награбленного, где прав тот, кто силен. Свидетельства этому были повсюду – суровость обитателей, оружие, которое носилось открыто, колодки и козлы для порки, которые Беллис видела на административном судне квартала Саргановых вод. В Армаде поддерживается флотская дисциплина, здесь правит бич, подумала она.

Но плавучий город оказался совсем не бездушной бюрократической машиной, как поначалу думала Беллис. Здесь действовала другая логика. Здесь были отпечатанные на бланках контракты, учреждения, которые занимались новоприбывшими. Были здесь и своего рода управленцы – чиновники, административная каста, как и в Нью-Кробюзон.

Параллельно закону кнута, а возможно, служа ему подпоркой или оболочкой, существовало бюрократическое управление. Армада была не кораблем, а городом. Беллис оказалась в другой стране, не менее сложно организованной, чем Нью-Кробюзон.

Чиновники отвели ее на «Хромолит», потрепанный от времени колесный пароход, и поселили в двух маленьких круглых комнатах, примыкавших к винтовой лестнице, встроенной в то, что раньше было огромной трубой. Где-то далеко внизу, в чреве «Хромолита», размещался двигатель, сажа от которого когда-то оседала там, где теперь обитала Беллис. Этот двигатель остыл задолго до того, как она появилась на свет.

Ей сказали, что эти комнаты принадлежат ей, но она должна еженедельно платить за них в Жилищный отдел квартала Саргановых вод. Ей дали аванс в счет будущего жалования – пачку банкнот и мелочь: «Десять глаз – флаг, десять флагов – флерон». Банкноты имели грубоватый вид, цвет бумажек одного достоинства различался.

Потом ей на примитивном рагамоле объяснили, что она никогда не покинет Армаду, и оставили ее одну.

Она ждала еще чего-нибудь, но больше ничего не случилось. Она была одна в этом городе, а город был тюрьмой.

Наконец голод выгнал ее прочь, и она купила какую-то жирную уличную еду у лоточника, который что-то наговорил ей на соли так быстро, что Беллис почти ничего не поняла. Она брела по улицам, удивляясь, что на нее никто не обращает внимания. Она чувствовала себя здесь совсем чужой; цивилизационный шок, убийственный, как головная боль, согнул ее. Ее окружали мужчины и женщины в пышных истрепавшихся одеяниях, уличные дети, какты и хепри, хотчи, ллоргиссы, крупные гессины и вумерты и всякие другие. Под водой жили креи, при свете дня выходявшие на поверхность и неторопливо переставляющие свои хитиновые ноги.

Улицы представляли собой узкие, маленькие мостки между домами, заполнявшими палубы. Беллис привыкла к городской качке, к тому, что линия горизонта постоянно смещается и подергивается. Вокруг слышался свист и разговоры на соли.

Научиться этому языку для нее не составляло труда: словарь был прозрачным, составленным из слов других языков, а синтаксис – простым. Она была вынуждена пользоваться этим языком: покупать еду, задавать вопросы, просить разъяснений, разговаривать с другими армадцами, и, когда она делала это, акцент сразу же выдавал ее как новоприбывшую, рожденную не в городе.

Те, с кем она заговаривала, по большей части относились к ней терпеливо, даже с каким-то грубоватым юмором, прощая ее неприветливость. Возможно, они думали, что, привыкнув к Армаде, Беллис изменится.

Она не изменилась.

Тем утром, выйдя из трубы «Хромолита», она снова задалась вопросом: «Как я здесь оказалась?»

Она находилась на улице этого города из кораблей, под солнцем, в толпе ее похитителей. Вокруг были суроволицые люди и представители других рас, даже несколько конструкторов. Они торговались, работали, болтали на соли. Беллис шла по Армаде – пленница.

Она направлялась в граничивший с Саргановыми водами квартал Зубца часовой башни, более известный как Книжный город или квартал хепри.

От «Хромолита» до библиотеки «Большие шестерни» было не больше тысячи футов, и, чтобы попасть туда, нужно было перебраться через шесть кораблей.

Небо кишело летательными аппаратами. Под дирижаблями раскачивались гондолы, в которых перевозили пассажиров, опуская их в тесные пространства между домами на веревочных трапах. Более крупные воздушные суда перевозили товары и оборудование и выглядели довольно странно. Их баллоны были как лоскутные одеяла, из которых как попало торчали кабины и двигатели. Мачты служили для причаливания, и над ними, образуя подобие кроны, плавали аэростаты разной формы, похожие на налитые плоды-мутанты.

С «Хромолита» Беллис по крутому узкому мостику перешла на шхуну «Джарви», заполненную маленькими лавками, торгующими табаком и конфетами. Оттуда она перешла на баркентину «Сидящая рысь», на палубе которой толпились торговцы шелком, предлагающие пиратскую добычу Армады. Потом, минуя ллоргисскую морскую колонну, покачива-

ющуюся на воде, словно какая-нибудь зловещая приманка для рыб, Беллис прошла по Тафтяному мосту.

Теперь она оказалась на «Строгом» – крупном клипере, границе Книжного города. Худосочные – следствие инбридинга – армадские быки и лошади тащили телеги, и Беллис вместе с ними миновала пост, охраняемый нарядом из трех сестер-хеприянок.

Такие же трио охраняли Кинкен и Прибрежье, гетто нью-кробюзонских хепри. Увидев их там в первый раз, Беллис удивилась. Хепри в Армаде, как и в Нью-Кробюзоне, вероятно, были потомками беглецов с Кораблей милосердия, поклонявшихся тому, что осталось, что сохранилось в памяти от пантеона Беред-Каи-Нев. Они сохранили свое традиционное оружие. Их гибкие человекоподобные женственные тела были закалены непогодой; головы, напоминающие гигантских скарабеев, сверкали на холодном солнце.

При таком большом числе хепри, от природы лишенных дара речи, на улицах Книжного города было тише, чем в Саргановых водах. Но зато воздух здесь был насыщен пряным запахом – осадком того хемического тумана, с помощью которого общались хепри. Этот туман был их эквивалентом уличного гвалта.

На улицах и площадях здесь стояли выполненные в хеприйском стиле скульптуры, наподобие тех, что украшали Площадь статуй в Нью-Кробюзоне. Мифологические герои, абстрактные формы, морские твари, вылепленные из переливчатого материала, который являлся продуктом жизнедеятельности хепри и вырабатывался в их головах. Цвета были приглушенными, словно цветоносные ягоды здесь были редкостью или имели низкое качество.

На авеню, идущей по «Смешанной пыли» (самодвижущемуся кораблю хепри – Кораблю милосердия, спасшемуся от уничтожения), Беллис замедлила шаг, очарованная выступами судна, его очертаниями. Порывы ветра бросали ей в лицо насекомых и шелуху, приносимых с кухонной полепалубы на корме фермерского судна, откуда сквозь щели в настилах нижних палуб доносилось блеяние скота.

Потом она перешла на пузатый корабль-фабрику «Аронакс-Лаб», где разместились литейные и аффинажные мастерские, и двинулась по Кроум-Плаза, с которой была перекинута огромная подвесная платформа на палубу «Пинчермарна», последнего из судов, в которых размещалась библиотека «Большие шестерни».

– Успокойся ты... никого не волнует, опоздала ты или нет, – сказала, увидев спешащую Беллис, Каррианна, одна из работниц человеческой расы. – Ты новенькая, ты принудительно завербованная, так что пользуйся этим.

Беллис услышала смех Каррианны, но никак не прореагировала.

Коридоры и бывшие столовые были забиты стеллажами и уставлены чадящими масляными лампами. Ученые всех рас сидели, поджав губы (если у них были губы), и задумчиво смотрели вслед Беллис. В просторных читальных залах стояла тишина. На оконных стеклах образовалась пленка из пыли и засохших насекомых, которая словно приглушала свет, падающий на общие столы и самые разноязычные фолианты. Беллис вошла в отдел комплектования и услышала приглушенный кашель, звучащий как извинения. Книги стояли кипами на полу, на шкафах и тележках, грозя обрушиться.

Беллис проводила здесь долгие часы, методически составляя картотеку, укладывая книги, написанные на неизвестных ей языках, занося на карточки сведения о других книгах, укладывая их в алфавитном порядке (алфавит соли незначительно расходился с рагамольским) по авторам, названиям, языкам, темам и предметам.

Незадолго до ланча Беллис услышала шаги. Наверно, это Шекель, подумала она. Больше ни с кем из пассажиров «Терпсихории» она не виделась и не говорила. Беллис улыбнулась при этой мысли: надо же, связалась с корабельным юнгой. Он с важным видом

заявился к ней недели две назад; захват их в плен и новая жизнь волновали его воображение – совсем мальчишка. (Он объяснил: кто-то сказал ему, что в библиотеке работает «здоровенная страшная тетка в черном и с синими губами». Он усмехался при этих словах, и Беллис пришлось отвернуться, чтобы не улыбнуться в ответ.)

На жизнь он себе зарабатывал разнообразными и туманными способами, а жилье делил с одним переделанным с «Терпсихории». Беллис предложила Шекелю медный флаг за помощь в разборке книг. Тот принял деньги. После этого он приходил несколько раз, помогал ей немного, говорил об Армаде, о разбросанных по городу пассажирах с «Терпсихории».

Беллис многое узнала от него.

Но сейчас по узкому коридору к ней приближался вовсе не Шекель, а возбужденный, загадочно улыбающийся Иоганнес Тиарфлай.

Потом она не без смущения вспоминала, как поднялась, увидев его (*«вскрикнув от радости, точно восторженный ребенок, боги ее раздери»*), как обняла его.

Он явно тоже был рад и улыбался ей с застенчивой теплотой. Этот момент тесного приветствия длился довольно долго, потом они разъединились и посмотрели друг на друга.

Он сказал ей, что до этого дня его никуда не выпускали, а она спросила, чем он занимается. Оказывается, его отправили в библиотеку, и он воспользовался случаем, чтобы найти ее, и Беллис опять спросила, чем же он, боги милостивые, *занимается*. Когда Иоганнес сказал, что не может ей ответить и должен идти, она чуть ногой не топнула от разочарования, но он уже говорил ей *«подождите, подождите»*, у него теперь будет больше свободного времени, пусть она *слушает* его одну минуту.

– Если вы свободны завтра вечером, – сказал он, – то я бы хотел пригласить вас на ужин. Тут есть одно местечко на правой стороне Саргановых вод, на «Красноязыком». Называется «Нереализованное время». Вы его знаете?

– Найду, – ответила она.

– Я мог бы зайти за вами, – начал было он, но Беллис оборвала его:

– Ничего, я найду.

Он улыбнулся ей с неожиданной, как она потом вспоминала, радостью. «Если только ты и в самом деле свободен, – язвительно подумала она. – Неужели он и в самом деле думает... Неужели это возможно? – Она внезапно испытала неуверенность, даже испуг. – Неужели другие выходят куда-то каждый вечер? Неужели я одна такая затворница? Неужели пассажиры «Терпсихории» каждый вечер напиваются в своем новом доме?»

В тот вечер, когда она вышла из библиотеки, теснота Армады, ее узкие улочки произвели на Беллис удручающее впечатление. Но когда она подняла взор и взглянула вдаль, вздувшийся океан придавил ее, как гранитная глыба, – так, что перехватило дыхание. Она не могла поверить, что вся эта огромная масса воды и воздуха не поглотит Армаду через мгновение, не утопит ее. Она пересчитала монетки в кошельке и подошла к воздушному извозчику, который заполнял свой дирижабль газом на «Аронакс Лаб».

Беллис покачивалась в люльке дирижабля, который неторопливо плыл, даже над самой высокой палубой не опускаясь ниже чем на сотню футов. Беллис видела, как колеблются на капризных волнах границы города, который медленно движется в случайно подхвативших его потоках. А вон там вдалеке – роща мачт Заколдованного квартала. Арена. Цитадель Бруколака.

А вот тут, в центре Саргановых вод – нечто совершенно необычное, к чему Беллис так и не привыкла: источник силы этого квартала. Нечто громадное, возвышающееся над окружающими его судами, – самый большой корабль города, самый большой корабль из всех, виденных Беллис.

Почти девятьсот футов черного железа. Пять колоссальных труб и шесть мачт без парусов высотой более двухсот футов, а еще выше – причаленный к одной из них громадный поврежденный дирижабль. С каждого борта – по гигантскому колесу, напоминающему образец промышленной скульптуры. Палубы казались почти пустыми и не были изуродованы хаотичными сооружениями, которые обезображивали другие суда. Цитадель Любowników, напоминающая выброшенного на берег титана, «Гранд-Ост» вальяжно разлегся среди барочной пестроты Армады.

– Я передумала, – сказала вдруг Беллис. – Мне больше не нужно на «Хромолит».

Она задала пилоту курс корма-корма-правый борт – все направления в городе отсчитывались от громады «Гранд-Оста». Пилот мягко повернул руль; Беллис поглядела на толпы внизу. Летчик лавировал между мачт и такелажа, исчертивших небо над Армадой, и вокруг дирижабля вихрился воздух. Беллис видела городских птиц, кружащихся над башнями, – чаек, голубей и попугаев. Они вместе с прочей летучей живностью гнездились на крышах и палубных надстройках.

Солнце уже зашло, и город мерцал огнями. Пролетая над освещенной мачтой так близко, что можно было достать ее рукой, Беллис испытала приступ тоски. Она уже видела конечный пункт своего путешествия: бульвар Сент-Карчери на пароходе «Сердце Гломара» – променад, вся уродливая роскошь которого состояла в тускловатых цветных уличных фонарях, узловатых, ржавого цвета деревьях и оштукатуренных фасадах. Когда гондола начала снижаться, Беллис уставилась на нечто еще более уродливое – темное сооружение за парком.

Четыре сотни футов воды, поблескивающей всевозможными нечистотами, а за ними – башня из сочлененных ферм. Она достигала высоты полета дирижаблей, а над ее вершиной трепетало пламя. Массивное бетонное тело на опорах – словно расщепленная на четыре части колонна, вырастающая из загрязненного моря. Темные краны двигались без всякой видимой цели.

Это было чудовищное, безобразное сооружение, внушавшее трепет и дурные предчувствия. Беллис откинулась к спинке сиденья снижающегося дирижабля, не сводя глаз с «Сорго» – недавно похищенной у Нью-Кробюзона буровой установки.

Глава 7

Весь следующий день лило как из ведра. Тяжелые серые капли падали, словно осколки кремня.

Уличные торговцы притихли – покупателей не было видно. Мостки Армады стали скользкими. Произошло несколько несчастных случаев – пьяные или нерасторопные срывались в воду.

Городские обезьяны невесело сидели под навесами и ссорились. Они были бичом Армады, диким племенем; они носились по плавучему городу, дрались, соперничали за отбросы и территорию, висели под мостами, взбирались на мачты. Они были не единственными дикими животными, обитавшими в городе, но из всех падальщиков – самыми успешными. Они сбивались в кучу в промозглой сырости и вяло вылавливали друг у друга блох.

В сумеречном свете библиотеки вывешенные на стенах призывы к тишине потеряли всякий смысл – дождь лупил всюду.

Сторожевые псы в квартале Шаддлер скорбно выли, как и обычно во время ливня, когда, по выражению струподелов, небеса начинали кровоточить. Вода устало колотила по бокам «Юрока» – флагмана квартала Сухая осень. Темная гниющая масса Заколдованного квартала была поражена грибком и выглядела мрачно. Жители соседнего квартала, называвшегося Ты-и-твой, указывали на очертания обветшалого и опустелого необитаемого квартала и предупреждали (впрочем, они делали это всегда), что где-то там, в глубине, обитает бледный упырь.

В первый час после захода в сумеречном Курганном доме на палубе «Гериантропа» – в центре квартала Шаддлер – подходила к концу шумная встреча. Стражники-струподелы слышали, как расходятся делегации. Они вертели в руках оружие и терли ладонями корку на своих органических латах.

Среди них был и один человек – до шести футов ему не хватало пары дюймов. Он был атлетически сложен, одет в сероватую кожу, на боку у него висел прямой меч. Говорил и двигался он со спокойной грацией.

Он рассуждал со струподелами об оружии, потом попросил их показать ему приемы «морту крутт» – их боевого искусства. Он позволил им потрогать вязь проводов вокруг его правого предплечья, шедших затем поверх его доспехов к батарейке на поясе.

Человек сравнивал пинок под названием «упрямый гвоздь» из ножного единоборства и удар «садр» из «морту крутт». Он и его спарринг-партнер разводили руками, медленно показывая движения, когда над ними открылась дверь на лестницу. Стражники мигом замерли. Человек в сером неторопливо выпрямился и направился в угол.

К ним спускался человек, одержимый холодной яростью. Он был высок, молод на вид, сложен как танцор. Кожу цвета бледного пепла покрывали пятна, а волосы, казалось, принадлежали кому-то другому – темные, длинные, в мелких кудряшках, они непокорными прядями ниспадали ему на плечи, напоминая свалывшуюся шерсть. Грива человека сотрясалась на ходу.

Проходя мимо струподелов, он приветствовал их едва заметным надменным кивком – те отвечали более церемонно – и остановился перед человеком в сером. Они изучали друг друга с непроницаемым выражением на лице.

– Живец Доул, – сказал наконец новопривывший голосом, близким к шепоту.

– Мертвец Бруколак, – последовал ответ. Утер Доул смотрел на широкое красивое лицо Бруколака.

– Похоже, твои наниматели, Утер, продолжают воплощать в жизнь свой идиотский план, – пробормотал Бруколак. – Я все никак не могу поверить, Утер, – добавил он, – что ты одобряешь это безумие.

Утер Доул не шелохнулся, продолжая сверлить его взглядом.

Бруколак распрямил спину и усмехнулся; эта усмешка могла выражать и презрение, и самоуверенность, и множество других чувств.

– Этого не будет, – сказал он. – Город не допустит. Город существует не для *этого*.

Он лениво приоткрыл рот, откуда высунулся длинный раздвоенный язык, пробуя на вкус воздух и запах пота Утера Доула.

Были кое-какие вещи, которых Флорин Сак категорически не понимал.

Он не понимал, как он выносит холод морской воды. Из-за неуклюжих щупальцев ему пришлось погружаться с обнаженной грудью, и при первом соприкосновении с водой у него перехватило дыхание. Флорин даже решил было плюнуть, потом натерся густой мазью. Как бы там ни было, но он так быстро привык к холоду, что объяснить это было просто невозможно. Холод он по-прежнему ощущал, но ощущение это было каким-то отвлеченным. Холод не убивал его.

Он не понимал, почему морская вода лечит его щупальца.

Со времени их имплантации по прихоти судьи из Нью-Кробюзона (это наказание, согласно какой-то снисходительно-аллегорической логике, предположительно соответствовало тяжести его преступления, но осталось для него непроницаемой тайной) они висели как омертвелые зловонные конечности. Флорин поставил эксперимент, попытавшись надрезать их, но имплантированные нервы откликнулись обжигающей болью, и он чуть не потерял сознание. Но кроме боли, в щупальцах не было ничего живого, а потому он обмотал их вокруг туловища, как двух разлагающихся питонов, и постарался о них забыть.

Однако, погрузившись в соленую воду, они начали двигаться.

Различные мелкие инфекции прошли, и теперь щупальца были прохладны на ощупь. После трех погружений, к полному недоумению Флорина, щупальца начали двигаться и вне воды.

Он выздоравливал.

После нескольких недель погружений щупальца дали знать о себе по-новому, а их присоски теперь могли прикрепляться к ближайшим поверхностям. Флорин учился двигать ими по своей воле.

В сумятице первых дней после прибытия Флорин бродил по кварталам, не веря своим ушам и глазам, – торговцы и бригадиры предлагали ему работу, говоря на языке, который он очень быстро начал понимать.

Когда он подтвердил, что по профессии механик, чиновник администрации порта Саргановых вод смерил его жадным взглядом и на простейшем соли, помогая себе жестами, спросил, не хочет ли он сделаться ныряльщиком. Научить механика нырять было легче, чем научить ныряльщика тому, что знал Флорин.

Научиться дышать нагнетаемым сверху воздухом и не поддаваться страху в маленьком душном шлеме было нелегко, как не сразу далось умение двигаться не слишком резко, чтобы тебя по инерции не отбрасывало назад. Но Флорин научился наслаждаться этой замедленной жизнью, вихревой прозрачностью воды, видимой через стекло.

Теперь у него была работа, похожая на прежнюю, – накладывать заплаты, ремонтировать, перестраивать, ковыряться в мощных механизмах. С той лишь разницей, что теперь, вдали от грузчиков и кранов, ему приходилось работать под толщей воды, а наблюдали за ним угри да рыбы, которые трепыхались в потоках, рожденных за много миль отсюда.

– Я ведь тебе говорил, что эта, как ее там, Хладовин работает в библиотеке?

– Говорил, – ответил Флорин.

Они с Шекелем ели под навесом на причалах, а потоп вокруг них продолжался.

Шекель пришел на причал вместе с группкой оборванцев от двенадцати до шестнадцати лет. Все остальные, насколько мог судить Флорин, были местными уроженцами, и тот факт, что они приняли в свою компанию чужака, привезенного сюда насильно, да к тому же с трудом изъясняющегося на соли, говорил об умении Шекеля приспособливаться к окружающей среде.

Мальчишки оставили Шекеля одного, чтобы он разделил трапезу с Флорином.

– Мне нравится эта библиотека, – сказал он. – Мне нравится туда ходить, и вовсе не потому, что там работает эта тетка.

– Есть много чего, гораздо хуже, чем чтение, во что бы ты мог вляпаться, – сказал Флорин. – Мы закончили хроники Раконога, теперь ты бы мог найти другие истории. Почитал бы их мне для разнообразия. Как у тебя дела – уже одолел алфавит?

– Ну да, буквы разбираю, – неопределенно ответил Шекель.

– Ну, тогда тебе и карты в руки – иди, поговори с этой холодной дамочкой, пусть посоветует, что читать.

Некоторое время они ели молча, наблюдая за группой местных креев, поднявшихся из своих подводных сот.

– А как там – внизу? – спросил наконец Шекель.

– Холодно, – ответил Флорин. – И темно. Темно, но... вокруг все светится. И все такое большое. Вокруг тебя все такое огромное – видишь только громадные неотчетливые формы. Подводные и всякие такие, а иногда, кажется, видишь и другое что-то. Разглядеть их толком не можешь, и потом, они под охраной, так что близко не подойти... Я видел креев под их трущобами. Морских змеев, которых иногда впрягают в корабли-колесницы. Рыболодей вроде тритонов из квартала Баск. Ты их толком и не разглядишь – так они двигаются. Сукин Джон – дельфин. Он шеф подводной службы безопасности у Любовников. Тот еще тип – такой злобный, что и представить трудно... А потом, там еще есть несколько... переделанных. – Он умолк.

– Чудно это, да? – сказал Шекель, внимательно наблюдая за Флорином. – Я никак не могу привыкнуть... – Больше он ничего не сказал.

Флорин тоже не мог привыкнуть. Место, где переделанные были равны другим. Где переделанный мог стать бригадиром, управляющим, а не оставаться всю жизнь чернорабочим.

Шекель увидел, что Флорин потирает свой щупальца.

– Как они у тебя? – спросил Шекель.

Флорин в ответ улыбнулся и сосредоточился; один из эластичных отростков чуть сжался и потянулся – словно умирающая змея – к хлебу в руке Шекеля. Мальчишка одобритительно захлопал.

На краю пристани, где выходил на поверхность крей, стоял высокий какт; его голая грудь была испещрена волокнистыми растительными шрамами. На его спине висел массивный дискомет.

– Ты его знаешь? – спросил Флорин. – Его зовут Хедригалл.

– Что-то не похоже на кактское имя, – сказал Шекель, а Флорин в ответ покачал головой.

– Он не из Нью-Крбюзона, – объяснил Флорин. – И даже не из Шанкелла. Он, как и мы, попал сюда не по своей воле. Оказался в городе больше двадцати лет назад. Он из Дрир-Самхера. А это почти две тысячи миль от Нью-Крбюзона... И знаешь, что я тебе скажу? Он

просто ходячее собрание всяких историй. С ним не нужны никакие книги... Он пиратствовал на торговом судне, а потом его захватили и привезли в город. Он видел, наверное, всех, кто живет в море. А из этого дисконета он тебе волос может перерубить – классный стрелок. Он видел керагори, и людей-комаров, и неразмещенных, – да кого ни спроси. И, о боги, он умеет о них рассказать. Они в Дрир-Самхере такие рассказчики – это там настоящая профессия. Хед – один из них. Он, если захочет, может гипнотизировать голосом, ты от него будешь как пьяный и будешь слушать его истории.

Как стоял совершенно неподвижно, дождь хлестал по его коже.

– А теперь он – аэронавт, – добавил Флорин. – Он много лет пилотировал летательные аппараты «Гранд-Оста» – разведчики и боевые суда. Он один из самых важных людей у Любовников и вообще хороший мужик. Теперь он проводит время по большей части наверху – на «Высокомерии».

Флорин и Шекель оглянулись и подняли головы. На высоте более тысячи футов над палубой «Гранд-Оста» парило в воздухе привязанное «Высокомерие» – большой искаленный аэростат с искривленными хвостовыми стабилизаторами и двигателем, который не работал уже несколько лет. Аэростат держался на просмоленном канате, закрепленном на огромном корабле внизу, и служил для города «вороньим гнездом».

– Этому Хедригаллу нравится там, – сказал Флорин. – Он мне сказал, что в последнее время все больше любит тишину.

– Флорин, – медленно произнес Шекель, – как тебе Любовники? Я хочу сказать – ты ведь на них работаешь, слышишь, как они говорят, знаешь, кто они такие. Что ты о них думаешь? Почему ты делаешь то, что им нужно?

Флорин попытался объяснить, хотя и знал, что Шекель до конца не поймет его. Но вопрос был таким важным, что он повернулся и внимательно посмотрел на парня, с которым делил комнату (на левом борту старого железного корабля). Этот парень раньше был его тюремщиком, слушателем и другом, а теперь становился кем-то другим – вроде члена семьи.

– Я должен был стать рабом в колониях, – тихо сказал Флорин. – Любовники с «Гранд-Оста» приняли меня к себе, дали работу, платят деньги и сказали: им плевать, что я – переделанный. Любовники дали мне жизнь, Шекель, они дали мне город и дом. И я тебе скажу: *что бы они мне ни поручили, у меня к ним не будет претензий*. А Нью-Кробюзон пусть поцелует меня в жопу. Я гражданин Армады, житель Саргановых вод. Я учу соль. Я подчиняюсь их законам.

Шекель недоуменно смотрел на него. Флорин был человеком медлительным, спокойным, и Шекель прежде ни разу не видел его таким возбужденным.

На Шекеля это произвело сильное впечатление.

Дождь продолжался. Пассажиры «Терпсихории» по всей Армаде – те, которые не были задержаны, – пытались наладить новую жизнь.

Они спорили на цветастых яликах и баркентинах, покупали и продавали, учили соль, кое-кто плакал, кое-кто изучал городские карты, прикидывая расстояние до Нью-Кробюзона или Нова-Эспериума. Они скорбели о своей прошлой жизни, разглядывали гелиотипы друзей и любимых.

В перевоспитательной тюрьме между Саргановыми водами и Шаддлером находились несколько десятков моряков с «Терпсихории». Некоторые кричали на своих охранников-воспитателей, пытавшихся утихомирить их, все время прикидывали, может ли тот или иной охранник помочь им бежать, размышляли, ослабнет ли их тяга к Нью-Кробюзону, привыкнут ли они к Армаде.

«А если нет, то что с нами сделают?» – спрашивали они себя.

Когда Беллис прибыла в «Нереализованное время», ее прическа и макияж были сильно попорчены дождем. Она стояла, мокрая, в дверях, слушая приветствия официанта, и смотрела на него, удивленная таким приемом. Она поймала себя на такой мысли: «Словно он настоящий официант, в настоящем ресторане, в настоящем городе».

«Красноязыкий» был большим и старинным кораблем. Он был до такой степени застроен зданиями, переоборудован и переделан, что определить его тип было невозможно. Уже несколько веков он был частью Армады. На полубаке корабля остались одни руины – старые храмы белого камня, почти целиком превратившегося в прах. Они поросли плющом и крапивой, которая ничуть не отпугивала городских детей.

На улицах «Красноязыкого» можно было увидеть всякие странности – там и сям лежали горы каких-то отбросов, извлеченных из моря и словно забытых.

Ресторан был небольшим, теплым и полупустым; на стенах – панели темного дерева. Окна выходили на ряд кетчей и каное у пристаней Ежового хребта – второй гавани Армады.

У Беллис потеплело на сердце, когда она увидела, что с потолка на шнурках свешиваются бумажные фонарики. В последний раз она видела такие в «Часах и петухе», что на Салакуских полях в Нью-Кробюзоне.

Тряхнув головой, она попыталась прогнать горькую тоску. Иоганнес поднимался из-за столика в углу, делая ей знаки рукой.

Какое-то время они сидели, не говоря ни слова, – Иоганнес, похоже, робел, а Беллис поняла, что негодует на него – почему он так долго не давал о себе знать. Однако подозревая, что она несправедлива к нему, Беллис погрузилась в молчание.

Она с удивлением обнаружила, что красное вино на столе – галаджи, торгового дома Предикус, урожая 1768 года. Она посмотрела на Иоганнеса широко распахнутыми глазами. Губы у нее были плотно сжаты, а потому казалось, что смотрит она неодобрительно.

– Я подумал, почему бы нам не отпраздновать, – сказал Иоганнес. – Я имею в виду, отпраздновать нашу встречу.

Вино было превосходным.

– Ну почему они предоставили меня... нас... самим себе? Выживи или сдохни? – спросила Беллис. Она без энтузиазма клевала поданное ей рыбное блюдо и горькую зелень, выращенную на палубах. – Я думала... я бы сказала, что это против здравого смысла – выхватить несколько сотен людей из привычной им жизни и бросить вот так на произвол судьбы...

– Нет, они не так сделали, – сказал Иоганнес. – Сколько пассажиров с «Терпсихории» вы видели? Сколько членов экипажа? Вы что, забыли все эти собеседования, все вопросы, что нам задавали по прибытии? Это были тесты, – тихо сказал он. – Они выясняли, от кого можно ждать неприятностей, от кого – нет. Если они обнаруживают, что от вас одни беспокойства или вы слишком привязаны к Нью-Кробюзону... – Он оборвал предложение.

– Что тогда? – спросила Беллис. – Поступают с тобой как с капитаном?..

– Нет-нет, – тут же сказал Иоганнес. – Я думаю, они... работают с вами, пытаются переубедить. Ну вот, вы, скажем, знаете о насильной вербовке. Во флоте Нью-Кробюзона много моряков, чей морской опыт ограничивается тем, что в ночь «вербовки» они пьянствовали в прибрежной таверне. Но тем не менее, оказавшись на корабле, они становятся моряками.

– На какое-то время, – сказала Беллис.

– Верно. Я же не говорю, что это в точности то же самое. Разница огромная: попав в Армаду, вы остаетесь здесь навсегда.

– Я это слышала уже тысячу раз, – медленно проговорила Беллис. – Но что вы скажете о флоте Армады? О кречах внизу? Вы думаете, они тоже обречены оставаться здесь навсегда?

Если бы так оно и было на самом деле, если бы никто отсюда не мог вырваться, то жить здесь могли бы только местные.

– По всей видимости, да, – сказал Иоганнес. – Городские пираты уходят в плавание на несколько месяцев, может, даже на год. Во время своих путешествий они заходят в другие порты, и наверняка кто-нибудь пользуется этим, чтобы сбежать. Уверен, в мире можно встретить немало бывших обитателей Армады... Но дело в том, что в команды набирают частично людей преданных, а частично – тех, кого будет не жалко, если они убегут. Они почти все уроженцы Армады, и редко кому из насильно завербованных удается получить разрешение. Нам с вами и надеяться нечего попасть на такое судно. Таким, как мы, суждено всю жизнь провести в городе... Но черт бы их драл, Беллис, вы только посмотрите, кого они набирают! Ну да, моряков, конечно, пиратов-«конкурентов», порой торговцев. Но вы что думаете, Армада захватывает все суда, с которыми сталкивается? На большинстве захваченных ими судов, как на «Терпсихории», перевозили рабов. Или же это были корабли с переделанными, которых везли в колонии. Или корабли-тюрьмы. Или корабли с военнопленными... Большинство переделанных с «Терпсихории» давно поняли, что они никогда не вернуться домой. Двадцать лет... боги милосердные, да это же пожизненный приговор, и им это известно. А тут им, пожалуйста, и работа, и деньги, и уважение... Неудивительно, что они соглашаются на это. Насколько мне известно, только семь переделанных с «Терпсихории» подвергаются обработке в связи с отказом, причем двое уже давно страдают слабумием.

«А с каких это херов, – подумала Беллис, – ты вдруг стал так осведомлен, Джаббер тебя забори?»

– Что же касается таких, как мы с вами, – продолжал Иоганнес, – то все мы уже знали, что уезжаем из дома, из Нью-Кробюзона, никак не меньше чем на пять лет, а то и больше. Вы посмотрите, что за разнородная компания была у нас на корабле. Думаю, лишь немногие пассажиры были неразрывно связаны с городом. Конечно, прибывая сюда, люди чувствуют неустроенность, удивление, замешательство, испуг. Но они понимают, что это не конец. Разве это не «новая жизнь», которую обещают колонистам Нова-Эспериума? Разве не этого искало большинство из нас?

«Может быть, и большинство, – подумала Беллис, – но не все. И если, прежде чем дать нам здесь полную свободу, местные власти захотят убедиться, что мы тут пообвыклись и смирились, то, боги знают – я знаю, – они ведь могут ошибиться в своих оценках».

– Вряд ли они настолько наивны, что оставят нас тут без присмотра. Я удивлюсь, если они не ведут за нами пристального наблюдения и не отмечают все наши действия. Но что мы можем поделать? Это целый город, а мы в нем никто... Серьезной проблемой для них может стать только команда. Многих ждут семьи. Есть такие, кто, скорее всего, никогда не согласится признать Армаду своим новым домом.

«Только команда?» – подумала Беллис, ощущая горечь в горле.

– И что же с ними будет? То же, что и с капитаном? – сказала она глухим голосом. – Или с Камбершамом?

Иоганнес вздрогнул.

– Мне... мне сказали, что это только капитан и его первые помощники на всех кораблях, что им попадаются... Потому что этим приходится терять слишком многое и они особенно привязаны к своему родному порту...

В выражении его лица было что-то заискивающее и извиняющееся. Беллис с нарастающим раздражением осознавала, что она одна.

Она пришла сегодня сюда, рассчитывая, что ей удастся поговорить с Иоганнесом о Нью-Кробюзоне, что он разделит с ней ее тоску, что она сможет дотронуться до своих кро-

воточащих ран и поговорить о людях и улицах, которых ей так не хватает. А может быть, думала она, они смогут коснуться того, что все эти недели не давало ей покоя: побега.

Но Иоганнес понемногу привыкал к новым обстоятельствам. Говорил он совершенно ровным голосом, словно сообщал о вещах, которые его не касаются. Он старался прийти к соглашению с городскими властями. Он что-то нашел для себя в Армаде и даже был готов признать ее своим домом.

«Как у них это получилось? – подумала Беллис. – Чем он занимается?»

Последовало холодное молчание, потом она спросила:

– А как другие – вы что-нибудь о них знаете?

– Печальное известие – одним из тех, кто не выдержал испытания в первые дни, был Моллификат, – сказал Иоганнес, и на его лице появилась искренняя печаль.

Население в Армаде смешанное, постоянно меняется, поэтому город превратился в источник множества болезней. Местные уроженцы были народом выносливым, но в каждой партии захваченных оказывались заболевшие, и сколько-то человек непременно умирали.

– До меня дошли слухи, – продолжал Иоганнес, – что наш новенький, мистер Фенек, работает где-то в Саргановых водах или в Ты-и-твой. Сестра Мериопа... – Глаза его вдруг широко раскрылись, он покачал головой. – Сестра Мериопа... Ее держат где-то ради ее же безопасности. Она постоянно угрожает самоубийством. Беллис, – прошептал он, – *она беременна*.

Беллис закатила глаза.

«Я не могу это слушать», – подумала Беллис. Она говорила ровно столько, чтобы создать видимость разговора. Ей было одиноко. «Претенциозные тайны и клише. Что дальше? – презрительно подумала она, слушая, как Иоганнес перебирает имена пассажиров и офицеров «Терпсихории». – Вызывавший полное доверие моряк оказался переодетой женщиной, желавшей отправиться в море? Любовь и содомия среди рядовых?»

В тот вечер в Иоганнесе было что-то жалкое – прежде Беллис в нем ничего такого не замечала.

– Откуда вы знаете все это, Иоганнес? – осторожно спросила наконец она. – Где вы были все это время? И чем занимаетесь?

Иоганнес откашлялся и надолго уставился в свой стакан.

– Беллис... – начал он. Тихие ресторанные звуки вокруг него казались очень громкими. – Беллис, я вам могу доверять? – Иоганнес вздохнул и поднял на нее глаза. – Я работаю на Любовников, – сказал он. – Я не хочу сказать, что работаю в квартале Саргановы воды. Я работаю *непосредственно* на них. У них есть группа исследователей, работающих над весьма... – Он покачал головой, и на лице его появилась довольная улыбка. – Над весьма *неординарным* проектом. Неординарная возможность. И они пригласили меня, потому что им известны мои прежние работы... Они читали некоторые мои труды и решили, что я мог бы... что они хотят работать со мной.

Беллис поняла, что его переполняет радость. Он был похож на ребенка – ну вылитый ребенок.

– У них есть маги, океанологи, морские биологи. Тот человек – я говорю о том, кто командовал захватом «Терпсихории», об Утере Доуле – тоже в этой команде. Он там центральная фигура. Он философ. Там сейчас работают над несколькими проектами. Это исследования в области криптогеографии и теории вероятностей, а еще... исследование, которое провожу я. Тот, кто руководит этим, обаятельнейший человек. Когда мы тут появились, он был с Любовниками – высокий старик с бородой.

– Я его помню, – сказала Беллис. – Он поздоровался с вами.

На лице Иоганнеса отразилось что-то среднее между раскаянием и удовольствием.

– Верно, – сказал он. – Это Тинтиннабулум. Охотник. Он не местный – город нанимает его. Живет он на «Касторе» с семьей другими людьми. Это на границе Саргановых вод, Шаддлера и Книжного города... Мы занимаемся просто *восхитительной* работой, – сказал он, и, видя искреннее блаженство Иоганнеса, Беллис поняла, как Армада завоевала его. – Оборудование старое и ненадежное, аналитические машины – сплошная древность, но тем поразительнее работа. Мне еще несколько месяцев придется догонять их – они ушли далеко вперед, и я учу соль. Эта работа... она подразумевает чтение самых разных вещей.

Он улыбнулся ей с плохо скрываемой гордостью.

– Мой проект опирается на несколько ключевых научных трудов. Один из них – мой собственный. Можете поверить? Разве это не поразительно? Они собрались со всех уголков света. Из Нью-Кробюзона, из Хадоха. Есть несколько таинственных книг, которых мы не можем найти. Они написаны на рагамоле, соли и луннике... Говорят, что одна из самых важных – на верхнекеттайском. Мы составили список этих книг по ссылкам, найденным в тех публикациях, которые у нас есть. Не могу понять, как им удалось собрать здесь такую фантастическую библиотеку. Половины из этих книг я не мог найти дома...

– Они их воруют, Иоганнес, – сказала Беллис, и он замолчал. – Вот так они и собирают эту библиотеку. Каждый том в ней – украденный. С кораблей, из прибрежных городов во время набегов, у людей вроде меня. Мои книги, те, что написала я, у меня украдены. Вот откуда все эти книги.

Беллис чувствовала, как в ней зреет ненависть.

– Скажите мне, – начала было она, но остановилась, затем отпила немного вина, глубоко вздохнула и продолжила: – Скажите мне, Иоганнес, это все очень интересно, разве нет? Во всем этом огромном океане – *во всем этом необозримом вонючем океане*, – из всего этого огромного числа кораблей они находят один – именно тот, на котором плывет их высокоинтеллектуальный герой...

И снова она увидела в его глазах виноватое выражение вперемешку с восторгом.

– Да, – сказал Иоганнес, тщательно подбирая слова. – Именно так, Беллис. Именно об этом я и хотел с вами поговорить.

Ей вдруг стало ясно, что он сейчас скажет, и от этой уверенности тошнота и отвращение подступили к ее горлу, и тем не менее она все еще симпатизировала ему, искренно симпатизировала и так хотела ошибиться, что не встала и не ушла. Она ждала: вот сейчас он развеет ее опасения, но в то же время была уверена, что этого не случится.

– Это не было совпадением, Беллис, – услышала она. – Не было. У них есть агент в Салкрикалторе. Они получают список пассажиров, едущих в колонии. Они знали о нас. Они знали обо мне.

Дверь открылась и закрылась, закачались бумажные фонарики. С соседнего столика послышался переливчатый смех. Запах тушеного мяса был восхитителен.

– Поэтому-то они и захватили наш корабль. Им нужен был я, – тихо сказал Иоганнес, и Беллис закрыла глаза в знак поражения.

– Ах, Иоганнес, – сказала она срывающимся голосом.

– Беллис... – Он встревоженно протянул к ней руку, но она резким движением пресекла этот порыв.

«Ты что, думаешь, я расплачусь?» – сердито подумала она.

– Позвольте мне сказать вам, Иоганнес, что есть огромная разница между пятилетним, десятилетним и *пожизненным* сроком. – Она не могла заставить себя посмотреть на него. – Вполне возможно, для Мериопы, для Кардомиумов, еще для кого-нибудь Нова-Эспериум означал новую жизнь. *Но не для меня...* Не для меня. Для меня это было бегство, вынужденное и *временное*. Я родилась в Хнуме, Иоганнес. Образование получила в Мафатоне. Пред-

ложение мне сделали в Эховой трясине. А развелась я на Салакусских полях. Нью-Кробюзон – мой дом, и он всегда будет моим домом.

Иоганнес поглядывал на нее с нарастающим беспокойством.

– Меня не интересуют никакие колонии. Никакой этот ваш долбаный Нова-Эспериум. *Никакой.* Я не хочу жить среди продажных недоумков, неудавшихся спекулянтов, обеспеченных монахинь, чиновников, чья некомпетентность или слабость закрывает им дорогу домой, негодующих запуганных аборигенов... Дерьмо небесное, Иоганнес, меня абсолютно не интересует *море*. Холодное, мерзкое, грязное, однообразное, вонючее... Меня совершенно не интересует этот город. Я не хочу жить в *лавке диковинок*. Это какая-то глупая постановка, страшилка для детей. «Плавучий пиратский город»! Мне этого не надо! Я не хочу жить на этом огромном, вечно бултыхающемся в воде паразите, на этом водяном жуке, высасывающем соки из своей жертвы. Это не город, Иоганнес. Это глухая деревушка меньше мили в поперечнике, и мне она не нужна... Я всегда собиралась вернуться в Нью-Кробюзон. Я не могу себе представить жизни вне него. Он грязный, жестокий, суровый, опасный (в особенности для меня и в особенности теперь), но он – мой дом. Нигде в мире нет того, что есть там: культура, промышленность, население, магия, языки, искусство, книги, политика, история... Нью-Кробюзон, – медленно произнесла она, – величайший город в Бас-Лаге.

Этот панегирик из ее уст, из уст человека, который отдавал себе отчет во всей жестокости Нью-Кробюзона, в его убожестве, в его насилии, звучал намного убедительнее, чем если бы его произнес краснобай из парламента.

– И вы хотите мне сказать, – завершила Беллис свою речь, – что я *навсегда* лишилась моего города из-за вас?

Иоганнес смотрел на нее как побитый.

– Беллис, – медленно проговорил он. – Я не знаю, что вам ответить. Могу только сказать, что... мне очень жаль. Это был не мой выбор. Любовники знали, что я среди пассажиров, и... Это не единственная причина. Им нужны пушки, так что, возможно, они все равно захватили бы «Терпсихорию», но... – Голос его сорвался. – Хотя, возможно, это не так. Прежде всего им нужен был я. Но, Беллис, послушайте меня. – Он взволнованно наклонился к ней. – Это был не мой выбор. Не я все это устроил. Я понятия ни о чем не имел.

– Но вы согласились с этим, Иоганнес, – сказала Беллис. Наконец она встала. – Согласились. Вам повезло, вы здесь нашли себя, Иоганнес. Я понимаю, это был не ваш выбор, но, надеюсь, *вы понимаете*, что я не могу сидеть здесь и делать вид, будто все в порядке, вести с вами светскую беседу, когда по вашей вине я лишилась дома... И не называйте этих двух, будь они прокляты, *Любовниками*, словно это какой-то титул или, там, небесное созвездие. Вы просто в восторге от них. А они ничем не отличаются от нас, у них есть имена. Вы могли сказать «нет», Иоганнес. Вы могли отказаться.

Беллис повернулась, чтобы идти, но он ее окликнул. Она и не подозревала, что его голос может быть таким – холодным, яростным. Это потрясло ее.

Иоганнес поднял на нее взгляд, руки его вцепились в столешницу.

– Беллис, – повторил он тем же голосом. – Мне жаль, очень жаль, что вы чувствуете себя похищенной. Я понятия не имел. Но против чего вы возражаете? Против того, чтобы жить в городе-паразите? Сомневаюсь. Может быть, Нью-Кробюзон и утонченнее Армады, но попробуйте-ка сказать жителям разрушенного Суроша, что Нью-Кробюзон – не пиратское государство... Культура? Наука? Искусство? Беллис, вы даже не понимаете, *где* вы оказались. Этот город – сумма *сотен* культур. Любой народ, живущий на берегах моря, терял корабли – они терпели поражения в боях, их захватывали пираты, угоняли дезертиры. И вот теперь они *здесь*. Они – то, из чего состоит Армада. Этот город – сумма потерянных за всю историю мира кораблей. Они бродяги и парии, а их потомки принадлежат к цивили-

зациям, о которых Нью-Кробюзон даже не слышал. Вы это понимаете? Вы понимаете, что это означает? Те, кто отринул свое прошлое, встречаются здесь, они переплавляются, как в котле, образуя нечто новое. Армада бороздит воды Вздувшегося океана практически с незапамятных времен, она *отовсюду* подбирает изгнанников и беженцев. Беллис, дерьмо небесное, да вы хоть *что-нибудь* о них знаете?.. История? Об этом народе мореплавателей многие века ходят легенды. Вы об этом знали? Вы знаете, о чем рассказывают моряки? Самому старому из судов Армады больше *тысячи лет*. Корабли могут меняться, но Армада ведет свою историю по меньшей мере от Людоедских войн, а некоторые говорят, что и от империи Призрачников, черт бы ее драл... Вы говорите – деревня? Никто не подсчитывал населения Армады, но это несколько сотен тысяч, никак не меньше. Пересчитайте все эти бесчисленные палубы. Длина улиц в общей сложности здесь ничуть не меньше, чем в Нью-Кробюзоне... Нет, Беллис, я вам не верю. Я не думаю, что у вас есть объективные причины не желать оставаться здесь и предпочитать Армаде Нью-Кробюзон. Я думаю, вы просто скучаете по дому. Поймите меня правильно. Я не прошу от вас объяснений. Ваша любовь к Нью-Кробюзону вполне понятна. Но вот что вы сейчас говорите: *«Мне здесь не нравится. Я хочу домой»*.

Впервые он посмотрел на нее с чувством, похожим на неприязнь:

– А если положить на одну чашу весов ваше желание вернуться, а на другую – желания нескольких сотен переделанных с «Терпсихории», которым теперь позволено жить не как животным, то, думаю, ваши затруднения покажутся не такими уж существенными.

Беллис не сводила с него глаз:

– Если бы кому-нибудь пришло в голову сообщить властям, что я – подходящая кандидатура для заключения и перевоспитания, то, клянусь вам, я покончила бы с собой.

Эта угроза была глупой и не имела под собой почвы, и Беллис не сомневалась – Иоганнес чувствует это, но опуститься до прямой просьбы к нему она не могла. Она знала, что в его силах устроить ей крупные неприятности.

Он был коллаборационистом.

Она повернулась и вышла в дождь, который все еще хлестал Армаду. Она столько всего хотела сказать ему, о стольком попросить. Она хотела поговорить с ним о платформе «Сорго», об этой огромной огнедышащей загадке, оказавшейся теперь в небольшой бухте, образованной кораблями. Она хотела знать, зачем Любовники похитили эту установку, для чего она предназначена и что они собираются с ней делать. Где теперь команда с установки? Где геозмпат, которого никто не видел? Беллис была уверена, что у Иоганнеса есть ответы на все эти вопросы. Но теперь она ни за что не стала бы с ним говорить.

Она не могла отделаться от его слов и только надеялась, что и ее слова все еще не дают ему покоя.

Глава 8

Когда Беллис на следующее утро выглянула в свое окно, она по крышам и трубам увидела, что город движется.

Ночью сотни буксиров, которые постоянно мельтешили вокруг Армады, как пчелы вокруг улья, впряглись в город. К бортам судов, образующих внешний периметр города, были прикреплены толстые цепи. Выбрав их, буксиры начали свою работу.

Беллис уже привыкла к переменчивости города. Сегодня солнце восходило слева от ее трубы, а завтра – справа. Это означало, что Армада за ночь развернулась. Такие штуки сбивали с толку. В отсутствие видимой земли определять местонахождение можно было только по звездам, а глазеть на небеса – нет, это занятие было не для Беллис. Она не принадлежала к тем, кто в мгновение ока мог узнать Треуголку, Детку или другие созвездия. Ночное небо ничего ей не говорило.

Сегодня солнце встало почти прямо над ее окном. Корабли, тащившие Армаду за натянутые цепи, были на одной линии с солнцем, и Беллис, подумав немного, решила, что они направляются на юг.

Такая чудовищная затея внушала ей благоговейный трепет. Множество судов, тащивших город, казались рядом с ним карликами. Оценить скорость хода Армады было нелегко, но по воде, перемещавшейся между судами, и по волнам, ударявшим в кромки города, Беллис сделала вывод, что движутся они удручающе медленно.

«Куда это мы направляемся?» – беспомощно спрашивала она себя.

Станным образом она чувствовала что-то вроде стыда. Прошло уже несколько недель после ее прибытия в Армаду, а она только теперь поняла, что ни разу не задавалась вопросом о движении города, о его переходах по морю, его маршруте, о том, как его пиратские суда, бороздящие морские просторы, находят путь к дому, если дом не стоит на месте. Она с неожиданным содроганием вспомнила разнос, который учинил ей Иоганнес предыдущим вечером.

Отчасти он был прав.

Но конечно же, во многом была права и Беллис, и она до сих пор злилась на него. Она не хотела жить в Армаде, и при мысли о том, что ей придется прожить всю жизнь на этих гниющих лоханках, губы кривились от гнева такого неистового, что она сама чуть не пугалась. И все же...

И все же она и в самом деле замкнулась в своем несчастье. Она не хотела знать ничего – ни своего положения, ни истории Армады, ни ее политики, понимая при этом, что такое неведение опасно. Она не понимала экономики города, не знала, откуда приходят корабли в гавани Базилио и Ежовый хребет. Она не знала, где был город вчера и куда направляется сегодня.

Стоя в ночной рубашке и глядя на солнце перед корабельными носами – перед медленно двигающимся городом, – Беллис задумалась о происходящем вокруг. Она чувствовала, как в ней просыпается любопытство.

«Любовники, – с отвращением подумала она. – Начнем отсюда. Дерьмо господне эти Любовники. Кто они есть, Джаббер милостивый?»

Беллис и Шекель пили кофе на верхней палубе библиотеки.

Он был все время чем-то увлечен. Он сказал Беллис, что занят одним делом с одним человеком, а кое-чем еще – с другим, что подрался с третьим, что такой-то – четвертый – живет в квартале Сухая осень, и ей оставалось только удивляться его знанию города. Беллис снова испытала стыд за свое невежество и внимательно слушала его болтовню.

Шекель рассказал ей о Хедригалле – летчике-какте, поведал о его пиратском прошлом на службе Дрир-Самхера, описал путешествия Хедригалла на жуткий остров к югу от Гнурр-Кетта и его торговые сделки с анофелесами.

Беллис расспрашивала Шекеля о частях города, о заколдованном квартале, о маршруте, по которому движется Армада, о платформе «Сорго», о Тинтиннабулуме. Она переводила свои вопросы, как карты.

– Да, – неторопливо отвечал он. – Я знаю Тиннабола. И его дружков тоже. Странные ребята. Маклер, Мецгер, Промус, Тиннабол. Одного из ихних зовут Аргентариус. Он совсем дурной, его никто никогда не видит. Других мне что-то не вспомнить. А внутри «Кастора» полным-полно всяких трофеев. Жуткое дело. Морские трофеи. На всех стенах. Набитые паклей головы молот-рыб и касаток, всякая живность с клешнями и щупальцами. Черепа. И гарпуны. И гелиотипы – команды стоят на телах таких тварей, каких я в жизни не хотел бы увидеть... Они охотники. Они подолгу не бывают в городе. И вообще они не местные. Чем они занимаются, зачем они здесь, – об этом ходит много всяких рассказов и слухов. Вроде как они ждут чего-то.

Беллис понять не могла, откуда Шекелю столько известно о Тинтиннабулуме. Парень ухмыльнулся и продолжил:

– У Тинтиннабулума есть... помощница, – сказал он. – Ее зовут Анжевина. Такая интересная дама.

Он снова усмехнулся, и Беллис отвернулась, смущенная его неловким энтузиазмом.

В Армаде была своя типография, свои авторы, редакторы и переводчики, выпускались новые книги и переводы классических текстов на соль. Вот только бумага была редкостью, и тиражи получались крошечными, а книги – дорогими. Все кварталы зависели от библиотеки «Большие шестерни» Книжного города и платили деньги за доступ к фондам.

Библиотека пополнялась главным образом за счет пиратов Саргановых вод. Уже много веков самый могущественный квартал Армады дарил все добытые ими книги Зубцу часовой башни. Кто бы ни стоял во главе Книжного города, эти дары обеспечивали Саргановым водам дружбу с Зубцом. Другие кварталы пытались подражать, хотя, вероятно, действовали не так систематично. Они иногда оставляли своим пленникам том-другой, а могли и выменять захваченную инкунабулу на что-нибудь ценное. Но в Саргановых водах дела обстояли иначе – махинации с книгами там рассматривались как серьезное преступление.

Иногда корабли Саргановых вод нападали на прибрежные поселения Бас-Лага и устраивали охоту за словами. Пираты обыскивали дом за домом и уносили все найденные книги и рукописи. Все для Книжного города, для Зубца часовой башни.

Поток добычи не ослабевал, и у Беллис с коллегами хватало работы.

Новички-хепри, которых раньше вместе с их Кораблями милосердия захватывала Армада, больше века назад совершили тихий переворот и захватили власть в Книжном городе. У них хватило ума понять, что, несмотря на врожденное отсутствие у хепри интереса к книгам (их фасеточные глаза мало годились для чтения), главное в их квартале – это библиотека. И они продолжили заботиться об этом заведении.

Беллис не могла определить количество книг. На библиотечных кораблях было столько маленьких закоулков, столько переоборудованных труб и кают, столько снятых перегородок, столько всевозможных переходов – и все они были набиты книгами. Многие принадлежали седой древности, бесчисленное множество давно лежало без движения. Армада вот уже много столетий подряд похищала книги.

Каталоги были далеко не полными. За последние века образовалась своего рода бюрократия, ответственная за проверку библиотечных фондов, но при одних правителях она подходила к своим обязанностям тщательно, при других – не очень. Ошибки случались

постоянно. Новоприобретенные тома стояли на полках как придется, не проверенные. Оплошности вкрадывались в систему учета и порождали новые оплошности. В недрах библиотеки накопились многолетние поступления – их так никто и не просмотрел. Ходило множество слухов и легенд о содержании тех или иных книг – могущественном, утраченном, скрытом или запретном.

Впервые попав в темные коридоры, Беллис, читая на ходу названия, пошла вдоль полок, растянувшихся на много миль. Она остановилась, вытащила книгу, открыла ее и замерла, увидев имя, написанное от руки на первой странице выцветшими от времени чернилами. Взяла другой том – в нем было другое имя, написанное каллиграфическим почерком: чернила выглядели чуть посвежее. Третья книга была без подписи, а в четвертой опять стояло имя давно умершего владельца.

Беллис стояла, читая все новые и новые имена, и вдруг ею овладел приступ клаустрофобии. Она была окружена украденными книгами, похоронена среди них, словно в куче отбросов. При мысли о бесчисленном множестве окружающих ее имен, тщеславно вычерченных в правом верхнем углу страницы, – о грузе никому не нужных чернил, о бесконечном изъявлении прав собственности (*мое, мое*), коротком, высокомерном, – у Беллис перехватило дыхание. С какой же легкостью были нарушены эти права!

Ей вдруг показалось, что вокруг нее толпятся мрачные призраки и никак не могут согласиться с тем, что книги больше им не принадлежат.

В тот день, перебирая новые поступления, Беллис нашла одну из собственных книг.

Она долго сидела на полу, раскинув ноги, прислонившись спиной к стеллажу, и разглядывала экземпляр «Свитков пустоши Глаз Дракона». Она трогала знакомый потертый корешок, рельефные буквы: «Б. Хладовин». Это был ее собственный экземпляр, судя по потертостям. Беллис внимательно рассматривала его, словно готовилась к экзамену, который могла провалить.

В тележке не оказалось другой ее работы – «Грамматология верхнекеттайского», но учебник салкрикалтора, который был с ней на «Терпсихории», она тоже нашла.

«Так, значит, уже и наши вещички прибывают», – подумала Беллис.

Это подействовало на нее как удар.

«Это принадлежало мне, – подумала она. – Это у меня отняли!»

Что еще тут было с «Терпсихории»? Вот этот экземпляр «Будущих времен» – уж не доктора ли Моллификата? А эта «Орфография и иероглифы» – уж не вдовы ли Кардомиум?

Она не могла успокоиться. Она поднялась и побрела по библиотеке – взбудораженная, недоумевающая, с расстроенными мыслями. Прижимая к себе свою книгу, Беллис выбралась на воздух, прошла по мосткам, связывавшим библиотечные суда, а потом вернулась в темноту, к полкам.

– Беллис?

Вздрыгнув, она подняла глаза. Перед ней стояла Каррианна со слегка поджатými – то ли недоуменно, то ли озабоченно – губами. Она была смертельно бледна, но говорила громко, как всегда.

Книга чуть не выпала у Беллис из рук, дыхание ее замедлилось. Не зная, что сказать, она постаралась прогнать испуг со своего лица, снова придать ему нормальное выражение. Каррианна взяла ее под руку и отвела в сторону.

– Беллис, – повторила она, и, хотя на ее лице играла хитрая улыбка, голос звучал по-доброму. – Пора нам познакомиться поближе. Ты уже завтракала?

Каррианна повлекла ее за собой по коридорам «Танцующей твари», потом наверх, по полузатопленным мосткам, на «Пинчермарн». «На меня это не похоже, – думала Беллис, следуя за Каррианной. – Чтобы я позволила кому-то себя тащить? Нет, это совсем на меня

не похоже». Но она пребывала в каком-то ступоре и поэтому сдалась, покорно поплетясь за Каррианной.

У выхода Беллис с удивлением осознала, что все еще держит в руке свой экземпляр «Свитков пустоши Глаз Дракона». Она вцепилась в книгу так, что пальцы побелели.

Сердце ее забило сильнее, когда она поняла, что под защитой Каррианны может пройти мимо охранника, надежно спрятав книгу, может уйти из библиотеки с контрабандным товаром.

Но чем ближе она подходила к двери, тем меньше понимала свои мотивы, тем сильнее становились ее сомнения и страх быть пойманной. Наконец с неожиданным протяжным вздохом она положила свой труд в ячейку рядом со столом. Каррианна с непроницаемым лицом смотрела на нее. Оказавшись за дверью, на свету, Беллис оглянулась на оставленную книгу и почувствовала прилив каких-то щемящих чувств.

Она так и не поняла, что это было – торжество или поражение.

«Псайр» был крупнейшим кораблем Зубца часовой башни – большим пароходом давно устаревшей конструкции, переоснащенным под всевозможные мастерские и дешевое жилье. На задней палубе громоздились небольшие бетонные блоки – все в птичьем клее. Веревки с бельем были протянуты между окнами, высунувшись из которых люди и хепри общались между собой. Беллис спустилась по канатному трапу следом за Каррианной к морю, где царили запахи соли и влаги, а оттуда – на галеру, прилепившуюся к борту «Псайра».

Под палубой галеры размещался ресторан, битком набитый шумными посетителями, которых обслуживали официанты, – люди, хепри и даже пара заржавелых конструкторов. Беллис и Каррианна прошли по узкому проходу между двумя рядами столов, на которых стояли миски с кашей, тарелки с хлебом, салатом, сыром.

Каррианна сделала заказ, потом повернулась к Беллис с искренней озабоченностью на лице.

– Ну, – сказала она, – так что с тобой такое?

Беллис подняла на нее глаза, и на протяжении невыносимо долгого мгновения ей казалось, что она сейчас расплатится. Это ощущение быстро прошло, и она взяла себя в руки. Беллис отвернулась от Каррианны, скользнула взглядом по другим посетителям – людям, хепри, кактам. Через два столика от нее сидели два ллогресса: их тройные тела, казалось, были обращены сразу во все стороны. Сзади расположилось какое-то поблескивающее земноводное из квартала Баск – Беллис понятия не имела, к какому роду оно принадлежит.

Она чувствовала, слышала, как снаружи по ресторану хлещут волны, чувствовала, как он движется.

– Я прекрасно понимаю, что у тебя на душе, – сказала Каррианна. – Я ведь тоже из насильно завербованных.

Беллис внимательно взглянула на нее.

– Когда?

– Почти двадцать лет назад, – ответила Каррианна, глядя в окно на гавань Базилио и трудолюбивые буксиры, продолжающие тащить город. Затем медленно, с расстановкой произнесла что-то на языке, показавшемся Беллис знакомым. Ее аналитический мозг лингвиста начал работу, классифицируя отрывистые фрикативные звуки, но Каррианна опередила ее. – Так у меня на родине говорили тем, кто чувствовал себя несчастным. Что-то избитое, глупое, вроде как «Могло быть и хуже». Буквально это значит: «У тебя остались твои глаза, и очки целы». – Она наклонилась и улыбнулась. – Но если это тебя не утешит, я не обижусь. Я куда как дальше от моего первого дома, чем ты, кробюзонка. Больше чем на две тысячи миль. Я с пролива Огненная вода.

Она рассмеялась, увидев приподнятые брови и недоуменный взгляд Беллис.

– С острова Гешен, где правит ведьмократия. – Она положила в рот кусочек карликового армадского цыпленка. – Эта ведьмократия больше известна под названием Шудзар-Мирион-зар-Кони. – Каррианна насмешливо-таинственно махнула рукой. – Город Ратджинн, Рой Черной Печали и так далее. Я знаю, что вы в Нью-Кробюзоне думаете обо всем этом. Но все, что вы думаете, ерунда.

– И как же тебя захватили? – спросила Беллис.

– Меня захватывали дважды, – сказала Каррианна. – Я была похищена, потом похищена еще раз. Мы шли на нашем траулере в Кохнид, что в Гнурр-Кетте. Долгое, нелегкое путешествие. Мне было семнадцать. Мне достался выигрыш в лотерею – я стала ростральным украшением и наложницей. Целыми днями я оставалась привязанной к бушприту и разбрасывала перед кораблем лепестки орхидеи, а ночи проводила, гадая мужчинам по картам и лежа в их постелях. Ночами была скука смертная, но днем мне нравилось. Я раскачивалась там, пела, спала, смотрела на море... Но нас захватил военный корабль из Дрир-Самхера. Самхерийцы были недовольны, что мы ведем торговлю с Кохнидом. У них была монополия... Она еще сохранилась? – вдруг спросила она, но Беллис в ответ могла только неуверенно покачать головой – не знаю, мол. – Так вот, вместо меня они привязали к бушприту нашего капитана и затопили корабль. Большинство мужчин и женщин пересадили на спасательные лодки, дали кое-какие припасы и показали, где берег. До него было далеко, и не думаю, что они добрались... Некоторых из нас взяли на борт. Обращались с нами, в общем-то, неплохо, если не считать наручников и грубых слов. Я изводила себя глупым вопросом: что собираются делать со мной, но тут случился второй захват. Кварталу Сухая осень понадобились корабли, и они послали в рейд своих пиратов. Тогда Армада располагалась гораздо южнее, и корабли Дрир-Самхера были идеальной жертвой.

– И... и как же ты?.. Тяжело тебе было, когда ты попала сюда? – спросила Беллис.

Каррианна некоторое время молча смотрела на нее.

– Некоторые какты так и не смогли приспособиться, – сказала она. – Отказывались, пытались бежать, нападали на стражников. Наверно, их убили. Ну а что до меня и моих товарищей... – Она пожала плечами. – Нас ведь спасли, так что с нами все обстояло иначе... Но все-таки и в самом деле было тяжело, и я чувствовала себя несчастной, тосковала по своему брату. Но, понимаешь, я сделала выбор. Я выбрала жизнь... Прошло какое-то время, и некоторые из моих попутчиков переехали из Сухой осени. Один теперь живет в Шаддлере, другой – в Ты-и-твой. Но по большей части мы остались в квартале, который нас принял первым. – Каррианна занялась едой, потом снова подняла глаза. – Знаешь, это вполне возможно. И для тебя это место тоже *станет* домом.

Она хотела приободрить Беллис. Она старалась быть доброй. Но для Беллис ее слова прозвучали как угроза.

Каррианна рассказывала ей о кварталах.

– Ну, Саргановы воды тебе знакомы, – сказала Каррианна бесстрастным голосом. – Любовники. Любовники в шрамах. Сукины дети. Зубец часовой башни – о нем тебе тоже известно.

«Кварталы интеллектуалов, – подумала Беллис. – Как Барсучья топь в Нью-Кробюзоне».

– Шаддлер – тут обитают струподелы. Баск. Ты-и-твой. – Каррианна пересчитывала кварталы по пальцам. – Джхур. Дворянчик с его Демократическим советом. Этот отважный оплот. И Сухая осень, где живу я, – заключила она.

– Почему ты уехала из Нью-Кробюзона, Беллис? – неожиданно спросила она. – Что-то ты не похожа на колонизатора.

Беллис опустила глаза.

– Я была *вынуждена* уехать, – сказала она. – Неприятности.

– С законом?

– Так, случилось кое-что... – Она вздохнула. – Но я ничего не совершила. Совсем ничего. – Против воли она сказала это с горечью. – Несколько месяцев назад в городе началась эпидемия. И... пошли слухи, что к этому причастен один человек, которого я знала. Милиция начала интересоваться всеми его связями, всеми знакомыми. Конечно, они добрались бы и до меня. Я не хотела уезжать. – Она осторожно выбирала слова. – У меня не было выбора.

Завтрак, компания Каррианны, даже пустой разговор, обычно вызывавший у Беллис презрение, успокоили ее. Когда они поднялись, Беллис спросила Каррианну, как та себя чувствует.

– Я еще в библиотеке обратила внимание... – сказала она. – Надеюсь, ты на меня не в обиде, но мне показалось, что ты слишком бледная.

Каррианна лукаво улыбнулась.

– Ты в первый раз задала мне личный вопрос, – сказала она. – Значит, ты хочешь знать. Я могу подумать, что у тебя ко мне особый интерес. – За дружеским тоном скрывалась язвительность. – Я в порядке. Просто вчера ночью была сдача налога.

Беллис ждала, анализируя уже впитанную ею информацию, – может быть, все как-то прояснится само собой. Не прояснилось.

– Не понимаю, – сказала она, утомленная поисками смысла.

– Беллис, я живу в квартале Сухая осень, – сказала Каррианна. – Время от времени мы должны сдавать налог. Понятно? Беллис, ты же знаешь, что наш правитель – Бруколак? Знаешь его?

– Я слышала о нем...

– Бруколак. Он – аупир. Лоанго. Каталкана. – Каррианна одно за другим произносила эзотерические слова, глядя в глаза Беллис, но понимания в них не видела. – Он гемофаг, Беллис. Немертвый...

Вампир.

Беллис, которая несколько недель жила среди слухов и намеков, назойливых, как комариная туча, уже знала кое-что о городских кварталах, обо всех этих странных микросообществах, соединенных в нездоровый союз, ненавидящих друг друга, плетущих друг против друга интриги.

Но она каким-то невообразимым образом упустила самое поразительное, или невероятное, или ужасающее. В конце дня она задумалась о том мгновении, когда ей дали понять, насколько она невежественна: когда Каррианна объяснила ей причину своей бледности, Беллис стало понятно, как же далека она от дома.

Она осталась довольна тем, что, выслушав объяснения Каррианны, почти ничем не выдала своих чувств – только кровь отлила от лица. Она почувствовала какое-то ожесточение при слове *вампир* – одинаково звучащем что на рагамоле, что на соли. В то мгновение, слушая Каррианну, она поняла, что нельзя быть дальше, чем сейчас, от своего дома.

Обитатели Армады говорили на понятном ей языке. Беллис узнавала корабли, хотя они и были переоборудованы и перестроены. Здесь были деньги и правительство. Что касается нового календаря и терминологии, это она могла выучить. Новообретенная, паразитическая архитектура была странноватой, но понятной. В этом городе вампирам не было нужды прятаться и кормиться тайно – они могли свободно выходить по ночам, могли властвовать.

Беллис осознала, что ее культурные ориентиры здесь неприменимы, и не уставала корить себя за собственное невежество.

В каталоге научных трудов Беллис принялась быстро перебирать расставленные в алфавитном порядке карточки и наконец нашла имя Иоганнеса Тиарфлая. Некоторые его книги имелись в нескольких экземплярах.

«Если Любовникам, в чьей власти я нахожусь, так уж понадобился Иоганнес, – думала она, переписывая шифры его книг, – то я должна проникнуть в их мысли. Постараемся понять, что же их так взволновало».

Одна из книг была выдана, зато другие имелись в наличии. Будучи работником библиотеки, Беллис имела право брать книги на дом.

Было холодно, и она направилась напрямик домой, минуя людские толпы, под скоплениями шумливых армадских обезьян на мачтах, по раскачивающимся мосткам и палубам, по приподнятым улицам города, над волнами, что полоскались внизу, между судами. Было очень холодно, и небеса осипли от свиста. В сумочке Беллис лежали «Хищничество в прибрежных водах Железного залива», «Анатомия сардула», «Записки о животных», «Теории мегафауны» и «Транспланная жизнь – проблема для натуралиста» – творения Иоганнеса Тиарфлая.

Она допоздна просидела у печки, свернувшись калачиком, а за окном холодные облака гасили лунный свет. Беллис читала при свете лампы, переходя от книги к книге.

В час ночи она посмотрела в окно, на темное скопление кораблей.

Кольцо буксиров вокруг города продолжало свой труд.

Беллис думала обо всех кораблях Армады, находящихся в море, об ее посланцах, пиратах, облагавших данью встреченные по пути корабли и земли. Они проходили по морям тысячи миль и наконец возвращались, нагруженные трофеями: несмотря на перемещение города, они какими-то загадочными способами находили его.

Наускописты Армады следили за небом и по незначительным переменам в нем получали данные о приближении кораблей, так что буксиры могли оттащить город в сторону, чтобы его не увидели. Случалось, этот метод не срабатывал, тогда иностранные корабли перехватывались. Затем их либо приглашали совершить торговый обмен, либо уничтожали. Правители владели некой тайной наукой, которая позволяла им всегда знать, чьи корабли приближаются, и приветствовать своих.

Несмотря на позднее время, из некоторых кварталов еще доносились звуки работающих мастерских, заглушающие биение волн и ночной зов животных. Сквозь переплетение канатов, сквозь деревянные планки, мешавшие видеть (словно царапины на гелиотипе), Беллис все же различала очертания судов в кормовой части Армады, где покачивалась платформа «Сорго». На протяжении нескольких недель из ее вершины вырывались пламя и облака магических выбросов. Каждую ночь звезды вокруг нее меркли на своих местах в лучах сероватого, тусклого света.

Теперь это закончилось. Облака над «Сорго» были темны. Пламя погасло.

Впервые со дня прибытия в Армаду Беллис перебрала свои вещи и вытащила забытое письмо. Она уселась у печки и на какое-то время замерла в нерешительности с авторучкой перед сложенным листом бумаги. А потом, рассердившись на собственную неуверенность, начала писать.

Хотя Армада двигалась, пусть и медленно, на юг, в теплые воды, несколько дней стоял лютый холод. С севера задували ледяные ветра. Деревья и плющ, миниатюрные сады, украшавшие корабельные палубы, стали хрупкими и почернели.

Перед самым началом холодов Беллис увидела, как на границе акватории порта резвятся киты. Прошло несколько минут, и они внезапно приблизились к Армаде, потом ударили по воде огромными хвостами и исчезли. Почти сразу же после этого стало холодно.

В городе не было ни зимы, ни лета, ни весны – вообще никаких сезонов, одна только погода. В Армаде погода зависела не от времени года, а от местоположения города. Если Нью-Кробюзон в конце года бывал засыпан снегом, то армадцы в это время могли наслаждаться теплом в Жарком море или же спать, закутавшись в одеяло, пока моряки в теплых куртках медленно буксировали их к Немому океану, где температуры кробюзонцам показались бы мягкими.

Маршруты Армады определялись соображениями пиратства, торговли, сельского хозяйства, безопасности и другими, более туманными. Город не выбирал погоду.

Постоянные перемены климата плохо сказывались на растительности. Флора Армады выживала благодаря магии, удаче, случаю, а также породе. Многовековая селекция позволила вывести быстрорастущие и погодоустойчивые сорта, способные выживать в широком диапазоне температур. Урожаи собирались нерегулярно.

Посевные площади на палубах укрывались от непогоды и искусственно освещались. В старых влажных трюмах располагались плантации грибов и шумные вонючие стойла, набитые поколениями выносливых животных – порождений инбридинга. Под городом были подвешены проволочные клетки, наполненные ракообразными и рыбами, а также плоты – на них выращивались всевозможные водоросли, в том числе целебные.

С каждым днем Флорин все лучше и лучше говорил на соли и вскоре стал проводить больше времени с коллегами. Они заходили в таверны, игровые залы в глубине гавани Базилио. Иногда к ним присоединялся Шекель, который был рад разделить компанию со взрослыми, но чаще он в одиночестве отправлялся на «Кастор».

Флорин знал, что Шекель ходит к женщине по имени Анжевина. Она была служанкой или телохранителем капитана Тинтиннабулума, и Флорин еще ни разу не видел ее. Шекель, по-мальчишески запинаясь, рассказал о ней Флорину; тот слушал увлеченно и снисходительно, с грустью вспоминая собственную юность.

Шекель все больше и больше времени проводил со странными, увлеченными чем-то охотниками, которые жили на «Касторе». Как-то раз Флорин решил проведать его там.

Спустившись под палубу, Флорин оказался в чистом темном коридоре, куда выходили двери кают, – на каждой имелась табличка с именем обитателя. Флорин принялся читать: МОДИСТ, ФАБЕР, АРГЕНТАРИУС. Жилища товарищей Тинтиннабулума.

Шекеля он увидел в столовой вместе с Анжевиной.

Флорин был потрясен.

По его прикидке, Анжевине перевалило за тридцать, и, кроме того, она оказалась переделанной.

Шекель не говорил ему об этом.

Ноги Анжевины кончались бедрами. Она возвышалась наподобие удивительной ростральной фигуры над тележкой на паровой тяге. То был тяжелый гусеничный возок, наполненный углем и дровами.

Флорин сразу же понял, что она – не уроженка Армады. Переделки такого рода были слишком грубыми, причудливыми, неэффективными и жестокими, а потому осуществлялись только в виде наказания.

Он почувствовал расположение к Анжевине за то, что она мирится с капризами парнишки. Потом он увидел, с какой любовью она разговаривает с Шекелем, как наклоняется к нему (под странным – из-за повозки – углом), как заглядывает ему в глаза. И Флорин, потрясенный вновь, замер.

Флорин оставил Шекеля его Анжевине. Он не спрашивал, что происходит. Шекель, попавший в водоворот новых для него чувств, вел себя как мальчик и мужчина одновременно – то становился хвастливым и самодовольным, то, охваченный сильными чувствами,

был тише воды ниже травы. Из немногословных рассказов Шекеля Флорину стало известно, что Анжевина попала в плен около десяти лет назад. Корабль, на котором она находилась, как и «Терпсихория», держал путь в Нова-Эспериум, и Анжевина тоже была кробоюзонкой.

Когда Шекель возвращался домой в маленькие комнатки на левом борту старого судна, превращенного в мастерские, Флорин поначалу испытывал уколы ревности, а потом – раскаяние. Он исполнился решимости, насколько возможно, держаться за Шекеля, но не ограничивать его свободу.

Образовавшуюся пустоту он пытался заполнить, находя новых друзей. Он стал больше времени проводить с коллегами. Среди портовиков царил дух товарищества. Флорин участвовал в их непристойных шутках и играх.

Они открылись ему, приняли его в свой круг, рассказывая самые разные истории.

Он был новеньким, что давало им повод вернуться к старым историям и слухам, которые они слышали уже тысячу раз. Кто-нибудь упоминал про мертвые моря, кипящие приливы или короля мурен и обращался к Флорину: «А ведь ты, наверно, не слышал еще про мертвые моря, Флорин, – говорил он (или она). – Так вот, я сейчас тебе расскажу...»

Флорин Сак выслушивал самые необыкновенные истории морей Бас-Лага, легенды пиратского города и Саргановых вод. Он узнал о чудовищных штормах, пережитых Армдой, узнал, откуда взялись шрамы на лицах Любовников, как Утер Доул расшифровал код вероятности и нашел свой непобедимый меч.

Он был рядом с ними, когда случались счастливые события, – свадьбы, рождения, карточные выигрыши. И когда беды – тоже. Однажды после несчастного случая у женщины-какта отрезало полруки куском стекла: все сбросились, и Флорин отдал, сколько мог, флагов и глаз. В другой раз весь квартал погрузился в скорбь, узнав, что один из кораблей Саргановых вод, «Угроза Магды», затонул около пролива Огненная вода. Флорин горевал вместе со всеми, и его печаль не была притворной.

И хотя ему нравились новые товарищи, а таверны и дружеские застолья были приятным времяпрепровождением (и к тому же позволяли совершенствоваться в языке), его донимала постоянная атмосфера полупризнанной секретности. Он никак не мог понять – для чего все это.

Работе подводных механиков сопутствовали определенные тайны. Что это были, например, за очертания, время от времени видневшиеся позади рядов цепных акул, – очертания, неясные из-за магических (судя по всему) завес? Какова была цель тех ремонтных работ, что он ежедневно выполнял вместе со своими товарищами? Что за субстанцию выкачивала из морского дна на глубине в несколько тысяч футов похищенная установка «Сорго», которую так тщательно стерегли? Флорин не раз устремлял взгляд на ее толстые сегментированные трубы, и от той безмерной глубины, на которую они уходили, начинала кружиться голова.

Что это был за проект, о котором говорили полунамеками и загадочными замечаниями? План, который определял всю их деятельность? О нем никто не говорил открыто, но многие, видимо, что-то знали, а кое-кто – при помощи недомолвок или намеков – давал знать, что понимает его суть.

За всей этой деятельностью Саргановых вод скрывалось что-то крупное и важное, но Флорин все еще не знал, что же это такое. Он подозревал, что не знает об этом и никто из его товарищей, но все равно чувствовал себя не допущенным в некое сообщество, основанное на лжи, лицемерии и обмане.

Время от времени до него доходили слухи о пассажирах, членах команды или других заключенных «Терпсихории».

Шекель рассказал ему о Хладовин, которая работала в библиотеке. Иоганнеса Тиарфлая он видел собственными глазами – тот приходил в гавань с какой-то таинственной группкой. Все делали записи в блокнотиках, вполголоса о чем-то переговаривались. Какая-то часть Флорина с горечью думала, что всякий чиновный люд довольно быстро нашел себя, и, пока он, Флорин, надрывался на тяжелой работе внизу, этот джентльмен тут посматривал, рисовал что-то в блокнотике, шарил у себя в карманах жилетки.

Хедригалл, бесстрастный какт с «Высокомерия», рассказал Флорину о некоем Фенче, тоже с «Терпсихории», который довольно часто приходил к причалам («Ты его знаешь?» – спросил Хедригалл, но Флорин только покачал головой – объяснить, что он знал только узников трюма и тюремщиков, было довольно неблагоприятным занятием). Хедригалл сказал, что Фенч – хороший парень, с которым можно поболтать: он, кажется, уже знаком со всеми в городе и со знанием дела рассуждает и о короле Фридрихе, и о Бруколаке.

Говоря о таких вещах, Хедригалл напускал на лицо это такое небрежное выражение, чем напоминал Флорину Тинтиннабулума. Хедригалл был из тех, кто всегда делает вид, будто знает кое-что о том или об этом, но предпочитает помалкивать. Флорину казалось, что их только начавшейся дружбе придет конец, если он задаст Хедригаллу прямой вопрос.

Флорин пристрастился к вечерним прогулкам по городу.

Он бродил, слыша вокруг звуки воды и кораблей, вдыхая запах моря. В свете луны и ее мерцающих дочерей, свет которых растворялся в тонких облаках, Флорин шел по краю бухты, в которой находилось бездействующее теперь «Сорго». Он шел мимо жилища креев – полузатопленного клипера, бушприт и нос которого, точно айсберг, торчали над водой. Он шел по крытому мостику на корму гигантского «Гранд-Оста» и опускал голову, видя других жертв бессонницы и работающих в ночную смену.

По канатному мостику он перебрался на правый борт Саргановых вод. Над его головой медленно плыл освещенный дирижабль, где-то неподалеку свистел гудок, стучал паровой молот (*ночные работы*), и этот звук на мгновение так отчетливо напомнил Флорину Нью-Кробюзон, что от невыразимого чувства у него перехватило дыхание.

Флорин потерялся в лабиринте старых судов и строений.

Ему казалось, что внизу, под водой, он видит движение и неясные пятна света – встревоженный биолюминесцентный планктон. Казалось, что на звуки города вдалеке иногда откликается эхом что-то огромное и живое.

Он повернул в сторону Дворняжника и гавани Ежовый хребет. Внизу под ним волны с обеих сторон накатывались на полуразрушенную кирпичную стену, разъедаемую солью и плесенью. Высокие фасады и окна – многие с разбитыми стеклами, – переулки между главными улицами, петляющими между старыми переборками и кожухами. Мусор на заброшенных дау. Перила и гакаборты, на которые холодный ветер намотал старые драные плакаты. Сделанные украденными чернилами или яркими красками из кальмара и моллюска надписи извещали о политических событиях и развлечениях.

Мимо неслышно пробежали кошки.

Город двигался, уточнял свое направление; неутомимый флот пароходов перед Армадой, натянув цепи, тащил свою базу.

Флорин постоял в тишине, глядя на старые башни, силуэты коньков, дымоходов, фабричных крыш и деревьев. За узкой полоской воды, в которой разместилось несколько десятков джонок, горел свет в каютах кораблей, построенных на берегах, о которых Флорину Саку ничего не было ведомо. Другие тоже вглядывались в ночь.

(«А ты уже трахался?» – спросила она, и Шекель помимо своего желания вспомнил о том, о чем хотел бы забыть. За пару лишних ломтей хлеба женщины-передельные в зло-

вонной тьме «Терпсихориш» принимали в себя его неловкий член. Вспомнил он и тех, которых держали матросы, не спрашивая об их желаниях (все мужчины свистели ему – мол, присоединяйся); дважды он поучаствовал (правда, однажды только сделал вид, что кончил, и почти сразу же вскочил – уж больно она визжала), и один раз даже вошел и пролился, хотя женищина плакала и сопротивлялась. А до них – девчонки на задворках Дымной излучины и мальчишки (вроде него), выставяющие напоказ срам, – их совокупление было чем-то средним между меновой торговлей, сексом, дракой и игрой. Шекель открыл было рот, чтобы ответить, но слова правды застряли у него в горле, и она увидела это и остановила его (и это было милосердием с ее стороны) и сказала: «Нет, я не о том, когда это было игрой, или за деньги, или когда ты брал или тебя брали силой, я о том, когда ты трахал того, кто хотел тебя и кого хотел ты, когда вы были на равных, как люди». И конечно же, после того как она сказала это, ответ, конечно же, был «нет», и он ответил, благодарный ей за то, что вот теперь у него будет этот первый раз (незаслуженный дар, который он принял смиренно и страстно).

Он смотрел, как она снимает свою блузку, и дыхание у него участилось при виде женского тела и ответной страсти в ее глазах. Он ощутил тепло ее котла (она сказала ему, что должна постоянно поддерживать в нем огонь, что он, старый, поломанный и страшно ненасытный, все время требует топлива) и увидел темную оловянную подставку под ней, как прилив наплывавшую на одутловатую плоть бедер. Он легко скинул с себя одежду и стоял, дрожа, худой и костлявый, со вздернутым, покачивающимся членом подростка. Желание и страсть переполняли его так, что он еле сдерживался.

Она была переделанной, и ничем другим (отбросом из переделанных), он знал это, видел это и тем не менее ощущал в себе жар страсти; и он вдруг почувствовал, как покинул его весь этот налет привычек и предрассудков, как вышло через его поры все то наносное, кробюзонское, чем он был пропитан до самого мозга костей.

«Исцели меня», – подумал он, не отдавая себе отчета в своих мыслях, надеясь на обновление. Он испытал жгучую боль, когда сорвал с себя коросту прежней жизни, предстал открытым и неуверенным в себе перед этой женищиной, перед волной нового. Дыхание снова участилось. Чувства выплеснулись наружу, смешались (прекратили гноиться) и начали рассасываться, залечиваться, обретая новую форму – форму шрама.

«Моя переделанная девчонка», – недоуменно сказал он, но она тут же простила ему это, потому что знала: больше он так уже не подумает.

Это оказалось непросто, ведь ее ножные обрубки были вделаны в металл V-образно, под острым углом, раздвигались едва-едва, и бедра ее с внутренней стороны лишь на несколько дюймов были из плоти. Она не могла развести ноги для него или лечь на спину, и все оказалось ох как непросто.

Но они проявили настойчивость, и их труды увенчались успехом.)

Глава 9

Шекель пришел к Беллис и попросил научить его читать.

Он сказал ей, что знает, как выглядят рагамольские буквы, и примерно представляет себе, какой звук стоит за какой буквой, но что буквы все же остаются для него загадкой. Он никогда не пытался соединить их, чтобы составить слова.

Шекель выглядел подавленным, словно его мысли гуляли за пределами коридоров библиотеки. Улыбка появлялась на его лице реже обычного. Он не рассказывал ни о Флорине Саке, ни об Анжевине, чье имя не сходило в последнее время с его языка. Он хотел знать одно – поможет ли Беллис ему.

Она осталась на два часа после работы и начала учить с ним алфавит. Шекель знал, как называются буквы, но имел о них лишь отвлеченное представление. Беллис попросила его написать свое имя, и он написал – неумело, каракулями, начертал вторую букву до половины, потом перешел к четвертой, потом вернулся к пропущенным.

Он знал, как выглядит его имя на письме, но видел в буквах только отдельные росчерки пера.

Беллис сказала ему, что буквы – это инструкции, приказы воспроизвести звук, с которого обычно начинается их название. Она написала свое собственное имя, отделив каждую букву от соседней пространством в дюйм или больше. Потом она заставила его выполнить содержащиеся в буквах приказы.

Она ждала, пока он с трудом продирается через *б, е, л*, второе *л, и, с*. Потом она свела буквы вместе и заставила Шекеля им подчиниться – все еще медленно – еще раз. А потом еще раз.

Наконец она свела знаки в слово и сказала, что теперь он должен повторить упражнение быстро, сделать то, что говорят ему буквы («Посмотри, как близко друг к другу они стоят»), в один присест.

Б-е-л-л-и-с.

(Как она и предполагала, двойной альвеолярный сбил его с толку.)

Он попытался еще раз и, дойдя до половины, остановился и начал улыбаться этому слову. Он посмотрел на Беллис таким довольным взглядом, что она резко вскочила на ноги. Он произнес ее имя.

Беллис объяснила Шекелю основы пунктуации, и тут ей в голову пришла одна мысль. Она прошла с ним по коридорам и комнатам, мимо разделов, отданных точным и гуманитарным наукам, где ученые читали, притулившись поближе к лампам и маленьким окошкам, потом они вышли на улицу, под морозящий дождь, и по мостику перешли на «Губительную память» – галеон на границе библиотеки. Здесь находились детские книги.

На детской палубе было совсем немного читателей. Окружавшие их полки были выкрашены в яркие цвета. Беллис на ходу вела пальцем по корешкам; Шекель смотрел на них с нескрываемым любопытством. Они остановились на самой корме судна, стены которой были сплошь усеяны иллюминаторами, а пол резко уходил вниз.

– Смотри, – сказала Беллис. – Видишь? – Она указала на медную табличку. – Раг. А. Моль. Рагамоль. Эти книги на нашем языке. Большинство – из Нью-Кробюзона.

Она сняла с полки две книги, раскрыла их. На долю мгновения – слишком короткую, чтобы мог заметить Шекель, – она замерла. С первой страницы на нее смотрели написанные от руки имена, только теперь это были детские каракули цветным карандашом.

Беллис быстро перелистала страницы. Первая книга была для самых маленьких, большая, тщательно раскрашенная от руки, с множеством картинок в примитивистском стиле,

модном лет так шестьдесят назад. Это была история о яйце, которое поссорилось с человеком, сделанным из ложек. Одержав победу, яйцо стало мэром мира.

Вторая книга была для детей постарше – история Нью-Кробюзона. Беллис резко остановилась, увидев травленные картинки Ребер, Штыря и вокзала на Затерянной улице. Она быстро пролистала книгу, и на ее лице появилась удивленно-презрительная гримаса – история была сильно перевернута. Из написанных на фальшиво-детском языке рассказов о Денежном круге, Неделе пыли и, – самый постыдный эпизод – о Пиратских войнах выходило, что Нью-Кробюзон – цитадель свободы, сумевшая выстоять несмотря на почти непреодолимые и несправедливые обстоятельства.

Шекель зачарованно смотрел на нее.

– Попробуй-ка вот эту, – сказала она ему, протягивая «Отважное яйцо»; он почтительно взял книгу. – Она детская, – сказала Беллис. – Саму историю можешь не брать в голову – она тебе покажется глупой и к тому же ничего не значит. Но я хочу знать, сможешь ли ты сообразить, о чем идет речь, если будешь разбирать слова, как я тебе показала. Подчиняйся приказам букв, произноси слова. Тут наверняка встретятся те, которых ты не сможешь понять. Когда встретишь их – запиши, а список принесешь мне.

Шекель недоуменно посмотрел на нее.

– Записать? – спросил он.

Беллис поняла, что творится с ним. Шекель все еще считал, что слова существуют сами по себе – некие неясные символы, смысл которых только-только начал до него доходить. Он пока не представлял себе, что может сам их создавать, вкладывать в них смысл. Он еще не осознал, что, научившись читать, научился и писать.

Беллис нашла у себя в кармане карандаш и наполовину исписанный листок и протянула ему.

– Скопируй слова, которых не понимаешь, чтобы буквы стояли точно в том порядке, в каком они стоят в книге. И принеси мне, – сказала она.

Шекель посмотрел на нее, и на его лице снова мелькнула блаженная улыбка.

– Завтра, – сказала она, – приходи ко мне в пять часов, и я буду спрашивать тебя, что написано в этой книге. А потом будешь читать мне отрывки.

Шекель взял книгу, не сводя глаз с Беллис, и понятиливо кивнул, словно они достигли делового соглашения где-то посреди Собачьего болота.

Когда они вышли из галеона, манеры Шекеля переменялись – он снова напустил на себя нагловатый, чуть высокомерный вид и даже начал рассказывать Беллис о своей портовой шайке. Но при этом он крепко держал «Отважное яйцо». Беллис записала книгу на себя, даже не задумавшись, но Шекеля такое доверие глубоко тронуло.

Тем вечером снова было холодно, и Беллис уселась поближе к печке.

Неумолимая необходимость готовить пищу и есть стала вызывать у нее раздражение. Она сделала и то и другое без всякого удовольствия и как можно скорее, а потом села за книги Тиарфлая и принялась читать, делая заметки. В девять она оставила это занятие и, вытаскив свое письмо, начала писать.

Синьдень, 27-го пыли 1779 г.

(Хотя здесь это и лишено всякого смысла.)

Здесь сегодня 4-е седьменя, кварто морской черепахи, 6/317). Труба «Хромолита».

Я буду продолжать поиски разгадки. Поначалу, читая книги Иоганнеса, я открывала их наугад и наугад листала страницы, собирала воедино те разрозненные сведения, что находила, и ждала вдохновения. Но теперь я поняла, что толку от этого мало.

Иоганнес сказал мне, что его работа – это одна из движущих сил города. По его книгам наверняка можно определить сущность того замысла, частью которого он является и о котором не желает распространяться; но замысла настолько важного, что Армада пошла на акт неприкрытого пиратства в отношении самой мощной державы Бас-Лага. Ведь в конечном счете Любовники возжелали заполучить к себе Иоганнеса, познакомившись с одной из его книг. Но я никак не могу сообразить, какая из его книг – то самое «нужное чтение», которое может вывести на его секретный проект.

И потому теперь я читаю их все по очереди, внимательно, начиная с предисловия и заканчивая указателем. Собираю информацию по крупицам. Пытаюсь уловить, какие замыслы могут стоять за его работами.

Конечно же, я – не ученый. Книг такого рода я прежде не читала. Большая часть написанного для меня – тайна за семью печатями.

«Вертлюжная впадина – это углубление на внешней стороне тазовой кости в том месте, где сходятся подвздошная и седалищная кости».

Это читается как описание фантастического существа: подвздошная, седалищная, тазовая, клиновидная и большая берцовая кости, тромбоциты и тромбины, келоид, рубец. Меньше всего мне пока понравилась книга «Анатомия сардул». Как-то раз молодой сардул боднул Иоганнеса; наверно, в то время он и работал над этой книгой. Могу себе представить, как эта зверюга носилась туда-сюда по клетке, чувствуя воздействие паров усыпляющего средства, и как она взбрыкнула в последний момент. А потом сдохла и была перенесена на страницы мертвой книги, которая лишает Иоганнеса страстей, а сардула – шкуры. Скучное перечисление костей, вен и сухожилий.

Совершенно неожиданно у меня среди его книг появилась одна любимая. И это не «Теории мегафауны», и не «Транспланная жизнь», и не философия зоологии, которая прежде представлялась мне ближе, чем другие. Содержащиеся в этих томах невразумительные размышления кажутся мне любопытными, но туманными.

Нет, внимательнее всего я читаю опус, который кажется мне понятным и зачаровывает меня. Это «Хищничество в прибрежных водах Железного залива».

Хитроумное переплетение сюжетов. Взаимосвязи жестокости и метаморфоза. Мне все это понятно. Крабы-дьяволы и известняковые черви. Устрица-бур, прогрызающая смертельный глазок в панцире своей жертвы. Длительное, замедленное вскрытие гребешка голодной звездой. Морской анемон, резким движением заглатывающий молодого бычка.

Подаренная мне Иоганнесом яркая картинка подводной жизни, в которой есть и пыле-раковины, и морские ежи, и безжалостные приливы.

Но о планах города я из этой книги так ничего и не узнала. Не знаю, что там на уме у правителей Армады, но придется продолжить поиски. Буду и дальше читать его книги. Других подсказок у меня нет. Но мои поиски ключа к Армаде ведутся вовсе не ради счастливой жизни в этой ржавяющей трубе. Найдя то, что мне нужно, я буду знать, куда мы направляемся и зачем, и таким образом смогу подготовиться к побегу.

В дверь Беллис неожиданно постучали. Она встревоженно подняла голову. Было почти одиннадцать часов.

Беллис встала и спустилась по крутой винтовой лестнице в центре ее круглой комнаты. Кроме Иоганнеса, в Армаде никто не знал, где она живет, а с ним она после той ссоры в ресторане ни разу не говорила.

Беллис медленно дошла до двери, подождала. Настойчивый стук раздался снова. Может, он пришел извиниться? Или снова накричать на нее? А хочет ли она его видеть, заново открывать двери для их дружбы?

Она поняла, что все еще сердится на него и в то же время немного стыдится.

Стук повторился, и Беллис сделала шаг вперед, напустив строгое выражение на лицо, готовая выслушать и выпроводить его. Но, распахнув дверь, она остановилась как вкопанная, челюсть у нее удивленно отвисла, подготовленная холодная отповедь замерла на ее губах.

На пороге, съезжившись от холода и настороженно глядя на нее, стоял Сайлас Фенек.

Некоторое время они просидели в молчании, попивая принесенное Фенеком вино.

– Вам повезло, мисс Хладовин, – сказал он наконец, оглядывая убогий металлический цилиндр, ставший для нее домом. – Многие из нас, новеньких, обитают в гораздо худших условиях.

Она удивленно подняла брови, глядя на него, но он кивнул еще раз:

– Клянусь вам, так оно и есть. Разве вы не видели?

Конечно же, она ничего не видела.

– А где живете вы? – спросила она.

– Вблизи квартала Ты-и-твой, – сказал он. – В трюме клипера. Без окон. – Фенек пожал плечами. – Это ваши? – Он показал на книги, лежащие на кровати.

– Нет, – ответила Беллис и поспешила убрать их, чтобы не лежали на виду. – Мне оставили только мой блокнот. Забрали даже те книги, что я сама довольно-таки неплохо накорябала.

– У меня такая же история, – сказал он. – Оставили только мои записки – вахтенный журнал за долгие годы странствий. Очень не хотелось бы его потерять. – Он улыбнулся.

– И чем вы у них занимаетесь? – спросила Беллис.

Фенек в ответ снова пожал плечами.

– Мне удалось избежать всего этого, – сказал он. – Делаю то, что мне нравится. А вы работаете в библиотеке?

– Как? – резко спросила она. – Как вам удалось от них отделаться? И на что вы живете? Некоторое время он молча смотрел на нее.

– Я получил три или четыре предложения... как и вы, вероятно. На первое я сказал, что принял второе, на второе – что уже согласился на третье, и так далее. Им все равно. На что я живу?.. Понимаете, сделать себя незаменимым гораздо проще, чем вы думаете, мисс Хладовин. Предоставлять услуги, предлагать людям то, за что они готовы платить. Главным образом, информацию... – Голос его стих.

Беллис, которая постоянно опасалась всяких заговоров и козней, была поражена его прямоотой.

– Знаете, – сказал вдруг Фенек, – я вам благодарен, мисс Хладовин. Искренне благодарен.

Беллис ждала.

– Вы были в столице Салкрикалтора, мисс Хладовин. Вы слышали разговор между мной и капитаном Мизовичем. Вы, видимо, задавались вопросом: что же было в том письме, что так вывело капитана из себя и заставило его повернуть корабль? Но вы помалкивали. Уверен, вы понимали, что, когда Армада нас захватила, дело для меня могло обернуться крупными неприятностями. Но вы ничего не сказали. И я благодарен вам.

– Ведь вы ничего не сказали им, да? – добавил он с нескрываемой тревогой. – Как я уже сказал, я вам благодарен.

– Когда мы в последний раз говорили на «Терпсихории», – сказала Беллис, – вы мне сообщили, что для вас жизненно необходимо срочно вернуться в Нью-Кробюзон. И что же теперь?

Он неловко покачал головой.

– Преувеличение и... дерьмо собачье, – сказал он, подняв на нее взгляд, но грубое слово не вызвало у нее неодобрительной реакции. – У меня такая привычка – все утрировать.

Он махнул рукой, закрывая эту тему. Последовала неловкая пауза.

– Вы можете говорить на соли? – спросила Беллис. – Я так думаю, что для вашей работы это необходимо, мистер Фенек.

– У меня была возможность в течение нескольких лет совершенствовать свои познания в соли, – сказал он на этом языке. Говорил он легко и быстро, с непритворной улыбкой. Потом продолжил на рагамоле: – Да, кстати, у меня здесь другое имя. Вы меня очень обяжете, если будете величать Саймоном Фенчем – под таким именем меня здесь и знают.

– И где же вы выучили соль, мистер Фенч? – спросила она. – Вы говорили о своих путешествиях...

– Проклятье! – Вид у него был веселый и смущенный. – В ваших устах это имя звучит как ругательство. В этих комнатах называйте меня как хотите, мисс Хладовин, но снаружи прошу вас постараться. Рин-Лор. Я научился соли в Рин-Лоре и на границе Пиратских островов.

– И что же вы там делали?

– То же самое, что и везде, – сказал он. – Покупал и продавал. Я торгую.

– Мне тридцать восемь лет, – сказал он, когда они выпили еще немного, а Беллис подбросила топлива в печь. – Торговцем я стал, когда мне не было еще и двадцати. Я, чтобы вам было известно, уроженец Нью-Кробюзона. Родился и рос под сенью Ребер. Но за последние двадцать лет и пятисот дней не провел в этом городе.

– И чем вы торгуете?

– Чем угодно. – Он пожал плечами. – Меха, вином, машинами, скотом, книгами, рабочей силой. Чем угодно. Меняю спиртное на шкурки в тундре к северу от Джангсаха, шкурки на секреты в Хинтере, секреты и предметы искусства – на рабочую силу и специи в Великом Кромлехе...

Голос Фенека смолк, когда Беллис поймала его взгляд.

– Никто не знает, где находится Великий Кромлех, – сказала она, но он покачал головой.

– Кое-кто из нас знает, – спокойно ответил он. – Я хочу сказать – сейчас. Некоторые из нас сейчас знают. И добраться туда, конечно, ох как нелегко. На север через руины Суруша пути нет, а пойдешь на юг, добавится несколько сотен лишних миль через Вадонок или Какотопическое пятно. Поэтому приходится идти через перевал Кающихся на пустошь Глаз Дракона в обход Дыблящихся вод, огибая королевство Кар-Торрер, затем через море Холодный Коготь... – Голос его замер, но Беллис не шелохнулась, желая услышать, куда лежит путь дальше.

– А потом – Шаттерджек, – тихо сказал он. – А после уже Великий Кромлех.

Он приложился к стакану с вином.

– Они не любят чужаков. Тех, что живые. Но, боги, вид у нас был довольно жалкий. Мы провели в пути несколько месяцев и потеряли четырнадцать человек. Мы добирались туда на дирижабле, на барже, на вьючных животных, на птероптицах, многие мили шли пешком. Я провел там несколько месяцев и привез в Нью-Кробюзон много всяких... диковинок. Вы уж мне поверьте, я повидал кое-что еще удивительнее этого города.

Беллис нечего было сказать. Она пыталась переварить то, что сказал Фенек. Некоторые из упомянутых им мест на самом деле были мифологией чистой воды. Мысль о том, что он побывал там (*жил там, Джаббер его раздери*), была сама по себе из ряда вон выходящей, но ей не показалось, что он лжет.

– Большинство из тех, кто пытается добраться туда, погибают, – сказал он обыденным тоном. – Но если вам это удастся, если вы доберетесь до Холодного Когтя, особенно дальних

его берегов... считайте, что вам уже повезло. Вы попадаете к копиям Шаттерджекс, на пастбищные угодья к северу от Хинтера, на остров Янни-Секкили в море Холодный Коготь... а они так и рвутся торговать, уж вы мне поверьте. Я там провел сорок дней. Единственные, с кем они торгуют, это дикари с севера, которые раз в год приходят на рыбацких лодках и везут вяленое мясо, которого тоже далеко не на всех хватает. – Он ухмыльнулся. – Но главная их проблема в том, что Дженгрис отрезает их от юга, а потому там не бывает никого из внешнего мира. Любого, кому удастся пройти этим путем с юга, они принимают как потерянного брата... Если вы доберетесь туда, то получите доступ к самой разнообразной информации, местам, товарам и услугам, которых больше ни у кого нет. Вот почему я заключил соглашение... с парламентом. Вот откуда этот документ, который позволяет мне при некоторых обстоятельствах реквизируют суда, дает мне определенные права. Я имею возможность обеспечивать город информацией, которую он ниоткуда больше не получит.

Итак, он был шпионом.

– Когда Симли пересек Вздувшийся океан и обнаружил Беренд-Каи-Нев шесть с половиной веков назад, что, по-вашему, он вез в трюме? – спросил он. – «Страстный богомол» был большим кораблем, Беллис... – Фенек помолчал – она не приглашала его называть ее по имени, однако недовольства своего никак не проявила, и он продолжил: – Там были спирт и шелка, мечи и золото. Симли хотел торговать. Именно торговля и была ключом, который открыл восточный континент. Все известные вам землепроходцы: Симли, Донлеон, Брубенн, возможно, Либинтос вместе с этим чертовым Джаббером – все они были купцами. – Говорил он по-детски, со вкусом. – Карты и информацию привозят домой люди вроде меня. Мы, как никто другой, можем давать необходимые советы. Можем продавать их правительству – в этом и состоит мое задание. Ни исследований, ни науки не существует – есть только торговля. Именно торговцы добрались до Суроша, именно они привезли карты, которыми пользовался в Пиратских войнах Дагман Бейн.

Он увидел выражение лица Беллис и понял, что в свете этой истории он со своими товарищами выглядит далеко не лучшим образом.

– Плохой пример, – пробормотал он, и Беллис не смогла сдержать смеха, видя его искреннее раскаяние.

– Я здесь жить не буду, – сказала Беллис.

Было уже почти два часа ночи, и она смотрела в окно на звезды. Буксиры тащили Армаду, и звезды мучительно медленно двигались за стеклом.

– Мне здесь не нравится. Ненавижу, когда меня похищают. Я могу понять, почему не возражают некоторые другие похищенные пассажиры «Терпсихории»... – Эти слова были скупой подачкой тому чувству вины, которое внушил ей Иоганнес, но Беллис встревожила мысль о том, что этого было слишком мало, что это принижало свободу, дарованную человеческому грузу «Терпсихории». – Но я не собираюсь жить здесь. Я вернусь в Нью-Кробюзон.

Говорила она с твердой уверенностью, которой вовсе не чувствовала.

– А я нет, – сказал Сайлас. – То есть я хочу сказать, что хотел бы вернуться и пожить в свое удовольствие после очередного путешествия – обеда в Хнуме и все такое, – но *осесть* там я бы не смог. Хотя я и понимаю, почему вам там нравится. Я видел много городов, и ни один из них не может сравниться с Нью-Кробюзоном. Но стоит мне провести в нем больше двух недель, как меня одолевает клаустрофобия. Этому способствуют грязь, попрошайничество, люди и... тот жаргон, на котором говорят в парламенте... Даже когда я в центре города. На площади Биль-Сантум, или на Плитняковом Холме, или в Хнуме, я все равно чувствую себя так, словно оказался в Собачьем болоте или на Худой стороне. Я не могу их не замечать. Я рвусь прочь оттуда. А что до негодаев, которые там верховодят...

Беллис с интересом наблюдала за этим проявлением открытой неприязни к властям. Ведь он же получал деньги от этого треклятого кробюзонского правительства, и даже сквозь

легкий винный хмель Беллис ясно отдавала себе отчет в том, что именно они, его хозяева, были причиной ее бегства.

Но Фенек не демонстрировал к ним ни малейшей преданности. Он ругал кробюзонские власти с бесшабашным добродушием.

– Они настоящие змеи, – продолжал он. – Рудгуттер и все остальные. Да я им ни на йоту не верю, в гробу я всех их видел. Ну да, деньги я у них буду брать. Если они хотят платить мне за информацию, я буду рад сообщать им то, что знаю. Зачем мне отказываться? Но дружить с ними не собираюсь. Не могу я торчать в их городе.

– Так, значит, для вас все это... – Беллис тщательно подбирала слова, пытаясь понять, что же он собой представляет. – Значит, у вас пребывание здесь не вызывает никаких неприятных эмоций? Вы не питаете особой любви к Нью-Кробюзону...

– Нет, – грубовато прервал он ее, что резко контрастировало с его прежней обходительностью. – Я этого не говорил. Я – кробюзонец, Беллис. Я хочу, чтобы мне было куда возвращаться домой... если в очередной раз отправлюсь странствовать по свету. У меня есть корни. Я не какой-нибудь бродяга. Я предприниматель, торговец, у которого есть штаб-квартира и дом в Восточном Гидде, друзья, связи, и я всегда возвращаюсь в Нью-Кробюзон. А здесь... здесь я пленник... Вовсе не такие странствия были у меня на уме. Будь я *проклят*, если я здесь останусь.

Услышав это, Беллис откупорила еще одну бутылку вина и налила ему.

– А что вы делали в Салкрикалторе? – спросила она. – Тоже занимались *предпринимательством*?

Фенек покачал головой.

– Меня подобрала, – сказал он. – Салкрикалторцы иногда патрулируют воды за сотни миль от острова. Проверяют краали. Один из их кораблей подобрал меня вблизи канала Василиск. Я шел курсом на юг в разбитой подлодке-раковине – она дала течь и двигалась еле-еле. Креи с мелководья к востоку от Солса сообщили им об этом сомнительного вида корыте, которое едва не затонуло у их деревушки. – Он пожал плечами. – Я был зол, как сто чертей, когда они меня подобрала, но все же, думаю, они оказали мне большую услугу. Вряд ли я сам добрался бы до дома. Когда я встретил креев, которые могли меня понимать, мы были уже в Салкрикалторе.

– И откуда вы шли? – спросила Беллис. – С островов Джесхалл?

Фенек покачал головой, глядя на нее. Несколько секунд он молчал.

– Ничего похожего, – сказал он. – Я пересек горы. Я был в море Холодный Коготь. В Дженгрисе.

Беллис резко подняла на него взгляд, готовая рассмеяться или недоверчиво фыркнуть, но тут она увидела лицо Фенека. Он неторопливо кивнул.

– Да-да, в Дженгрисе, – повторил он.

Более чем в тысяче миль от Нью-Кробюзона располагается огромное озеро шириной в четыре сотни миль – Холодный Коготь. На северной его оконечности находится пролив Холодный Коготь – коридор пресной воды шириной в сотню миль и длиной в восемь сотен. На севере пролив неожиданно и сильно разливается, уходя на восток почти на глубину континента, а потом сужается, образуя море Холодный Коготь с кривыми, изрезанными берегами.

Вот что такое Холодные Когти: водное пространство, такое громадное, что иначе как океаном его не назвать. Огромное пресное внутреннее море, окруженное горами, пустынями, болотами и немногими суровыми народами, знакомыми Фенеку – по его словам.

На восточной своей оконечности море Холодный Коготь отделяется от Вздувшегося океана узкой полоской земли – горным хребтом не более чем тридцатимильной ширины.

Отросток на юге моря – острие Когтя – расположен почти точно к северу от Нью-Кробюзона и более чем в семистах милях от него. Но те немногие путники, что шли из города этим маршрутом, всегда забирали слегка на запад, чтобы добраться до моря Холодный Коготь сотнях в двух миль от его южной верхушки, потому что в этом остром выступе моря, словно какое-то постороннее тело, присутствовало нечто необычное и опасное – среднее между островом, полузатопленным городом и мифом. Пользующаяся дурной славой земля амфибий, о которой цивилизованному миру не было известно почти ничего, кроме того, что она существует и представляет опасность.

Место это называлось Дженгрис.

Говорили, что там обитают *гриндилоу* – водные демоны, или монстры, или выродившиеся люди, в зависимости от того, в какую историю вы предпочитали верить. Говорили также, что место это заколдовано.

Гриндилоу, или Дженгрис (различие между местом и обитателями оставалось неясным), с избирательным изоляционизмом, властно и безжалостно правили на юге моря Холодный Коготь. Воды эти были смертельно опасными и неисследованными.

И вот перед ней сидел Фенек, заявлявший – что? – что он жил там?

– Неправда, что там нет чужих, – говорил он; Беллис уже сумела успокоиться настолько, что могла его слушать. – Там даже есть некоторое количество людей, которые вывелись на Дженгрисе... – Губы его скривились. – *Вывелись* – именно то слово, а вот насчет *людей* я уже не уверен. Их вполне устраивает, что все считают, будто те воды – как частичка преисподней, край света. Но, будь я проклят, они, как и все, принимают торговцев. Там есть несколько водяных, пара людей... и другие. Я провел там больше полугода. Поймите меня правильно: там опаснее, чем во всех других местах, где я побывал. Если торгуешь на Дженгрисе, то правила... правила там ни на что не похожи. Вы их никогда не выучите и никогда не поймете. Я был там шесть недель, когда мой лучший тамошний друг, водяной из Джангсаха, который торговал там уже семь лет, был арестован. Я так никогда и не узнал, что с ним случилось и почему, – ровным голосом сказал Фенек. – Может быть, он оскорбил одного из богов *гриндилоу*, а может быть, ткань, что он привез, оказалась недостаточно прочной.

– Так почему же вы там оставались?

– Потому что если вы сможете там продержаться, – с неожиданным возбуждением сказал он, – то оно того стоит. Их торговля необъяснима, навязывать им обмен или пытаться переубедить их бессмысленно. Они просят доставить им бушель соли или стеклянные бусы равными частями – пожалуйста. Никаких вопросов, никаких уточнений. Вам надо – я поставляю. Фруктовое ассорти? Получите. Треска, опилки, смола, грибок – мне все равно. Потому что, клянусь Джаббером, когда они платили, когда они были довольны... Оно того стоило.

– И все же вы оттуда уехали.

– Да. – Фенек вздохнул, встал и заглянул в буфет.

Беллис промолчала.

– Я несколько месяцев провел там – покупал, продавал, исследовал Дженгрис и его окрестности – подводные, вы понимаете, – и вел свой журнал. – Он говорил, стоя к ней спиной, – возился с чайником. – Потом до меня дошли слухи, что я... что я согрешил. Что *гриндилоу* сердиты на меня и если я не уберусь поскорее, то мне конец.

– И что же вы такого сделали? – неторопливо спросила Беллис.

– Понятия не имею, – ответил Фенек. – Совершенно не представляю. Может, те подшипники, что я поставил, оказались не из того металла, а может, луна была не в том доме, или умер кто-то из их магов, и они сочли, что по моей вине. Не знаю. Мне только и было известно, что я должен торопиться... Я оставил кое-что, чтобы они взяли ложный след. Понимаете, я неплохо изучил южный зубец Холодного Когтя. Они окутали все это тайной, но я там ориен-

тировался гораздо лучше, чем положено чужим. Там есть туннели. Трещины в горах, которые лежат между морем Холодный Коготь и Вздувшимся океаном. Вот по этим норам я и добрался до побережья.

Он замолчал и поднял взгляд в небо. Шел пятый час.

– Добравшись до океана, я пытался держаться южного направления, но меня снесло к краю пролива. Там-то меня и нашли креи.

– И вы ждали корабля из Нью-Кробюзона, чтобы попасть домой? – спросила Беллис; он кивнул в ответ. – Наш корабль шел не в том направлении, и вы решили – властью, данной вам согласно той бумаге, – реквизировать его.

Фенек лгал или недоговаривал чего-то важного. Это было совершенно очевидно, но Беллис ничего не сказала на этот счет. Если он захочет восполнить пробелы в этой истории, то сделает это. Она не собиралась на него давить.

Она сидела на стуле, поставив на неровный пол недопитую чашку чая, и вдруг почувствовала такую усталость, что даже слова стали даваться ей с огромным трудом. Увидев первые проблески восхода, она поняла, что ложиться в постель уже поздно.

Фенек наблюдал за ней, чувствуя себя бодрее, чем Беллис, от изнеможения едва владевшая собой. Он приготовил себе еще чашку чая, а Беллис не противилась дремоте, волнами накатывавшей на нее. Она заигрывала со сновидениями.

Фенек начал рассказывать о своем пребывании в Великом Кромлехе.

Он поведал о запахах города, о кремниевой пыли, гнили, озоне, мирре и бальзамирующих специях. Он рассказал о всепроникающей тишине, дуэлях, людях высшей расы с зашитыми губами. Он описал спуск Бонештрассе, великолепные дома, высящиеся по обеим сторонам разукрашенных катафалков и тянущиеся на много миль, Шаттерджекс, видимый в конце проезда. Фенек говорил еще почти час.

Беллис сидела с открытыми глазами и даже смотрела время от времени, когда вспоминала, что не спит. А когда истории Фенека пересекли пространство в полтысячи миль, направившись на восток, и он начал рассказывать ей о малахитовых часовнях Дженгриса, она услышала, как внизу все чаще и громче раздаются крики и стуки, как Армада просыпается. Она встала, разгладила на себе одежду и волосы и сказала, что ему пора уходить.

– Беллис, – сказал он с лестницы.

До этого он обращался к ней по имени лишь в обманчивой интимности ночи. Теперь, когда солнце встало и проснулись люди вокруг, это обращение прозвучало для нее по-иному. Но она ничего не сказала, как бы поощряя его продолжать.

– Беллис, спасибо вам еще раз. За... за то, что вы защитили меня, когда ничего не сказали о том документе. – (Она сурово и молча смотрела на него.) – Я скоро увижусь с вами еще. Надеюсь, вы не против.

И снова она промолчала, осознавая, что при дневном свете между ними возникло отчуждение, что Фенек много недосказывает. И все же Беллис была не против – пусть приходит. Давно она уже не общалась так, как нынешней ночью.

Глава 10

В то утро небо было почти безоблачным, суровым и пустым.

Флорин Сак не пошел в порт. Минувя окружавшие его дом промышленные корпуса, он направился к небольшому скоплению припортовых судов, облепленных тавернами и пересеченных множеством улочек. Его ноги моряка независимо от сознания выравняли туловище при каждом качке мостовой.

Вокруг были кирпичные сооружения и просмоленные брусья. Чем дальше Флорин шел, тем слабее становились звуки с производственных судов и платформы «Сорго». Щупальца его легонько покачивались и шевелились. Они были обмотаны бинтами, пропитанными благотворной морской водой.

Прошлой ночью – уже в третий раз подряд – Шекель не пришел домой.

Он снова был с Анжевиной.

Флорин думал о Шекеле и об этой женщине, немного стыдясь собственной ревности. Ревности к Шекелю или Анжевине – то был узел обид, который ему никак не удавалось развязать. Он старался не чувствовать себя брошенным, хотя и понимал, что брошен. Он решил во что бы то ни стало разыскать парнишку, решил, что двери дома будут открыты, когда бы тот ни вернулся, что он, Флорин, отпустит Шекеля со всем благородством, на какое способен.

Он просто был расстроен тем, что это произошло так скоро.

Уже виднелись мачты «Гранд-Оста», возвышающиеся чуть ли не до самого неба. Аэростаты плыли, как подводные лодки, лавируя между рангоутами города. Он спустился на Сенной рынок и прошел по его малым судам. Его окликали лавочники, толкали ранние торговцы.

Здесь вода была совсем рядом, прямо у него под ногами. Вместе со всевозможным мусором она, издавая сильные запахи и звуки, плескалась в промежутках между судами.

Он на мгновение закрыл глаза и представил, что парит в прохладной соленой воде. Спускаясь, он чувствует, как растет давление, как море ласкает его. Его щупальца хватают проплывающих рыб. Он проникает в тайны подводного города: неотчетливые темные формы вдалеке, сады пульпы, фукуса, водорослей.

Флорин почувствовал, как решимость его слабеет, и пошел быстрее.

Оказавшись в незнакомом ему квартале Зубца часовой башни, он чуть не заблудился. Сверившись с нацарапанной на клочке бумаги картой, он направился по петляющим мосткам, перекинутым над судами внизу, затем через пышно перестроенную каравеллу к «Дюнроллеру» – округлому старому военному судну. На корме корабля покачивалась неустойчивая с виду башня, прикрученная канатами к мачтам.

Местечко было тихое. Даже вода, колыхавшаяся между судов, казалась какой-то сонной. Это были задворки, населенные магами и аптекарями, учеными Книжного города.

Оказавшись в кабинете на самом верху башни, Флорин выплянул в неровно прорезанное окно. Он увидел беспокойное море до самого горизонта, которое мерно наклонялось из стороны в сторону в оконной раме «Дюнроллера», покачивающегося на волнах.

На соли не было слова для обозначения переделки. Серьезные приращения или изменения были редкостью. Все существенные работы (улучшение сделанного на кробюзонских пенитенциарных фабриках, редко что-то совсем новое) проводились горсткой практикующих врачей: магами-самоучками, врачами-специалистами, хирургами и – по слухам – несколькими беглецами из Нью-Кробюзона, чье мастерство было отшлифовано за многие годы, проведенные на государственной пенитенциарной службе.

Чтобы обозначить серьезную операцию, слово позаимствовали из рагамолья. Именно это рагамольское слово и вертелось на языке у Флорина.

Он снова перевел глаза на терпеливо ждущего человека за столом.

– Мне нужна ваша помощь, – нерешительно сказал Флорин. – Я хочу подвергнуться переделке.

Флорин давно уже думал об этом.

Его привыкание к морю воспринималось им как долгое, затянувшееся рождение. Каждый день он все больше времени проводил внизу, и вода относилась к нему все лучше. Его новые конечности полностью адаптировались, стали такими же сильными и почти такими же цепкими, как руки.

Он с завистью смотрел, как дельфин Сукин Джон надзирает за работой его вахты, совершая необыкновенно изящные движения в морской воде (как-то раз он подплыл, чтобы наказать какого-то ленивого работягу, и больно боднул того), он наблюдал, как креи из своих полузатопленных кораблей, рискованно висящих в воде, засоленных во времени, или странные рыболоды из квартала Баск свободно, без всякой оснастки бросаются в воду.

Выйдя из воды, Флорин ощущал, как тяжелеют и неловко повисают щупальца. Но, находясь внизу в водолазной оснастке, одетый в кожу и медь, он чувствовал, что ограничен в своих движениях. Он хотел плыть свободно – горизонтально, вверх – к свету, и даже... о да, даже вниз, в холодную и безмолвную темноту.

Оставалось только одно. Он думал попросить портовое начальство субсидировать его, и они наверняка согласились бы, поскольку были заинтересованы в повышении его эффективности как работника. Со временем решимость Флорина только возрастала, но он отказался от этого плана и начал копить глаза и флаги.

В то утро, когда Шекеля не было дома, а ясное небо исходило соленым ветром, Флорин вдруг понял, что хочет сделать именно это, и ничто другое. Он исполнился великого счастья, осознав: дело вовсе не в его гордыне и не в том, что ему стыдно просить деньги, а всего лишь в том, что процесс и решение целиком, полностью, без малейших сомнений зависят только от него.

Когда Шекель не был с Анжевиной (эти часы оставались в его памяти как сновидения), он проводил время в библиотеке, бродя среди кип детских книг.

Он одолел «Отважное яйцо». В первый раз для этого понадобилось несколько часов. Он снова и снова возвращался к началу, увеличивая, насколько мог, скорость чтения, переписывал слова, которые сперва не мог прочесть, и медленно, по порядку произносил звуки, пока за отдельными формами не начинал брезжить смысл.

Поначалу шло трудно и неестественно, но понемногу становилось легче. Шекель постоянно перечитывал книгу, с каждым разом все быстрее, не интересуясь рассказанной историей, он лишь жаждал этого необыкновенного ощущения, возникавшего, когда буквы на странице начинали наливаться смыслом и ему удавалось поймать беглеца – слово. Ощущение это было таким сильным, таким обескураживающим, что тошнота подступала к горлу, возникали рвотные спазмы. Шекель применял этот метод и к другим словам.

Они окружали его повсюду – знаки за стеклами витрин, знаки в библиотеке, знаки повсюду в городе и на медных табличках в его родном Нью-Кробюзоне, безмолвный крик, который теперь будет звучать для него всегда.

Закончив «Отважное яйцо», Шекель исполнился гнева.

«Как это мне до сих пор ничего не сказали? – со злостью думал он. – Что за хер скрывал от меня все это?»

Беллис поразила манерам Шекеля, когда он нашел ее в маленьком кабинете рядом с читальным залом.

После вчерашнего визита Фенека ее одолевала усталость, но она заставила себя сосредоточиться и спросила Шекеля, как продвигается чтение. К ее удивлению, он вложил в ответ немало чувства.

– Как поживает Анжевина? – спросила она, и Шекедь попытался заговорить, но не смог.

Беллис внимательно смотрела на него. Она ждала мальчишеского хвастовства и преувеличений, но непривычные для Шекеля эмоции явно ошеломили его. Внезапно она прониклась к нему теплым чувством.

– Меня немного беспокоит Флорин, – неторопливо сказал он. – Он мой лучший друг, и мне кажется, что ему теперь немного... одиноко. Не хочу, чтобы он думал, будто я от него отделался. Он мой лучший друг.

И он стал рассказывать о своем приятеле Флорине и между делом, стесняясь, сообщил, как у него идут дела с Анжевиной.

Беллис внутренне улыбнулась – взрослый прием, который хорошо ему удался.

Он рассказал ей об их с Флорином доме на кораблефабрике. Он рассказал об очертаниях каких-то больших предметов, которые Флорин видел под водой. Он начал зачитывать слова, написанные на коробках и книгах, лежавших в комнате. Он громко произносил их и записывал на клочке бумаги, разбивая на слоги, подходя к каждому слову с одинаковым аналитическим безразличием, будь то причастие, глагол, существительное или имя собственное.

Когда они принялись передвигать коробку с трудами по ботанике, дверь кабинета открылась и вошел пожилой человек с женщиной-переделанной.

– Андже... – начал было Шекедь, но женщина, катившаяся на неустойчивом металлическом приспособлении, начинавшемся там, где должны были быть ее ноги, поспешно покачала головой и сложила руки на груди.

Седой человек дождался, когда безмолвная сцена между Шекедем и Анжевиной закончится. Беллис, настороженно поглядывавшая на него, вдруг поняла, что именно он и приветствовал Иоганнеса, когда они прибыли в Армаду. Тинтиннабулум.

Он был мускулист и, несмотря на возраст, держался прямо. Казалось, что его старое бородатое лицо и ниспадающие на плечи седые волокнообразные волосы пересажены на более молодое тело. Он повернулся к Беллис.

– Шекедь, будь добр, оставь нас на пару минут, – тихо сказала Беллис, но тут вмешался Тинтиннабулум.

– В этом нет нужды, – сказал он. Говорил он словно бы издалека – с чувством собственного достоинства, печально. Он перешел на хороший, хотя и с акцентом, рагамоль. – Ведь вы кробюзонка, да? – Беллис промолчала, но он легонько кивнул, словно бы услышав ее ответ. – Я говорю со всеми библиотекарями, в особенности с теми, кто, подобно вам, каталогизирует новые поступления.

«Что тебе известно обо мне? – пыталась понять она. – Что тебе наговорил Иоганнес? Или он, несмотря на нашу размолвку, оберегает меня?»

– У меня здесь... – Тинтиннабулум вытащил лист бумаги. – У меня здесь список авторов, чьи книги для нас особенно важны. Эти авторы очень полезны в нашей работе. Мы просим вас о помощи. Отдельные работы некоторых авторов у нас есть, но мы хотели бы найти еще. О других нам известно, что они написали труды, которые важны для нас. О третьих у нас нет достоверных сведений – только слухи. Как вы увидите, трое из них присутствуют в каталоге, и об этих книгах нам уже известно, но мы заинтересованы и в любых других... Возможно, какое-нибудь из этих имен всплывет в следующей партии книг. А может быть, их работы уже не один век хранятся в библиотеке, но затерялись на стеллажах. Мы тщательно проверили соответствующие разделы – биология, философия, магия, океанология, – но ничего не нашли. Но мы могли что-то пропустить. Каждый раз, когда вы заносите в

каталог книги, будь то новые или старые, завалившиеся за стеллажами, мы просим вас быть начеку. Две из них – те, что не из Нью-Кробюзона, – старые.

Беллис взяла список, полагая, что он длинный, и просмотрела его. Но в центре листа были аккуратно напечатаны лишь четыре имени, и ни одно ничего не говорило Беллис.

– Это самые главные, – сказал Тинтиннабулум. – Есть и другие. Вы получите более обширный список. Но этих четырех мы просим вас запомнить и искать их книги с особым усердием.

Маркус Халприн. Кробюзонское имя. Анжевина, неторопливо направившись к выходу вслед за Тинтиннабулумом, делала Шекелю тайные знаки.

Ул-Хагд-Шаджер (транслитерация), прочла Беллис. Рядом стояло оригинальное начертание имени – рукописные пиктограммы, в которых Беллис узнала лунную каллиграфию Хадоха.

Ниже стояло третье имя – *А. М. Фетчпоу*. Опять кробюзонец.

– Халприн и Фетчпоу – относительно недавние авторы, – сказал Тинтиннабулум от дверей. – Два других постарше. Мы полагаем, что они жили лет сто назад. Не будем больше вам мешать, мисс Хладовин. Если вы найдете что-нибудь из этого списка, любую работу этих авторов, отсутствующую в каталоге, прошу вас явиться ко мне на корабль. Он в носовой части Саргановых вод, называется «Кастор». Заверяю вас: если вы поможете нам, то получите вознаграждение.

«Что тебе известно обо мне?» – с тревогой подумала Беллис, когда дверь закрылась.

Она вздохнула и снова взглянула на бумагу. Шекель заглянул в список через ее плечо и начал неуверенно читать вслух имена.

Круах Аум, произнесла наконец Беллис, не обращая внимания на Шекеля, который с трудом продирался от одного слога к другому. «Ну и экзотика, – иронически подумала она, глядя на это имя, записанное архаичной разновидностью рагамоля. – Иоганнес упоминал тебя. Это кеттайское имя».

Книги Халприна и Фетчпоу наличествовали в каталоге. Перу Фетчпоу принадлежал двухтомный труд «Анти-Бенчамбург: Радикальная теория воды». Книги Халприна назывались «Морская экология» и «Биопсия морской воды».

На имя Ул-Хагд-Шаджера в каталоге отыскалось довольно большое число книг на хадохе, каждая объемом не больше сорока страниц. Беллис была достаточно знакома с лунным алфавитом, чтобы разобрать, как произносятся названия, но понятия не имела, что они означают.

Книг Круаха Аума не обнаружилось. Ни одной.

Беллис наблюдала за Шекелем – он учился читать, пробегая глазами по листам бумаги, на которых записывал трудные слова, произносил их, делал дополнительные пометы, копировал слова с бумаг, лежащих вокруг, с папок, из списка, врученного ей Тинтиннабулумом. Возникало впечатление, будто парнишка когда-то умел читать, потом растерял навыки, а теперь восстанавливал их.

В пять часов он сел рядом с Беллис, и они прочли «Отважное яйцо». Шекель отвечал на вопросы о приключениях яйца с таким старанием, что ее едва не разобрал смех. Беллис читала вслух, по слогам, незнакомые ему слова, помогая справляться с немymi или неправильными буквами. Шекель сказал, что приготовил для нее еще одну книгу, которую успел прочесть в тот день в библиотеке.

Тем вечером Беллис впервые назвала в своем письме имя Сайласа Фенека. Она посмеялась над его псевдонимом, но признала, что его компания, его самоуверенность принесли ей облегчение после долгих дней одиночества. Она продолжила чтение иоганнесовских «Эссе

о животных», спрашивая себя – появится ли Фенек сегодня, а когда поняла, что нет, ее охватила приступ скуки и раздражения, и она отправилась спать.

Ей уже не в первый раз приснилось, как она плывет по реке к Железному заливу.

Флорину снилось, что он подвергается переделке.

Он снова был на пенитенциарной фабрике в Нью-Кробюзоне, где ему привили дополнительные конечности и где он пережил мучительные смутные минуты боли и унижения. Воздух вокруг снова был полон фабричного шума и криков, а он лежал, привязанный к влажной грязной доске, только на сей раз над ним склонялся не биомаг в маске, а армадский хирург.

Снова, точно так же, как днем, хирург показывал Флорину схему его тела с красными метками в местах, где будет проводиться коррекция, а предполагаемые улучшения были показаны наподобие поправок в ученической тетради.

– Будет больно? – спросил Флорин, и тут пенитенциарная фабрика рассеялась, и рассеялся сон, но вопрос остался.

«Больно будет?» – думал он, лежа в своей недавно опустевшей комнате.

Но после спуска под воду желание снова одолело его, и он понял, что меньше боится боли, чем такого вот томления – изо дня в день.

Анжевина объяснила Шекелю – строгим голосом, – как он должен себя вести, когда она исполняет служебные обязанности.

– Ты не должен вот так болтать со мной, – сказала она ему. – Я много лет работаю с Тинтиннабулумом. Саргановы воды платят мне за то, что я опекаю его с самого того дня, как он здесь появился. Он хорошо меня обучил, и я предана ему. Не суйся ко мне, когда я на работе. Понял?

Теперь Анжевина почти все время говорила с ним на соли, чтобы он осваивал язык; она не давала ему спуска, желая, чтобы Шекель поскорее сделался своим в ее городе. Она уже повернулась, чтобы идти, но Шекель остановил ее и, запинаясь, сказал, что, видимо, не придет в ее каюту сегодня. Он чувствует, что должен провести ночь с Флорином, который, наверно, здорово расстраивается.

– Это хорошо, что ты думаешь о нем, – сказала Анжевина.

Мальчик так быстро вырос, с какой стороны ни посмотри. Преданности, желания и любви для нее было недостаточно. Он сбрасывал с себя детство, как старую кожу, и благодаря таким вот, довольно уже нередким, проявлениям мужского характера Анжевина воспламенялась к нему истинной страстью, а к ее смутному родительскому чувству примешивалось что-то более жесткое и низменное, отчего перехватывало дыхание.

– Проведи с ним вечерок, – сказала она. – А завтра приходи к девяти, любовник.

Последнее слово она произнесла мягко. Он научился принимать такие подарки должным образом.

Шекель проводил долгие часы в библиотеке, среди деревянных стеллажей, пергамента, слегка подпорченной кожи и бумажной пыли. Он держался рагамольской секции: осторожно снимал с полок книги, открывал и раскладывал их вокруг себя. Текст и картинки, как бутоны, расцветали на полу. Он медленно впитывал в себя рассказы про уток и бедных мальчиков, которые становились королями, про битвы против плоскодонок, впитывал историю Нью-Кробюзона.

Он записывал все непонятные слова, которые не удавалось произнести: человек, лестница, солнце, Джесхалл, Круах. Он постоянно повторял их.

Бродя от полки к полке, он переносил с собой и отобранные книги, а в конце дня возвращал их на место – но не согласно шифру хранения, который был ему непонятен, а бла-

годаря изобретенному им мнемоническому методу. Шекель запоминал: вот эта книга стоит между большой красной и маленькой синей, а эта – в конце полки, рядом с той, на которой нарисован воздушный корабль.

Как-то раз он страшно запаниковал: снял с полки книгу – картинки внутри и все буквы были хорошо знакомы ему, но когда он принялся их произносить, полагая, что сейчас в голове начнут складываться слова, получалась сплошная тарабарщина. Шекель жутко испугался, решив, что забыл все, чему успел научиться.

Но потом он понял, что взял книгу из соседней секции, что хотя она и написана рагамольскими буквами, но совсем на другом языке. Шекель был поражен, поняв, что значки, которыми он овладел, могут выполнять одну и ту же работу для разных людей, не умеющих объясняться друг с другом. Он усмехнулся, подумав об этом и радуясь такой многозначности.

Он стал открывать другие иностранные тома, производя или пытаясь воспроизвести звуки, обозначаемые буквами, смеялся над выходявшей бессмыслицей. Он внимательно разглядывал картинки и сверял их с тем, что написано. Методом проб он приходил к выводу, что на данном языке эта вот группа букв означает «лодка», а эта – «луна».

Шекель медленно удалялся от рагамольской секции, беря наугад тома и пытаясь понять их непостижимый смысл. Он шел по длинным коридорам, полным детскими книгами, наконец оказался перед новыми стеллажами и снял с полки книгу, алфавит которой был не похож ни на что известное ему. Он рассмеялся, глядя на странные кривые.

Он пошел еще дальше и обнаружил еще один алфавит. А чуть подальше – еще один.

Несколько часов он с удивлением и любопытством исследовал нерагамольские книги. Бессмысленные слова и непонятные алфавиты вызывали у него не только трепет перед миром, но и некое подобие прежнего фетишизма, когда все книги для него были вот такими – всего лишь немymi предметами, имеющими вес, размер и цвет, но лишенными содержания.

Правда, разница все же была. Теперь Шекель, глядя на эти непонятные страницы, знал, что они исполнены смысла для какого-нибудь иностранного ребенка, как открыли свой смысл ему «Отважное яйцо», «История Нью-Кробюзона» и «Оса в парике».

Он разглядывал книги на основном и верхнекеттайском, на сунглари, луббоке, хадохе, с замороженной грустью вспоминая свою прежнюю безграмотность, но ни на долю секунды не желая вернуться к ней.

Глава 11

Сайлас ждал Беллис, которая появилась из «Пинчер-марна», когда солнце уже склонялось к горизонту. Она увидела его – он стоял, в ожидании прислонившись к перилам.

Увидев ее, он улыбнулся.

Они вместе поели, беседуя, уклончиво отвечая на вопросы друг друга. Беллис не могла понять, рада ли она видеть именно его или просто устала от одиночества, но, так или иначе, она была совсем не против его компании.

Он выступил с предложением. Был четвертый книжды морской черепахи – кроведень струподелов, и в квартале Ты-и-твой проводились крупные бойцовские соревнования. Проявить свое мастерство собирались несколько лучших бойцов из квартала Шаддлер. Она видела когда-нибудь «морту крутт» или бой ногами?

Сайласу пришлось уговаривать Беллис. В Нью-Кробюзоне она ни разу не посещала ни цирк гладиаторов Каднебара, ни заведения помельче. Мысль посмотреть такой бой вовсе не привлекала ее, а скорее наводила скуку, но Сайлас настаивал. Поглядывая на него, она поняла, что его желание увидеть эти бои обусловлено не садизмом или вуайеризмом. Беллис не знала причин, но они были не столь низменными. Или, может быть, низменными, но на свой манер.

И еще она знала: он хочет, чтобы она пошла с ним.

Чтобы попасть в Ты-и-твой, они прошли через Шаддлер, обиталище струподелов. Взятые ими воздушное такси проплыло над балками, торчавшими на корме огромного металлического «Териантропа», а потом направилось к правому борту.

Беллис еще ни разу не была в Ты-и-твой. «Пора уже», – сказала она себе, испытывая стыд. Она вознамерилась понять этот город, но ее решимость грозила увянуть и снова превратиться в смутное беспокойство.

Площадка для боев располагалась ближе к носу от флагмана Ты-и-твой – большого клипера с парусами, превращенными в декоративные ленты, – на самых задворках торгового квартала. Арена представляла собой круг из небольших судов со скамейками, расставленными амфитеатром на палубах, – так, что зрители были обращены лицом к водному кольцу. По краям арены с дирижаблей свисали роскошные гондолы – частные ложи для богатых.

В центре была закреплена сама арена – деревянная площадка, по краям которой стояли деревянные газовые лампы и были привязаны бочки, держащие ее на плаву. Так был устроен цирк гладиаторов: стянутые в круг переоснащенные суденышки и воздушные шары, а в центре – плавучая платформа.

Раскошелившись и шепнув словечко-другое, Сайлас освободил два места в первом ряду. Он не переставая говорил вполголоса – рассказывал о политике города и людях, сидящих поблизости.

– Это визирь Ты-и-твой, – рассказывал он. – Пришел вернуть денежки, что потерял в начале кварту. А эта женщина в вуали никогда не показывает своего лица. Говорят, что она член совета Дворняжника. – Глаза его не переставали рыскать по толпе.

Уличные торговцы продавали еду и ароматные вина, букмекеры выкрикивали ставки. Зрелище это, как и большинство из того, что происходило в Ты-и-твой, было невзыскательным и вульгарным.

В толпе были не только люди.

– А где струподелы? – спросила Беллис, и Сайлас начал, как ей показалось, наугад тыкать пальцем в разных направлениях.

Беллис попыталась увидеть то, что было видно ему. Судя по всему, он указывал на людей с землисто-белым цветом кожи, коренастых и сильных на вид. Их лица были изуродованы шрамами.

Зазвучали трубы, и благодаря какому-то химическому трюку огни вокруг арены внезапно вспыхнули красным светом. Толпа восторженно заревела. Через два места от себя Беллис увидела женщину, по лицу которой можно было догадаться, что она – струподел. Та никак не выражала своего энтузиазма – сидела тихо среди бушующих зрителей. Беллис видела и других струподелов – они вели себя так же, флегматично ожидая боев в свой святой день.

По крайней мере, презрительно подумала Беллис, всеобщая жажда крови здесь откровенная. А букмекеров-струподелов столько, что совершенно ясно – что бы там ни говорили старейшины Шаддлера, здесь это целая отрасль.

Беллис недовольно подумала, что она напряженно ждет начала зрелища. Возбужденно.

Когда на арену доставили трех первых бойцов, толпа замолкла. На мужчинах-струподелах, поднявшихся на платформу, не было ничего, кроме набедренных повязок. Они встали в центре, прижавшись друг к другу спинами.

Они держались спокойно, были хорошо сложены, их сероватая кожа в свете газовых ламп отливала мертвенной белизной.

Один из них, казалось, смотрел прямо в глаза Беллис. Видимо, его ослепил свет, но она все же тешила себя мыслью, что он выступает только для нее.

Бойцы встали на колени и ополоснулись из чанов с разогретой жидкостью цвета зеленого чая. Беллис видела в жидкости листья и почки.

Потом она вздрогнула. Каждый достал из своего чана по ножу и замер – с лезвий капала жидкость. Ножи были изогнутыми, их режущая кромка имела вид крюка или когтя. Ножи для свежевания. Для того, чтобы испаривать, разрезать плоть.

– Они что – дерутся этими штуками? – спросила Беллис, повернувшись к Сайласу, но неожиданный всеобщий вскрик снова заставил ее обратить взор на платформу. Ее крик последовал с запозданием на мгновение.

Струподелы сами испаривали себе кожу.

Боец, стоявший лицом к Беллис, рваными движениями ножа очерчивал свою мускулатуру. Он всунул нож под кожу на плече, потом с хирургической точностью провел красную кривую линию, связав ею дельтовидную мышцу и бицепс.

Кровь, казалось, сначала помедлила мгновение, а потом хлынула из раны, как кипящая вода, принялась бить фонтаном из разреза, словно давление в его жилах было неизмеримо больше, чем у Беллис. Кровь заливала его кожу, образуя на ней жуткую пленку, а он деловито поворачивал руку из стороны в сторону, направляя поток по непонятной для Беллис схеме. Она смотрела, полагая, что фонтаны крови зальют площадку, но *этого не случилось*, и дыхание ее замерло, когда она увидела, что кровь свертывается.

Жидкость обильно сочилась из ран, материя крови напозла сама на себя, утолщалась. Беллис видела, как края раны зарубцовываются, зарастают свернувшейся кровью, как образуются большие ее скопления, как красное быстро коричневеет, потом переходит в синее и черное и затвердевает, образуя кристаллическую корку в несколько дюймов поверх кожи.

Кровь, сочившаяся по руке, тоже свертывалась, вырастая в объеме с невероятной скоростью и изменяя цвет, так что становилась похожей на яркую плесень. Куски струпьев вращались в кожу, образуя вкрапления, похожие на кристаллы льда или соли.

Боец снова погрузил свой нож в зеленую жидкость и продолжил делать надрез. Тем же самым занимались и другие у него за спиной. Лицо его искажала гримаса боли. Из надреза

вырывалась кровь, текла по выемкам на его мускулатуре и затвердевала как некое подобие панциря.

– Эта жидкость замедляет коагуляцию и позволяет им соорудить что-то вроде доспехов, – прошептал Сайлас на ухо Беллис. – Каждый из бойцов выбирает форму надрезов по своему усмотрению. Это часть их искусства. Легкие и подвижные так направляют кровь из порезов, чтобы она не сковывала суставы, им не нужен слишком тяжелый панцирь. Неторопливые, мощные бойцы наращивают струпья до такой степени, что покрываются броней как конструкторы.

Беллис не хотелось говорить.

На эти жуткие, тщательные приготовления у бойцов ушло довольно много времени. Каждый из них по очереди вспарывал себе лицо, грудь, бедра, наращивая покров из засохшей крови, которая образовывала кирасы, наголенники, наручники и шлемы с неровными кромками и небывалой окраской. Произвольные надрезы вели к образованию потоков, напоминающих вулканическую лаву – органическую и минеральную одновременно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.